

МОЛИТВА КО ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЕ, ИГУМЕНИИ ГОРЫ АФОНСКОЙ

О Пречестная Владычице Богородице, Всечестная наша Мати Игумение, всех православных обителей иноческаго жития, во святей Горе Афонстей и по всей вселенней сущих!

Приими смиренныя моления наша и принеси яко Всещедрому Богу нашему, да спасет души наша Своею благодатию.

Возри на ны милосердным Твоим оком и соверши Сама о Господе наше спасение, понеже без милости Спаса нашего и Твоего святаго о нас ходатайства, мы, окаянные, не возможем совершити свое спасение, яко окаляхом житие наше в суетах мирских, ибо время приближается жатвы Христовой и день Страшнаго Суда приспе.

Мы же, окаянные, погибаем в бездне греховной, нерадения ради нашего, по реченному от святых отцев, первоначальников ангельскаго по плоти жития: яко последний монаси нерадением жития своего уподобятся мирским людем, еже и сбытся днесь, ибо иночество наше плавает житием своим в море житейстем среди великия бури и непогоды: ибо наши святыя обители в прахе пребывают грехов ради наших, Всеправедный Господь наш Иисус Христос, тако благоволи, мы же, недостойнии, не имеем где главы подклонити.

О сладчайшая наша Мати Игумение! Собери ны, разсеянное стадо Христово, воедино и спаси всех православных христиан, сподоби райския жизни со Ангелы и всеми святыми во Царствии Христа Бога нашего, Ему же честь и слава со Безначальным Его Отцем и со Пресвятым и Благим, Животворящим Духом во веки веков. Аминь.

Духовный Собеседникъ

2016 №5 (85)

Председатель
редакционного совета
Высокопреосвященнейший Сергей,
митрополит Самарский и Сызранский

Редакционный совет:

Епископ Никифор (Хотеев)
Епископ Софроний (Баландин)
Архимандрит Георгий (Шестун) – гл. редактор
Протоиерей Николай Манихин
Протоиерей Николай Агафонов
Архимандрит Вениамин (Лабутин)
Протоиерей Олег Агапов
Протоиерей Евгений Зеленцов
Протоиерей Игорь Макаров
Протоиерей Дмитрий Лескин
Протоиерей Александр Урывский
Протоиерей Рустик Гузь – секретарь ред. совета
Протоиерей Алексей Подмарицын
Д. В. Сивиркин
Монахиня София (Бельчикова)
Ю. В. Изъятский

Над номером работали:

Монахиня Феофания (Купер) – ответственный секретарь
Мария Винникова – редактор
Анна Коваленко – редактор
Елена Кузнецова – редактор
Анна Чупракова – набор
Александр Филимонов – верстка

Адрес редакции: Россия, 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

Почтовый адрес: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

Тел.: (846) 334-12-72, 336-84-41. Факс: (846) 336-18-99.

Эл. почта: redaktor@духовныйсобеседник.рф

Электронная версия «ДС» в Интернете: духовныйсобеседник.рф

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

СОДЕРЖАНИЕ

**МОЛИТВА КО ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЕ,
ИГУМЕНИИ ГОРЫ АФОНСКОЙ** 1

СЛОВО ПАТРИАРХА

Из Слова Святейшего Патриарха Кирилла,
сказанного после молебна в Русском
на Афоне Пантелеимоновом монастыре 4

ГЛАГОЛЫ ЖИЗНИ

Епископ Пепр (Екатериновский)
«Не удали щедрот Твоих» 6

ЖИЗНЬ ВО ХРИСТЕ

Константин Леонтьев
Воспоминание об архимандрите Макарии,
игумене Русского монастыря св. Пантелеимона
на Горе Афонской 12
К 1000-летию русского присутствия на Афоне

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОБРАЗА

Игуменья Нина (Механикова)
Образ святого Царя-страстотерпца Николая II
в воспоминаниях современников 38

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Пепр Мультипаули
Император Николай II 62

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ДУШИ

Константин Леонтьев
Четыре письма с Афона 78
К 1000-летию русского присутствия на Афоне

Трибуна русской мысли

Виктор Троспников
Письмо самарскому другу 112

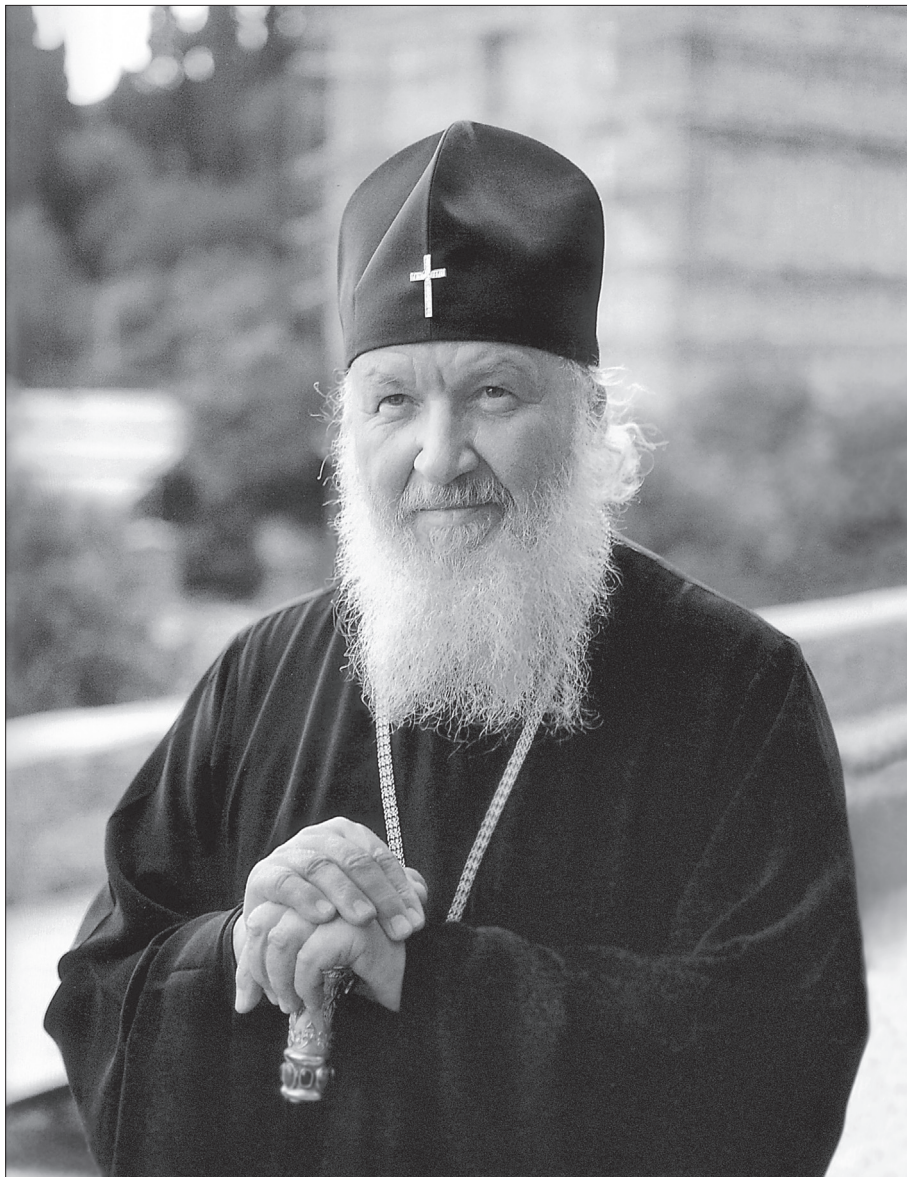
СПАСТИ И СОХРАНИТЬ

Игумен Ипапий (Хвостенко)
Живые рыбы плывут против течения 118

ПО СВЯТЫМ МЕСТАМ

Сергей Жигалов
Молитва на Святой Горе 128
К 1000-летию русского присутствия на Афоне

ИЗ СЛОВА СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА КИРИЛЛА,
СКАЗАННОГО ПОСЛЕ МОЛЕБНА В РУССКОМ НА АФОНЕ
ПАНТЕЛЕИМОНОВОМ МОНАСТЫРЕ

Ваше Высокопреосвященство, владыка митрополит Милетский Апостол! Ваши Высокопреосвященства и Преосвященства! Досточтимый отец Иеремия! Дорогие отцы и братия! Христос Воскресе!

Всякий раз, когда ступаешь на землю Афона, испытываешь особое состояние души, потому что прикасаешься к многовековому духовному подвигу людей, оставивших мир и ушедших сюда, в уединенное место, посвятивших себя молитве, созерцанию и труду. Молитва – в самом центре монашеской жизни. По словам святого, монах без молитвы – это черная головешка, не до конца сгоревшее дерево, которое ни к чему употребить невозможно, которое ни на что не способно – и гореть не может, и сделать из него ничего нельзя. Точно так же и в монашеской жизни: если искренняя, сердечная молитва монаха уходит из жизни, то в ней ничего не остается, потому что молитва – ее сердцевина. И потому, что здесь возносится горячая молитва всех насельников Афонской Горы, потому, что здесь молитва сочетается с подвигом поста и уединения, и воспринимается это место не разумом, а сердцем как особый источник Божественной благодати.

Я прибыл сюда со своими спутниками, чтобы вместе с вами, мои дорогие, отпраздновать 1000-летие зафиксированного в соответствующих документах присутствия русских на Святой Горе.

За эту тысячу лет многое произошло и в истории Афона, и в истории нашей земли. Но связи, заложенные в глубокой древности, уже никогда по-настоящему не прерывались, даже в самые тяжелые годы безбожного лихолетья. Хотя физически общаться было невозможно, но здесь, на Горе Афон, особенно в Русском Свято-Пантелеимоновом монастыре, всегда возносились к Богу молитва о народе нашем и о Церкви нашей. А как только появилась первая возможность посещать Святую Гору, сюда стали прибывать наши иерархи, священники, богомольцы – вначале по несколько человек в год, а потом и более.

И вот сегодня мы свидетельствуем о том, что изменились времена и большое количество паломников со всего пространства исторической Руси, из всех стран и всех народов, живущих на этих просторах и окормляемых Русской Православной Церковью, посещают Святую Гору. Нам очень хотелось особым образом отметить 1000-летие присутствия русского монашества на Афоне и, конечно, восстановить все порушенное, – то, что порушила огненная стихия, что порушило время, что порушило безлюдье. Поэтому с особым чувством я взираю сейчас на обновленный почти до неузнаваемости древний Свято-Пантелеимонов монастырь.

Я всех вас прошу не ослабевать в молитвах о земле Русской, о Церкви нашей и о народе, который, несмотря на самые тяжкие исторические обстоятельства, сохранил веру в сердце и остался верным Христу.

Пусть благословение Божие пребывает со всеми вами. Храни вас Господь!

27 мая 2016 г.

НЕ УДАЛИ ЩЕДРОТ ТВОИХ

ОБ УТЕШЕНИЯХ ДУХОВНЫХ И О ТОМ, КАК ВЕСТИ СЕБЯ
В СОСТОЯНИИ ДУХОВНОЙ СУХОСТИ

Епископ Петр (Екатериновский)

Плодом молитвы бывают чувства умиления, утешения. Однако достоинство молитвы состоит не в мимолетном возбуждении и живости чувствований, как и вообще набожность не требует горячности сердечных чувствований, а только твердого, неизменного, благоговейного расположения духа, искренней преданности Божией воле и всецелого посвящения себя на служение Богу. Сладких чувств умиления без ущерба для благочестия может и не быть, как видим высочайший пример Самого Искупителя¹. Напротив, чем большую сухость чувствований кто терпит, тот тем более может проявлять свою духовную силу, так что

подкрепляемый одной простой верой прилепляется не к дарам и утешениям, а к одному виновнику их – Богу, говоря с Псалмопевцем: *Кто мне на небе? и с Тобою ничего не хочу на земле. Изнемогает плоть моя и сердце мое: Бог твердыня сердца моего и часть моя вовек* (Пс. 72, 25 – 26). Хотя горячие благочестивые чувствования и не составляют сущности набожности, но и ими не должно пренебрегать. Когда они даруются нам от Бога, то много содействуют нашему преуспеянию в совершенстве. При их помощи дух наш легче и скорее отрешается от земных удовольствий, чувствует даже от-

Печатается по: Петр (Екатериновский), *еп.* Указание пути к спасению. М., 1994. С. 169 – 180.

Пс. 39, 12: *Ты же, Господи, не удали щедрот Твоих от мене.*

¹ См. Мк. 14, 33 и далее.

вращение к ним. Ни с чем не сравнимая сладость благодатных даров привлекает сердце к большей любви к Богу и духовной жизни и то, что мы прежде делали с принуждением, неохотно, после будем делать уже с легкостью, охотой, даже удовольствием. Таким образом, благодатные утешения, порождая в душе любовь к благочестию, укрепляют наш дух, сообщая ему бодрость в прохождении трудного поприща добродетели.

Но всякому надобно остерегаться, чтобы не злоупотреблять этими небесными удовольствиями. Такие злоупотребления бывают, если кто привязывается к ним так, что не столько Самого Бога ищет и желает, сколько живых, сладостных чувствований от Него, а также если кто допускает самомнение, нравится сам себе, любит себя собою, когда кто во время утешения думает, что он все худые пожелания и страсти уже победил и достиг высшей степени совершенства. От того бывает, что такие люди считают себя святее других, находящимися в полной безопасности, предаются беспечности, отвергают советы духовного руководителя, следуют только своему мнению и безрассудно вдаются в опасные случаи, ведущие ко греху. Равно погрешают и те, которые, думая, что все достоинство добродетели состоит в одних чувствованиях, во время молитвы стараются самостоятельно возбуждать эти чувствования какими-нибудь нелепыми средствами, а когда их усилие не увенчивается успехом по их желанию, то впадают в малодушие, уныние и оставляют молитву.

Бывали и такие примеры, что люди, упоенные такими удовольствиями чувствований, становились склонными и к нечистым удовольствиям плоти так, что корабль их, лишившись трезвого кормчего и слишком много полагаясь на попутные ветры, быстро несся по волнам живых чувствований и легко разбивался о камни постыдных пороков. Если сосуд будет нечист, то чего не вольт в него – все испортится¹.

Особенно это надобно сказать о том чувстве умиления, которое происходит от легкой возбудимости слабых нервов, от чувствительности сердца, изнеженной природы, как это бывает иногда при чтении трогательных молитв или слушании гармонического церковного пения. Потому есть много женщин, которые сколько бы ни казались богатыми чувством набожности, большей частью не имеют твердой добродетели, постоянства в ней. Они бывают склонны к

¹ См. : Лев. 11, 33 – 34.

воздыханиям и слезам, проливаемым по нежности сердца, ежедневно прочитывают много молитв, желая чаще усладить себя этой ангельскою пищей, но в домашнем быту своенравны, капризны, сварливы, упрямы, завистливы, недоброжелательны, болтливы, любят пересуживать других, которые на них не похожи, угождают себе во всех прихотях. Из этих примеров вовсе не следует заключать, что живые чувства благочестия не имеют никакой цены или пользы, но между правильным употреблением и злоупотреблением есть большое различие. Потому, чтобы эта небесная пища, доставляющая нам отраду и укрепление сил в подвигах благочестия, не обратилась в яд, надобно знать следующее. Когда небесные утешения и услаждения даруются нам, то мы должны принимать их всегда с глубоким смирением, в твердом убеждении, что они ниспосылаются нам не по нашим заслугам, а по одной благодати Бога, Который хочет нас, как слабых младенцев, привлечь к Себе, ободрить, укрепить для предстоящих подвигов и браней. Особенно часто Бог это делает в начале нашего обращения на путь благочестия, когда страсти еще сильно влекут в противную сторону, и у слабого подвижника недостает сил противиться им, отрешаться от чувственных удовольствий.

Необходимо остерегаться, чтобы наше сердце не слишком жаждало и привязывалось к таким услаждениям так, чтобы мы, приступая к делам благочестия только для получения этих утешений или наслаждаясь ими, забывали Самого Бога – благого их подателя. Строгие подвижники называют это духовным прелюбодейством. Надобно опасаться, чтобы не случилось того, что говорит Премудрый: *Нашел ты мед, – ешь, сколько тебе потребно, чтобы не пресытиться им и не изблевать его* (Притч. 25, 16). Какая неблагодарность, когда этими самыми утешениями, которыми Бог так отечески привлекает нас к Себе, мы отвлекаемся, уклоняемся от Него! Когда Бог видит, что мы чрезмерно прилепляемся к сердечным утешениям, ища в них не Бога, а наслаждения для себя, то отнимает их у нас и посылает скорби. Также во время благодатных утешений, как бы мы ни казались себе превознесенными над всеми земными пожеланиями так, что готовы взывать с апостолом: *Кто отлучит нас от любви Божией?* (Рим. 8, 35) – однако же не должны надеяться на самих себя и предаваться самонению и самодовольной беспечности. Должно помнить, что они как даруются нам без наших заслуг, так не в нашей воле и удержать их. За гордое мнение о себе Бог отнимает Свое благодатное утешение, тогда сердце становится как камень, и мы можем вовсе упасть духом.

Надо стараться в меру сил достигать тех целей, для которых даются эти утешения: чтобы дух наш более и более воспламенялся любовью к Богу, отрешался от пристрастия ко всему земному, с большим усилием преодолевал все препятствия и трудности на пути благочестия и неуклонно с бодростью стремился к высшему совершенству. Когда же бывает необыкновенное утешение, надобно открывать свое душевное состояние духовному руководителю, чтобы узнать, что при этом делать и чего остерегаться, потому что иногда и враг сообщает нам услаждение для того, чтобы ввести подвижника в высокое мнение о себе, самонадеянность, беспечность, обольстить и погубить¹.

Но как в атмосфере или на море не всегда бывает одинаковая погода, – то тепло, ясно, тихо, то холодно, мрачно, бурно, – так и в жизни нашей, и в душе нашей: то спокойствие и отрада, то смущение или уныние, холодность сердца, сухость чувств. Во время благодущия и молитва как бы сама собой выливается из души, и всякое благочестивое дело делается легко. А в безутешном состоянии сухости чувств душа черствеет, нет сил и расположения ни к молитве, ни к подвигам благочестия, деятельность духа вовсе упадает, и состояние это весьма тяжелое. Потому очень важно знать, от чего оно происходит и как от него избавиться.

По словам преподобного Кассиана, сухость чувств и бесплодность духа завязят от трех причин: от нас самих и от нашего нерадения, от нападения диавола и по устроению или попусшению Божию². Сухость чувств иногда бывает и от расстройства здоровья, но чаще – от нашего нерадения, когда посылаемые нам благодатные утешения мы не стараемся прилагать к делам благочестия, а хотим только беспечно ими наслаждаться. Особенно теряются благодатные утешения от развлечения суетными мечтами, празднословием, от излишних житейских забот, от занятия бесполезными делами, от пресыщения в пище, питье, от излишества сна, от гнева и вообще от страстей, от чувственности, которая сильно тоскует, когда не дают пищи страстям, а по удовлетворении страстям дух падает еще больше³.

¹ *Добротолюбие*. Ч. 2, гл. 74; ч. 4, гл. 31 – 33; см. также *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица. Сл. 7, § 30, 48. (Далее: *Лествица*).

² *Христианское чтение*. 1846. Ноябрь.

³ *Лествица*. Сл. 7, § 5, 8, 32; сл. 14, § 19; см. также *Исаак Сирин, прп.* Слова подвижнические. Сл. 30; *Добротолюбие*. Ч. 4, § 58; *Пролог* в поучениях на каждый день года. 18 мая; *Патерик*. § 24.

«Если, брат, – говорит один старец-подвижник своему ученику, – не имеешь в душе своей умиления, то знай, что имеешь высокое мнение о себе, чрез меру насыщаешь чрево или много спишь. Все это не допускает душе умиляться; равно и смех, празднословие и то, что не часто обращаешься к Богу с молитвой. Плач от умиления, как горящий светильник. Если за светильником внимательно не наблюдаешь, он темнеет или вовсе угасает. Так и плач угасается многоядением, многим сном, и всякий плотский покой подавляет его»¹.

Преподобный Марк Подвижник говорит: «Без сокрушения сердца невозможно совершенно избавиться от зла, а сердце сокрушается от тройственного воздержания: от сна... пищи и телесного покоя. Ибо излишество оных производит сладострастие, а сладострастие принимает злые помыслы и противится молитве и приличному служению»².

Безотрадное состояние сухости иногда происходит и от злого духа. Преподобный Марк Подвижник говорит, что «когда диавол увидит, что ум наш помолился от сердца, тогда он наносит великие и хитросплетенные искушения»³. Когда Бог дает душе твоей умиление, сатана напоминает тебе о разных делах, говоря: «Это дело нужно сделать теперь же» или «иди к тому-то, он болеет» или возбуждает на гнев, который скорее всего губит умиление⁴. Святой Иоанн Лествичник говорит, что если мы будем наблюдать за хитростями бесов, то найдем, что они часто горько насмеваются над нами: «Когда мы насытились, они возбуждают в нас умиление, когда же постимся, ожесточают нас, чтобы мы, прельстившись ложными слезами, предалися наслаждению – матери страстей»⁵. Наводя на душу сухость, они хотят отвлечь нас от подвигов благочестия как занятия скучного и привлечь к суетному развлечению и чувственным утешениям, в которых обещают отраду и удовольствие. Если же это им не удастся, то стараются привести нас в малодушие, уныние, которое, подавляя своей тяжестью дух, ведет человека к отчаянию – совершенной смерти души. Бог и Сам лишает нас утешения, когда мы начинаем думать о себе высоко, любоваться собою, тщес-

¹ Пролог. 10 февраля; см. также Патерик. § 23.

² Марк Подвижник, *прп.* О покаянии. Сл. 2, § 210.

³ Там же. § 88, 173.

⁴ Пролог. 18 мая.

⁵ Лествица. Сл. 7, § 48.

лавиться, поступая в таком случае подобно матери, которая отнимает сахар у ребенка, подверженного глистам.

Один подвижник говорит, что если Бог дарует тебе плач, то не говори в себе: великое дело делаю, что плачу. Когда Бог увидит, что человек тщеславится слезами, то отнимает их, и сердце его становится жестоко, как камень, и человек погибает¹. Иногда Бог лишает нас утешения и без нашей вины, посылая душевный мрак даже на особенно угодивших Ему людей, и преимущественно на тех, которых хочет возвести к высшему совершенству, чтобы этим средством очистить их от всякой нечистоты не только плоти, но и духа, укрепить их в добродетелях смирения, чистоты сердца, терпения и т. п.

Бог распределяет Свои утешения следующим образом. При начале благочестивой жизни, по словам блаженного Диадوخа², Бог обыкновенно дарует сладостные и обильные утешения душам, недавно обратившимся, еще слабым, которым нужно питаться не твердой пищей, а молоком, чтобы они, привлекаясь этой сладостью к Богу, скорее отрешались от удовольствий плоти и мира, вкусив небесной манны, скорее получили отвращение к горькому луку египетскому. Когда же люди несколько преуспевают, то Бог мало-помалу отучает их и от этих услаждений, чтобы они прилеплялись к Нему не ради благодатной сладости, а ради Его Самого.

¹ Пролог. 11 августа; см. также Патерик. § 24; Макарий Великий, прп. Духовные беседы и слова. Беседа 27, § 8.

² Добротолюбие. Ч. 4, § 90.

Епископ Петр (Екатериновский) родился в 1820 г. в семье священника. Учился в Саратовской семинарии, Московской духовной академии, где и принял монашеский постриг, был рукоположен во иеродиакона, а затем во иеромонаха. По окончании духовной академии он был назначен преподавателем Священного Писания в Иркутскую семинарию. Здесь иеромонах Петр возведен в сан архимандрита и в качестве ректора возглавил семинарию. Неся это нелегкое бремя, он не оставлял подвига внутреннего монашеского делания, что определило его дальнейшие труды как духовного писателя. В своей книге «О монашестве» архимандрит Петр приводит множество примеров аскетического опыта, говорит о трудностях и искушениях в иноческой жизни.

Во епископа Новоархангельского он был хиротонисан в 1859 г., затем назначен епископом Якутским, в разные годы руководил Уфимской, Томской и Семипалатинской кафедрами.

Во время своего архипастырского служения преосвященный Петр много трудился на ниве апостольской, распространяя и утверждая христианскую веру среди язычников, усердно молясь о своей пастве. Труды епископа Петра дают возможность почерпнуть бесценный опыт из богатейшей сокровищницы духовного наследия XIX века.

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ АРХИМАНДРИТЕ МАКАРИИ, ИГУМЕНЕ РУССКОГО МОНАСТЫРЯ СВ. ПАНТЕЛЕЙМОНА НА ГОРЕ АФОНСКОЙ

I

Девятнадцатого июня скончался на Афоне игумен Русского Пантелеймоновского монастыря архимандрит Макарий. В телеграмме, полученной через Афины «Московскими ведомостями», говорится, что смерть его была почти внезапная. Он сам служил литургию и только что стал разоблачаться, как вдруг его поразил удар. Окончить самому литургию, в последний раз совершить великое таинство Евхаристии и умереть! Счастливая кончина – вполне достойная его долголетних подвигов, его святой жизни, его прекрасной души!

Я лично знал отца Макарий; знал его даже коротко, потому что сам целый год прожил на Афоне 17 лет тому назад с 1871 по 1872 гг., постоянно пользуясь его гостеприимством в Руссике. Это был великий, истинный подвижник – и телесный, и духовный, достойный древних времен монашества и, вместе с тем, вполне современный, живой, привлекательный, скажу даже – в некоторых случаях почти светский человек в самом хорошем смысле этого слова, то есть с виду изящный, любезный, веселый и общительный. Не знаю наверное, каких лет он скончался, но думаю, что около семидесяти. В бытность мою на Афоне, в [18]72 году, помню, он как будто говорил мне тогда, что ему сорок восемь лет. Он был в то время чрезвычайно подвижен и бодр. Седых волос в его черной и длинной бороде еще мало было.

Родом отец Макарий был из тульских купцов, из богатой и весьма известной в России семьи Сушкиных. Звали его, кажется, Михаил Иванович. Во время наших с ним частых и долгих бесед на Афоне он, по моей просьбе, многое рассказывал о прежней жизни в миру и о своем удалении на Св. Гору. Ему не было еще и тридцати лет, а если не ошибаюсь, только двадцать пять, когда он постригся против воли отца. Мать его была очень набожная и добрая женщина и, как он мне сам говорил, имела на него большое влияние.

Молодой Сушкин жил так же, как многие богатые купеческие сыновья в 40-х годах: помогал отцу по торговым делам, ездил на ярмар-

Афонские старцы иеросхимонах Иероним и схииархимандрит Макарий

ки, щеголял, бывал на балах, танцевал, по собственному признанию, даже охотно, почитывал романы, курил трубку; думал иногда и о невестах. Но при всем при том девственность свою хранил строго, а мечта о монашестве не оставляла его посреди коммерческих хлопот и мирских развлечений.

Мать любила беседовать с ним о духовных предметах и часто горячо увещевала сына оберегать себя до брака от плотских страстей. «Когда и жених и невеста вступают в брак девственниками, ангелы Божии радуются на небесах и невидимо летают над их брачным ложем», – говорила ему мать, и эти слова ее производили на юношу, по его признанию, глубокое впечатление.

«Если я согрешу, – делился он, – то не только навлеку на себя гнев Божий, но и мать обижу жестоко, да мне и подумать об этом больно». Потом прибавил, смеясь: «Ну и о невестах думал, и были барышни очень красивые, с которыми танцевать приходилось, а танцевать я был не прочь».

Помню, до чего мне было приятно на суровом и дальнем Афоне в 70-х годах увидеть этот просвет на веселую прежнюю жизнь наших провинций и слышать эти простые и живые признания от одного из величайших аскетов нашего времени! Такого рода рассказы и признания, вовремя и кстати произнесенные опытными монахами, чрезвычайно ободрительны не только для начинающих послушников, которых нередко отпугивают будущие тяготы иноческой жизни, но и для мирян, желающих подчинить хоть сколько-нибудь свою жизнь учению воздержания и понуждения. Когда мне случалось в тяжкие минуты какого-нибудь нравственного или телесного изнеможения открывать душу этому умному, благородному и святому человеку, и он говорил мне: «Понудьте себя, – только понуждающие себя восхищают Царствие Небесное», – я чувствовал, что он, этот герой самоотвержения о Боге, имеет право мне так говорить!

Как обыкновенно начинал он свою жизнь, как жил богато и привольно до двадцати пяти лет и что перетерпел потом здесь, на этих дальних, безмолвно-унылых скалах, – вообразить, я думаю, не трудно!

Само же его юношеское воздержание в миру было особенно ценно потому, что он, по всеобщему свидетельству, смолоду был еще и красавец. Намного легче вести себя целомудренно тому, на кого и глядеть никому нет особой охоты; но красота этому великий противник. Да и может ли не знать молодой человек, что он особенно красив и понравиться женщине ему совсем не трудно. А то, что смолоду Михаил Иванович Сушкин был красив на редкость, – на то у меня есть надежное свидетельство одного из наших товарищей по консульской службе – Николая Федоровича Якубовского, умершего консулом в Салониках в 1873 году.

Якубовский был старый эстетик и романтик и во всем красивом, изящном, выразительном знал толк и был всему подобному бескорыстно предан. Когда он приехал в Салоники сменить меня на консульском посту и увидел отца Макария, они оба вспомнили первую случайную встречу в Дарданеллах лет около двадцати тому назад. Вот как Якубовский рассказывал мне об этом. Он до Крымской войны служил секретарем нашего вице-консульства в Дарданеллах; свыкся и сроднился с Востоком, но в сердце оставался пламенно-русским человеком и всему русскому был всегда сердечно рад.

Однажды из окна он увидел двух людей, которые, стоя на улице, как-то растерянно оглядывались и будто чего-то искали.

– Тотчас я узнал в них русских, – рассказывал Якубовский. – Да и нельзя было не узнать, потому что один из них был в добротных, с вы-

сокими голенищами сапогах, долгополом купеческом сюртуке, в фуражке. Средних лет, солидный. Другой был много моложе, а одет щеголевато, да просто писанный красавчик; немножко бледный брюнет, тонкий, стройный; прекрасный нос с горбинкой; чернобровый; глаза выразительные, томные; держал себя и скромно, и будто бы чуть с гордостью... Прямо так!

...Я им ужасно обрадовался. «Наши, – ликую в душе, – наши!» Давно я здесь настоящих русских людей не видал. Кликнул их; они тоже обрадовались; взошли, и мы побеседовали. Словом, это и был молодой Михаил Иванович Сушкин с приказчиком – отцовским или чужим, теперь уж не помню. Ехали они на Афон, попали в Дарданеллы и стали искать русское консульство для справок и указаний. Ну я, конечно, все им устроил тотчас, – и вот теперь мне шестьдесят лет, ему около пятидесяти, и где пришлось встретиться? В Салониках. Я консул – он архимандрит!»

Впрочем, прибавлю я от себя, отец Макарий и пятидесяти лет, и архимандритом был очень красив, строен и гибок по-прежнему; такие же выразительные глаза, глядящие из-под густых черных бровей; в лице, чрезвычайно привлекательном, сочетание серьезности с доброю, а по временам и с откровенною, любезной веселостью; и даже та смесь скромности и достоинства в манерах, которую Якубовский находил у него смолоду, была заметна и после тридцатилетних трудов на Святой Горе.

Призвание к монашеству у молодого Сушкина явилось рано и, по всем признакам, было самого чистого и возвышенного, самопроизвольного, так сказать, характера, а не последовательного какого-нибудь. То есть для привлечения его души к аскетизму не нужно было никаких особенных переворотов, скорбей, оскорблений, неудач. Есть люди, которые становятся глубоко религиозными и даже идут в монахи после сильных нравственных потрясений. Также нередко к Богу, к Церкви и к аскетизму и без глубоких потрясений человека приводит собственный тяжелый, неприятный и неуживчивый характер. То есть человек несимпатичен, нелюбим; он это сам чувствует, в чем себя винит; но у самого-то есть сердце человеческое. Оно болит ежедневной и долгой обидой... И вот он ищет Бога, хочет любить Бога, Его Евангелие, Его святых, Его ученье, Церковь, старцев учащих и людей – не как людей уже (это ему уже почти недоступно), а как братию о Христе, братию такую же грешную, слабую, многострастную и страдающую, как и он сам, но единомысленную ему в строгом мировоззрении. «Возлюбим друг друга, чтобы в единомыслии исповедовать Отца и Сына и

Святого Духа» и «будем в единомыслии исповедовать Троицу христианскую, чтобы возлюбить друг друга, насколько есть сил!..»

Отец Макарий, повторяю, был откровенен со мною и рассказал мне достаточно о себе, хотя бы только в главных чертах, – ни о чем подобном я от него не слыхал. Рассказы его были следствием моих частых вопросов: «Почему и как, и вследствие чего тот или другой человек стал монахом». Это один из самых замечательных и поучительных вопросов, когда идет речь о монашестве. На подобные вопросы он, рассказывая и о себе, говорил, что переворотов, внезапных или глубоких потрясений в жизни его не было, не испытал он и несчастной любви, даже влюбиться ни разу не успел.

О дурном, неуживчивом его собственном характере, кажется, не может быть и речи. Истинная натура человека для опытного и наблюдательного ума все равно просвечивает сквозь совершенный иноческий образ. Когда изучаешь монахов доброжелательно и беспристрастно, монашество начинает казаться самоваянием по определенному образцу, – при помощи Божией и при руководстве наставников... Чувствуешь, что по изволению своему, по усердию, по искренности веры и любви к идеалу, человек много сделал, одержал над собою немало побед в том или другом отношении; догадываешься, что «самоваяние» у о. Макария было усердное, порой даже жестокое, беспощадное по отношению к себе... Но что поделаешь, если у одного натура золотая, а у другого – медная, а у иного – деревянная или глиняная, и чаще всего смешанная какая-нибудь: золото – в одном, железо – в другом, глина – в третьем! Заслуга невидимая, перед Богом, быть может, и равная, но, видимый перед людьми, результат не тот. Опытные старцы-руководители, следя за внутренней борьбой, зная, что кому-то тяжело, отлично понимают все эти оттенки... И мы, со стороны, если хотим быть добрыми судьями и не смущаться, должны понимать, что нельзя от всех натур требовать равной чистоты монашеского образа. Но и при самом правильном извещении разнородный, прирожденный «материал» можно видеть и мысленно осязать.

Мне кажется, что сама по себе и натура у отца Макария была драгоценная... Симпатичная душа М. И. Сушкина неизменно просвечивала сквозь необходимые святогорскому игумену суровость и власть... Узнав его почти пятидесятилетним аскетом, я наугад берусь утверждать, что он и смолоду не мог не быть добр, приятен, уживчив. И я уверен, что мою догадку подтвердят все те, кто знал его юношей. Поэтому едва ли какая-нибудь болезненная мизантропия или

досада и на себя, и на людей могли стать причиной его удаления в монастырь.

Каких-нибудь притеснений или обид дома также, по-видимому, не было. Мать была очень добра; отец строже, но особенно ничем не обижал. Остается – призвание. Быть может, а скорее и наверное, еще сильная примесь подсознательного эстетического чувства; любовь к особой поэзии иноческой жизни.

Коль возлюбленна селения Твоя, Боже сил! Желает и скончается душа моя во дворы Господни.<...>

Ибо птица обрете себе храмину, и горлица гнездо себе, идеже положит птенцы своя, олтари Твоя, Господи сил, Царю мой и Боже мой.<...>

Яко лучше день един во дворах Твоих паче тысяч; изволих приметися в дому Бога моего паче, неже жити ми в селениих грешничи.*

Любовь к столь торжественному и столь трогательному православному богослужению тоже сильно действует на молодых религиозных мечтателей. Само собою разумеется, что при самом искреннем смирении и сознании своей греховности набожный юноша, поступая в монахи, не может не мечтать и о том, что, быть может, со временем удостоится стать иеромонахом, что сам будет совершать «великия и страшныя таинства», произносить во храме те самые возгласы, которые его так сильно потрясают.

Люди, отбившиеся от Церкви, отвычные от истинного «дедовского», несентиментального, Православия, и понять уже не в силах всей сладости подобных мечтаний. Но кто не утратил настоящей веры или кого Господь помиловал и возвратил опять к ней какими бы то ни было, Ему известными, путями, тот понимает подобные желания, тот завидует служащему иеромонаху такую завистью, какую никакая заповедь запретить не может, – завистью доброю, любящею, чистою ревностью по Господним таинствам и по службе великой и священной Апостольской Церкви нашей.

Я уверен, что архимандрит Макарий, еще будучи красивым щеголем – Мишей Сушкиным – мечтал об этом безнадежно и робко. Кто знает?.. Может, даже за стаканом чая или с трубкой в руках, а то и сидя в каком-либо трактире, будучи на ярмарке по отцовским делам.

А какое воображение было у о. Макария! Сильная его натура проявлялась и в самой наружности : в бледном лице, в задумчивых глазах, даже в той впечатлительности и подвижности, которых не могли

* Пс. 83, 4 – 11.

лишить ни природная твердость характера, ни поражающая непривычный ум суровость афонской дисциплины, которой он подчинялся долгие и долгие годы.

Я знал, сам видел не раз, как при его чувствительности ему было тягостно отказывать в чем-нибудь людям, стеснять их, наказывать, строго понудить. Часто я даже дивился, глядя на него и слушая его речи, как могла эта натура, столь нежная, казалось, во всех смыслах столь идеальная и сердечная, как могла она подчиниться так беззаветно, глубоко, искренно и безответно – всему тому формализму, который в хорошем монашестве просто неизбежен! Скажу еще – не только неизбежен, но в высшей степени плодотворен для духа, ибо он-то, этот общий формализм, дающий так мало простора индивидуальным расположениям, даже нередко хорошим, может быть, более всего другого упражняет волю инока ежечасными понуждениями и смиряет его своенравие, заставляя иногда даже и движениям любви и милосердия предпочесть послушание начальству или уставу.

Поживши на Святой Горе, я скоро понял и сам всю душевную, психологическую, так сказать, важность всего того, что многие, по грубому непониманию, зовут «излишними внешностями». Но и поняв, продолжал дивиться, как такая, выражаясь по-нынешнему (т. е. противно и даже довольно глупо), «нервная» натура смогла подчиниться всему этому так глубоко и так искренно! И дивясь, только еще больше любил и уважал его.

В последние, [18]80-е годы, по свидетельству очевидцев, о. Макарий достиг крайнего бесстрастия. Его уже ничто не возмущало: никакая случайность, никакая внезапность. «Если бы и Гора Афонская с грохотом валилась в море, – он и тогда, кажется, не смутился бы!» – так выражаются эти очевидцы.

II

Никто от этого некролога моего не имеет права требовать точности – ни по отношению к самим событиям, ни по отношению ко временам и срокам. Моя память, мои впечатления восемнадцатилетней давности, в душе моей живущий образ этого прекрасного человека, кое-какие отрывки из наших с ним бесед, из его рассказов и признаний, мнения о нем других людей – монахов и мирян, – вот мои источники. Быть может, я ошибусь в каком-то отдельном случае, – но я думаю, что все те, которые покойного отца Макария знали, найдут изображение мое схожим и верным. Могу ошибиться в фактах и сроках, но едва ли в понимании духа его жизни, в оценке его заслуг, натуры и стремлений.

Мне помнится, будто я слышал на Афоне от нескольких русских монахов, что в Тульской губернии и соседних с нею, около [18]48 года, в среде купеческой молодежи особенно усилилось стремление к монашеству и образовалась целая компания молодых людей, которые договаривались вместе идти на Афон. Был, между прочим, в этом кружке и малоросс, учитель музыки, которого я тоже знал на Святой Горе строгим иноком и замечательным регентом. По недавним известиям, он теперь еще жив, хотя и совсем дряхлый старец. Знал я других монахов из этого самого кружка Руссика; одного из них, помню, звали отец Анатолий; теперь его уже нет на свете.

Известно, что многие русские люди торгового сословия, сами будучи набожными, нередко препятствуют своим сыновьям поступать в монахи; они, точно так же как многие люди дворянского общества, не отвергающие ни Бога, ни Церкви, находят, вероятно, монашество крайностью. Или, даже и считая его святым или хоть, по крайней мере, полезным учреждением в принципе, по эгоистической страстности находят, что это прекрасное учреждение создано для кого угодно, только не для их сыновей. Препятствий от семьи не избегли и некоторые молодые люди из этого религиозно настроенного кружка. Иные отцы не только не благословляли охотно сыновей на монашество, но даже не хотели долго пускать их на поклонение святым местам Востока, опасаясь, что они там останутся. Особенно много горя выпало на долю того юноши, которого я знал в Руссике уже под именем инока Анатолия. Его отец долго и жестоко тиранил его, бил немилосердно за аскетические стремления. Отец хотя и не наказывал, но тоже не хотел отпускать сына в паломничество. Но когда волей-неволей пришлось согласиться, разрешил с уговором, что сын всенепременно вернется домой... Однако Бог судил иначе.

Все ли вместе те молодые люди направились на Восток или врозь – не знаю. Но, помнится, первым из них на Св. Горе остался М. Петр., а следом прибыли и другие. Хорошо помню, что о компании той, о страданиях отца Анатолия и о собственных молодых чувствах во время моей жизни на Афоне рассказывал мне тот и поныне здравствующий малоросс-музыкант, который был в Руссике регентом в [18]70-х годах. Тогда рассказ его слушал я несколько рассеянно, – но рассеянность эта происходила не от равнодушия и пренебрежения, а от одной мысли, которая меня во время этих рассказов серьезно волновала: религиозное движение юношей в провинции началось в конце [18]40-х годов. Кажется, в том самом [18]48 году, когда Европа была в революционном огне и когда в Петербурге в другом кружке русской

же молодежи – Петрашевского – был задуман безбожный и кровавый переворот. После неудачи заговора, когда по милости Императора Николая заговорщики были не казнены, а только сосланы в Сибирь, – рассказывали, что эти люди ненавидели не только Царскую власть и сословный строй России, но и религию до того, что приобрели плащаницу и разрубили ее на куски; про Петрашевского же говорили лично знавшие его люди, что тот нарочно ходил мимо тех лавок, где на столиках стояли выставленные на продажу иконы, и нарочно задевал их длинным воротником шинели, чтобы они падали на землю. Клевета ли это или правда – не знаю; но так говорили. И дух был такой у этой группы столичной молодежи, только по имени русской. Там дворяне, люди тонкого воспитания, люди высшей образованности, – там Европа демократическая и безбожная; а здесь, в глуши провинции, купечество и разночинство молодое; тесный кружок единомысленных идеалистов, которые думают не о земном спасении русского общества и тем более не о «человечестве» каком-то, а только о загробном спасении своей души! Они тоже заговорщики; они собираются, толкуют, шепчутся, но о чем? Не о том, как устроить общество и жизнь, а как уйти от них. И что же? Кто больше стал полезен тому же обществу, той же русской жизни: те ли разрушители по любви к уравненному и опошленному «человечеству» или эти создатели русских религиозных общин на чуждом по быту Востоке, создатели «селений Господа сил», по любви к своей собственной душе? И вот и я, смолоду воспитанник той же столь европейской, столь несамобытной по духу русской литературы [18]40-х годов, сам теперь, когда мне уже под сорок лет, считаю за счастье поучиться не только вере, но и разуму у этих тульских и старооскольских купцов на далеком Афоне! Учусь у них и умнею под старость, скорблю и блаженствую, каюсь и радуюсь и за честь себе считаю их дружбу, их участие; за дар Божий – их наставления!

Вот что я тогда думал, слушая рассказ отца Г. Думу свою помню твердо; ее не забыл, правда, быть может, что-нибудь я не совсем слышал и не точно передал... Прошу тех, кто лучше знает те обстоятельства, простить меня и исправить допущенные ошибки.

Когда молодой Сушкин приехал на Афон, Русдик стал только-только поправляться в делах благодаря тому, что престарелый игумен-грек, отец Герасим, пригласил в разоренный до голода монастырь русского иеродиакона Иеронима, который дотоле жил обособленно в келье на берегу моря. Подробности этого переселения пересказывать не стану; вкратце об этом я уже говорил в статье «Панславизм на Афоне»,

и ее всякий может найти в моем сборнике «Восток, Россия и Славянство».

Отец Иероним стал духовником и старцем немногочисленной в то время русской братии в монастыре св. Пантелеймона. Это был не только инок высокой жизни, но и человек более чем замечательный. Не мне признавать его святым – это право Церкви, но все же возьму на себя смелость назвать его великим; человеком с великой душой и необычайным умом. Родом из не особенно важных старооскольских купцов, почти не получив образования, он чтением развил свой сильный от природы ум до способности прекрасно понимать богословские сочинения, до умения

Константин Николаевич Леонтьев

проникаться даже в уединении своим самыми живыми современными интересами. Твердый, непоколебимый, бесстрашный и предприимчивый; смелый и осторожный в одно и то же время; глубокий идеалист и деловой [человек]; физически столь же сильный, как и душевно; собою и в преклонных годах также поразительно красивый, отец Иероним без труда подчинял себе людей, и я замечал, что даже на тех, кто был образованнее и выше нравственно, он влиял еще сильнее, чем на людей обыкновенных. Оно и понятно: последние, скорее всего, только боялись его; люди умные, самобытные, умеющие разбирать характеры, отдавались о. Иерониму с изумлением и любовью. Сам я на себе, в сорок лет, испытал такую же его притягательную силу. А что должен был чувствовать увлеченный духовными мечтами юноша Сушкин?

Конечно же, он сразу открыл о. Иерониму свою заветную мысль; сознался, что он не просто только поклонник и богомолец у Св. мест, но человек, жаждущий идти по стопам его аскетизма. Вначале о. Иероним со всей суровостью отклонял побуждения юноши.

«По воле Божией он поставлен пасти здесь пока еще малочисленное русское стадо. Положение на чужбине трудное. В руках греков до его перехода в Руссик община обнищала до того, что Протат афон-

ский вывесил объявление о банкротстве этого монастыря, и греческие монахи собирались разойтись и бросить вовсе обитель. Не было ни имений, ни жертв. Как ни проста и сурова жизнь святогорских кинувий, но надо же есть что-нибудь и во что-то одеваться. Не было, наконец, ни хлеба, ни фасоли, не было ничего, кроме долгов. После призвания о. Иеронима дела стали немного поправляться. Съехали русские, были получены жертвы из России. Но монастырь все еще оставался бедным, и строения были в развалинах. Надо быть осторожным. В России и так духовные власти расположены осуждать афонцев за слишком легкие и многочисленные пострижения. И они, эти власти, во многих случаях правы, к несчастью... Люди недостойные, негодные, неприготовленные постригались где-нибудь тут у греков и болгар, возвращались в Россию и позорили сан монашеский. Отец Сушкина – человек очень богатый, сильный, влиятельный, – он будет жаловаться, если его сына постригут здесь вопреки родительскому запрету. Имеет ли право отец Иероним для него одного, для Михаила Петровича, жертвовать нравственными и вещественными интересами целой общины, порученной ему по воле Божией? Конечно нет. Пусть поживет, погостит, поучится, пусть просит у отца разрешения постричься... Тогда увидим». Так думал и говорил великий наставник...

С горестью подчинился этому решению молодой человек. Придет, быть может, и домой возвращаться! Но Господь судил иначе. По неожиданному стечению обстоятельств его пришлось постричь очень скоро; постричь сразу в схиму, минуя обычный порядок¹.

III

Статья г. Красковского, которой я сочувствую уже за одно то, что автор так чистосердечно полюбил покойного о. Макария, имеет сверх того и другие достоинства. Она хорошо написана и дает ясное понятие об образе жизни и нравственности этого благородного и привлекательного инока. Автор сознается, что ехал на Св. Гору с определенным недоверием, находясь под влиянием книги г. Благовещенского «Афон» (изданной еще в [18]60-х годах); но впечатление, произведенное на него архимандритом Макарием, было так сильно, что вскоре он переменял свои взгляды.

У г. Красковского можно найти и немало подробностей, отображающих необычайно деятельную жизнь о. Макария в последние годы, т. е. в то время, когда он управлял обителью уже один, без руководства и поддержки своего наставника о. Иеронима (скончав-

шегоса, кажется, в [18]85 году). Не довольствуясь тем, что видел сам, г. Красковский приводит целые отрывки из книги секретаря русского посольства в Константинополе г. Смирнова – «Две недели на Святой Горе». И в этих отрывках много поучительного. Так как весьма вероятно, что не все подписчики «Гражданина»* читают сверх того и другие газеты, то я думаю, никто из них меня не осудит за длинные цитаты из обоих отзывов этих почитателей покойного архимандрита.

Вот что говорит г. Смирнов: «Я не мог достаточно надивиться бодрости и энергии отца Макария. Участвует он, например, в служении всенощной, делящейся всю ночь, служит затем обедню, после которой председатель за монастырскою трапезой. А потом, глядишь, в полдень, по нестерпимой жаре, бредет чрез двор в сопровождении нескольких монахов.

И до вечера то там, то сям видно его, постоянно занятого и спокойного, неторопливо отдающего приказания... Даже в архондарике² (гостиной) за чаем ему не дают покою; явится монах, поклонится ему в ноги, примет благословение и вполголоса долго говорит ему что-то. Отец Макарий выслушает и одним словом, часто одним движением головы сделает распоряжение. Говорит ли или смеется не в меру кто-либо из монахов в архондарике за столом, игумен только взглянет в его сторону – и монах умолкнет, смущенно и виновато глядя вокруг. Немало надобно тонкого ума, такта, кротости и сноровки, чтобы держать в порядке братию, ладить с Протатом и со всеми властями. Нелегко держать игуменский посох».

Обасаясь явиться пристрастным, – добавляет далее г. Красковский, – так как, повторяю, я очень любил почившего отца игумена, решаюсь сказать о нем более существенное чужими словами. Архимандрит Макарий, пишет г. Смирнов в указанной выше статье: «Невысок ростом, худощав; большая борода и длинные волосы с проседью (в последнее время они были уже совершенно седыми) придают особую мягкость его доброму и выразительному лицу. По случаю болезни глаз он носит дымчатые консервы, и это мешает разглядеть его прекрасные серые глаза. Разговор у него неторопливый, голос негромкий и негустой, порою будто срывающийся. По тому выражению, с которым взгляды монахов останавливаются на архимандрите, сразу видно, что он тут глава не по одному названию. Я с любопытством вглядывался в приятное лицо игумена, о неутомимой

* «Гражданин» – литературно-публицистическая газета, издавалась в 1872 – 1879 гг. в Петербурге. Основатель издания князь В. П. Мещерский.

деятельности и административных способностях которого так много слышал.

Архимандрит Макарий занимает две небольшие комнаты с низкими потолками и маленькими окнами. Прежде у игумена была одна комната, так как другую занимал покойный старец Иероним. Деревянные диваны, несколько гнутых стульев, два-три стола и шкаф составляют все убранство игуменской кельи; ни одного мягкого кресла, никаких намеков на роскошь и комфорт; по стенам несколько икон и портретов, на окнах простые белые шторы, во всем простота, доведенная до последней степени.

Когда г. Смирнов вошел к почившему отцу Макарию, комната была полна народом, мирскими и монахами, пришедшими к игумену за различными распоряжениями перед праздником. Увидя такое многолюдное сборище, я хотел было воротиться назад, но отец Макарий уже увидел меня и поднялся из-за письменного стола, за которым сидел. Я извинился и просил его не отрываться от занятий.

– Да, действительно, – сказал мне архимандрит, накануне праздника [храмового] дела накопилось немало. Сами видите. – Он показал на переполненную народом комнату. – Уж извините, через четверть часа я буду посвободнее. А пока не желаете ли мою дачу посмотреть?

На небольшой балкон, который игумен назвал своею дачей, пришлось проходить через соседнюю комнату, которую, как я уже говорил, занимал отец Иероним. Тут помещалась теперь спальня отца Макария, отличающаяся такою же, как и его кабинет, если не большею, строгостью обстановки. Спал игумен почти на голых досках, имея под голову жесткую кожаную подушку. Маленькая дверь вела на узкий деревянный балкон, уставленный кадками с цветами, под остальными окнами игуменской келии, выходящими в другом направлении, была просторная каменная терраса, окруженная чугуною решеткой и заменявшая крышу здания ризницы. С террасы открывался прекрасный вид на монастырь, на море, на горы, с выглядывавшею из-за них острою вершиной Афона. С маленького балкона, на котором я очутился теперь, вид оказался хуже: виднелись берег, часть залива и вдали – горы Македонии, но на балконе была такая прохладная тень, в то время как полуденное солнце немилосердно накалило стены, крыши и каменный пол террасы. Открывшийся пред нами уголок был так ярко и красиво освещен, что я охотно присел отдохнуть на игуменской «даче».

Отец Макарий тоже любил наслаждаться этою картиной, в глубокой задумчивости повторяя поэтическое песнопение: *Свете ти*

хий святых славы... Пришедше на запад солнца, видевши свет вечерний, поем Отца, Сына и Святаго Духа, Бога...

Но это были редкие минуты, когда отец Макарий находил возможным отдыхать душой в природе, хотя и любил ее поэтической любовью, потому что все свои силы и все свое время употреблял на исполнение иноческого долга и игуменских обязанностей. День его начинался глубокой полночью, когда братия несколькими ударами в колокол возбуждалась на келейное правило, которое требовалось исполнить до начала полунощницы и которое для схимонаха, каким был отец Макарий, заключается в тысяче двухстах поясных и ста земных поклонах. Зимой после полуночи, а летом ранее, звонят к заутрени. Вместе с утренею для отца Макария, как первого в монастыре духовника, начиналась бодрственная, деятельная, сосредоточенная жизнь. Двери небольшого параклиса* в Покровском соборе, за которые один за другим, без отдыха для духовника, входили желавшие исповедаться, осаждались такою плотной толпой монахов и поклонников [паломники, желающие поклониться Святым местам], что по их лицам катился пот. По два, по три часа дожидались очереди, лишь бы только попасть за заветные двери и «у самого батюшки исповедаться». Трудно, пожалуй, этому поверить, но это факт, что отец Макарий иногда по часу и более времени исповедовал, особенно поклонников, зато и исповедь эта была такою, какую у латынян называют «генеральною». Отец Макарий не допрашивал о грехах, особенно по требнику, как это делают некоторые неопытные или небрежные духовники, а исповедующийся сам во всем сознавался, вследствие одного намека прозорливого старца, глядевшего таким ласковым, всепрощающим, но в то же время испытующим взором, что тот невольно чувствовал перед собою присутствие Всеведущего и Всемилосердного, но и Карающего, а потому содрогался душой и падал ниц в трепетном сознании своей греховности. Некоторые поклонники приезжали на Афон для того только, чтобы исповедаться у отца Макария.

После утрени отец Макарий немедленно шел в один из параклисов совершать свою игуменскую, так называемую раннюю литургию, которая оканчивалась почти всегда одновременно с позднею, начинающеюся полутора часами позже. Игуменской литургии предшествовала панихида о каком-либо из новопреставившихся «благодетелей» обители или иноков. После панихиды начиналась проскомидия с продолжительными поминаниями просивших отца Макария

* Параклис (*греч.* усердная молитва) – здесь имеется в виду придел храма в честь Похвалы Пресвятой Богородицы.

молиться о них. Несколько иноков из толстых переплетенных книжек читали имена поминаемых, в то время как игумен вынимал частицы об их здравии или упокоении. Во время проскомидии читались часы медленно, внятно, большею частью кем-нибудь из иноплеменных новичков-послушников³. Литургия усложнялась особыми афонскими прошениями о России на сугубой ектении «о еже утвердити в земли нашей мир и благочестие», о том, чтобы Господь разрушил совет дерзновенно восстающих на попрание власти, Господом установленной, чтобы Вседержитель исполнил долгою дней Благочестивейшего Государя Императора нашего Александра Александровича, «да совершит вся во славу Господню и во благо народа своего»; затем тоже продолжительными поминаниями на ектениях сотен имен жертвователей в монастырь, отсутствующих и больных иноков, а также присутствующих во храме богомольцев. Почти такое же, только сокращенное, поминовение совершалось и во время Великого входа со Св. Дарами. После литургии непременно служилось молебствие девяти, иногда даже двенадцати святым одновременно, и отец игумен сам своим слабым голосом пел такое молебствие.

Оканчивалась литургия, но для игумена отдыха не было. В коридорчике у дверей его келии уже дожидались многочисленные просители из келиотов, пустынножителей, сироммах [бедняков] и мирских, преимущественно греков. Лишь только игумен входил в свою келию, как эта толпа буквально врывается за ним в дверь, так что приходилось запирает ее на замок, чтобы дать отцу Макарию возможность выпить хотя бы чашку чаю и передохнуть минуты две-три. Когда отец Макарий и приглашенные им гости усаживались, как сейчас же подавалось неизбежное глико⁴, причем отец игумен выпивал рюмку фруктового домашнего рому, закусывал вареньем и принимался за большую чашку густого московского чаю, причем в скоромные, то есть рыбные дни допускал роскошь – кушал чай с известными филипповскими сухарями. Но лишь только чашка чая была выпита, как сейчас же растворялась дверь и являлись просители-греки. У кого-то из них келия требовала починки, у кого-то разваливалась калива, иной просил платья или обуви, кто-то нуждался в деньгах. Игумен терпеливо выслушивал каждого, направлялся к своему письменному столу, отпирал его ящик и раздавал кому золотую лирку, кому серебряный меджид или половину меджида. На платье и обувь выделялись особые билетики, с которыми получившие их отправлялись на обширный монастырский склад, из которого выдавались требуемые вещи. На склад этот работали обширные мастерские, устроенные отцом Ма-

карием. Только единожды пришлось мне видеть отказ отца игумена в выдаче подрясника какому-то сиромаше в то время, когда затонуло монастырское судно, груженное несколькими тысячами подрясников.

– Нет подрясников, – объяснял отец игумен, – потонули подрясники. Знать, мы плохо молились.

В числе просителей о денежном пособии являлись нередко и русские богомольцы, поизрасходовавшиеся в пути, чаще всего потому, что в Иерусалиме, благодаря «образцовой» неисправности турецкой почты, по целым месяцам в монастыре понапрасну дожидались денег из дому. Отец Макарий никогда не отказывал таким просителям и даже не домохозяевам, а простым малороссийским батракам выдавал в долг (как они просили об этом) по 25 и более рублей. И, за редким исключением, не было случая, чтобы эти деньги не возвращались богомольцами, а чаще всего они посылались обратно с излишком на поминовение или свечи. Многие из богомольцев спрашивали у отца Макария в долг ценные иконы.

Не успев еще выслушать всех просителей, отец Макарий шел вместе с прочею братией в столовую участвовать в братской трапезе, после которой возобновлялись беседы с просителями, а в почтовые дни начиналась письменная работа, захватывавшая все время отца игумена до десяти часов вечера, за исключением, конечно, времени, необходимого для вечерни и повечерия, на которых отец Макарий почти всегда лично присутствовал и лично читал акафисты. Чтение акафистов в праздничные дни было особенно торжественно».

Выписки из чужих статей на этот раз длинные; но, повторяю, едва ли кто посетует на меня за это. Сам я гостил на Святой Горе давно; а гг. Смирнов и Красковский очевидцы недавние, и впечатления их свежее, чем мои. К тому же и восемнадцать лет тому назад, если бы мне пришлось писать о деятельности и образе жизни отца Макария, я не сумел бы, вероятно, сказать лучше этого. Все верно, и все это было и тогда, когда я проживал подряд по 5 – 6 месяцев на Афоне в 1872 году, отъезжая куда-нибудь в «мир» на короткое время... Та же удивительная бодрость при сложении вовсе не особенно крепком, та же доброта, та же симпатичность, тот же ум, те же три – три с половиной часа сна после необычайно трудного дня; та же щедрость к бедным; та же способность служить в храме с глубоким чувством и особым торжественным изяществом, поражавшим не только усердного богомольца, но и всякого посетителя. К этим строкам двух русских паломников я смог бы добавить совсем немного; разве что несколько эпизодов, особенно мне дорогих.

Теперь, когда долг наконец исполнен, мне предстоит более трудная и менее приятная обязанность – указать на то, в чем мои воспоминания о Русике и о самом отце Макарии несколько разнятся со свидетельствами г. Красковского.

IV

Второе мое, не слишком важное и даже не совсем решительное возражение или замечание на рассказ г. Красковского о молодости и пострижении отца Макария состоит в следующем. Родители, говорит г. Красковский, позволили М. П. Сушкину постричься на Афоне и вообще там, где он хочет. У меня, напротив, осталось впечатление, что отец ему уступил и смягчился только ввиду совершившегося факта. Этим, мне кажется, и объясняются долгие колебания отца Иеронима и игумена Герасима, когда дело шло о пострижении молодого и богатого купца. У г. Красковского сказано, что отец Иероним колебался постричь именно «больного» Сушкина. У меня же из этих рассказов покойных подвижников сохранилось в уме другое воспоминание. Греко-русская община св. Пантелеймона в то время едва только начала воссоздаваться из расстройств и такой крайней нужды, что монахи уже собирались покинуть ее и разойтись по другим обителям. Духовное начальство Российской Церкви и без того неоднократно жаловалось нашему правительству на неразборчивые пострижения русских подданных на Святой Горе. Поэтому понятно, что и грек-игумен о. Герасим и духовник русской братии о. Иероним – оба считали своим долгом прежде всего заботиться о вверенной им Богом общине и находили справедливым принести в жертву духовные потребности одного юноши внешнему спокойствию многих; ибо это внешнее спокойствие всей братии, как русской, так и греческой, необходимо было для посвящения всех помыслов и забот одной лишь духовной жизни. Но когда этот юноша заболел так опасно, что казался вовсе безнадежным, – немедленно его постригли и даже сразу в схиму (по свидетельству самого автора). Вообще опасно больных постригают охотно не только на Афоне, но даже в русских монастырях, менее свободных (граждански), чем восточные.

Многие, заметим кстати, и понять не могут, зачем же это умирающего постригать? Ведь он и жить по-монашески уже не будет, обетов самоотвержения исполнить на этой земле [будучи] не в силах. Это какой-то бессмысленный, старый обычай, какая-то формальность, самообольщение, которое понятно было во времена Иоанна IV и Бориса Годунова, но теперь-то?! И «теперь» и тогда, во времена Московских

царей, основы и общий дух Православия были неизменны... И тогда и теперь умирающие постригаются не для того, чтобы жить на земле по-монашески, а для того, чтобы чистыми предстать пред Страшным Судилищем Господним. Пострижением уничтожаются и омываются все прежние грехи, а новых, в которые будет неизбежно впадать монах, оставшийся жить, умирающий совершить не успеет.

Однажды я у этого самого отца Макария спросил:

– Что такое пострижение – таинство это или только священный обряд?

– Оно относится к таинству покаяния и есть его высшая степень, – ответил он.

Я никогда не встречал такого определения в катехизисах и, не будучи сам богословом, могу в этом случае ручаться по совести только за достоверность моего свидетельства, а не за догматическую правоту афонского аскета. Быть может, вопрос этот относится к числу тех не решенных еще окончательно высшим церковным авторитетом вопросов, которых, по мнению иных русских богословов, еще существует довольно много в системе восточно-православного учения. И эта неоконченность системы восточного православия не только не должна нас пугать, но, напротив, должна радовать, ибо такое положение дел свидетельствует о том, что Православная Церковь может не только продолжать свое земное существование посредством строгого охранения, но и жить, развиваться далее на своих незыблемых апостольских корнях.

Если определять пострижение так, как определил его я со слов о. Макария (и многих других монахов), то, разумеется, становятся понятными предсмертные пострижения, и отказывать в них желающим духовные отцы не имеют ни права, ни основания.

Сушкина же даже и больного постричь все-таки колебались; но умирающего постригли немедленно, не ожидая никак, что он поднимется и со временем принесет обители множество нравственной пользы и такое обилие вещественных выгод.

Я уехал с Афона в Царьград в самом конце 1872 г., взволнованный и огорченный теми серьезными размерами, которые приняла уже тогда греко-болгарская распря, и впервые начиная прозревать вовсе не церковные и не богомольные цели тех самых болгар, которых и мне не раз в должности консула приходилось поддерживать. Я написал тогда две статьи для «Русского вестника»: одну, общеполитическую, «Панславизм и греки», а другую, более специальную, о начинавшихся национальных распрях и на Св. Горе: «Панславизм на

Афоне». Последняя была написана отчасти для русских читателей, отчасти же в ответ на фанатические нападки русофобской греческой газеты «Босфорский маяк» (Phare du Bosphore)⁵. «Маяк» (между прочим, как слышно было, получавший помощь от германского посольства) страстно обвинял русских монахов на Афоне в политическом панславизме, что решительно было ложью и доказывало еще раз, как я был прав, уже в то время находя, что «интеллигенция» православного Востока, и греческая и славянская, – одинаково вся сплошь гораздо менее нас, русских, расположена к лично религиозным чувствам, а занимается лишь неосторожной игрой в политическое Православие. И греки и болгары более образованного класса не верили тому, что я жил так долго на Святой Горе из-за личных, душевных побуждений, и считали меня ловким притворщиком и особого рода агентом генерала Игнатьева*. И это в то самое время, когда многие из русских друзей и сослуживцев моих, зная, до какой степени это неправда, не только верили в мое личное увлечение Афоном и монашеством, но и опасались за мое психическое состояние.

В вышеупомянутой статье «Панславизм на Афоне», в которую г. Красковский, может статься, в свое время и заглядывал мимоходом как «старожил» катковской редакции**, есть одно место, где я говорю именно о том же, о чем и теперь, т. е. защищаю русских монахов от напрасных обвинений в преднамеренном и сознательном «славизме» на Св. Горе. Я привожу там несколько примеров и кратко рассказываю историю и причины удаления трех-четырех русских на Афон, не называя их по имени, ибо они все были тогда живы: двое из купцов (отцы Иероним и Макарий), один из офицеров и один безграмотный мужик-троечник.

Об отце Макарии я нахожу там вот что: «Приезжает на Афон, на поклонение, богатый купеческий сын; он и дома был мистик и колебался давно, что предпочесть: клобук и рясу или балы, театры, трактиры, торговлю и красивую добрую жену? Он заболел на Афоне; он умоляет грека-игумена и русского духовника постричь его хоть пред смертью. Игумен и духовник колеблются, добросовестность их опасается обвинения в иезуитизме. Молодой человек в отчаянии, поло-

* Николай Павлович Игнатьев (1832 – 1908) – крупный государственный деятель, блестящий дипломат, генерал Н. П. Игнатьев с 1867 по 1878 г. был чрезвычайным и полномочным послом в Османской империи. Безгранично любя свое Отечество, он часто повторял своим друзьям: «Запад опасен для России. Запад может только открыть нам глаза на необходимость остерегаться его».

** М. Н. Катков был главным редактором газеты «Московские ведомости», издававшейся с 1756 по 1917 год.

жение его все хуже, жизнь в опасности. Он просит опять. Его наконец постригают. Он выздоравливает; он иеродиакон, иеромонах, архимандрит; он служит каждый день литургию, он исповедует с утра до вечера; он везде – у всенощной, на муле, на горах, на лодке в бурную погоду; он спит по три часа в сутки; он беспрестанно в лихорадке; он в трапезе каждый день ест самые постные блюда, – он, у которого отец и братья миллионеры; его доброту, ум и щедрость восхваляют даже недруги его; греки советуются с ним, идут к нему за помощью. Иные, напротив того, чем-нибудь на него раздосадованные, говорят: «Все он с греками, все он за греков».

– Что это значит? Панславизм, конечно! – прибавляю я в насмешку над «Маяком».

Все это было писано под влиянием недавних впечатлений и вчерашних рассказов и прочтено в печати обоими упомянутыми старцами. Отец Макарий по делам обители несколько раз после этого приезжал в Царьград; всякий раз виделся со мною, говорил об этой статье и не делал мне никаких указаний на какую-либо ошибку в этих строках.

«Обвинение в иезуитизме» – так написано мне тогда, и я помню, что слово «иезуитизм» я употребил потому, что о. Иероним, рассказывая мне о пострижении о. Макария, говорил так: «Сушкины люди очень богатые и сильные, мы опасались постричь его: отец мог обвинять нас в том, что мы кой-как поспешили постричь сына в надежде на богатый вклад. Мы не желали иметь в России такую худую славу и повредить этим обители. Человека попроще можно было бы без таких колебаний постричь. Но умирающему как было отказать! Мы и положились на помощь Божию».

Итак, не столько болезнь, сколько богатство молодого Сушкина и его родителей смущали игумена и о. Иеронима.

Чем сильнее болен человек, тем резоннее его скорее постричь добросовестным монахам, за богатством же во что бы то ни стало гонятся только тупые и недобросовестные игумены. И приснопамятный возобновитель Оптиной обители, архимандрит Моисей, забывал о деньгах, когда дело шло о других, высших соображениях.

Бог наградила упование отцов Иеронима и Герасима (игумена). Родители Сушкина весть о пострижении сына восприняли хорошо, и вскоре от них был прислан на обитель крупный денежный взнос. И с этого дня благосостояние и слава Руссика начали расти. Таким образом молодой Сушкин принес обители благословение и материальный достаток.

Вот мое, в сущности, незначительное возражение г. Красковскому.

Оканчивая эту главу, я перечел еще раз с начала и нашел в ней мало связи, недостаточно отношения к настоящему предмету речи и, наконец, убедился, что и возражать о таком «оттенке», пожалуй, и не стоило. Но все-таки предаю ее на суд читателя, не исправляя ее и в том виде, в каком она у меня, так сказать, вырвалась, под гнетом личных, весьма сильных, воспоминаний и личных же, дорогих мне, размышлений о духе и назначении монашества.

Сознаюсь в избыточности всех этих до дела прямо не касающихся отступлений и прошу меня за это великодушно простить. Кто пережил такие сильные внутренние перевороты, как я на Святой Горе около двадцати лет тому назад, тому весьма трудно воздержаться от подобных увлечений или излишеств! И так приходится слишком многое в себе подавлять и хранить!

Остается еще одно замечание, третье, – последнее и самое главное.

V

Теперь следует мое последнее и самое главное возражение г. Красковскому. В самом начале своей статьи об отце Макарии он говорил так:

«19 прошлого июня на Афоне скончался игумен и священноархимандрит св. Пантелеймонова монастыря отец Макарий, имя которого хорошо известно не только русскому, но и всему православному миру. Инок жизни высокоаскетической, он в то же время был великим патриотом и одним из тех замечательных русских организаторов петровского типа, которыми собрана, устроена, возвеличена и прославлена Россия. Он восстановил на Афоне русское иночество, привлекал в управляемый им монастырь ежегодно тысячи русских поклонников из самых отдаленных окраин нашего обширного отечества и разнообразных слоев русского общества; самих турок заставил уважать русское иночество». По моему мнению, все то, что сказано в этих строках, надо отнести к отцу Иерониму, а не к отцу Макарию.

Отец Иероним был организатор; отец Макарий – только его ученик и последователь. Отец Иероним «восстановил на Афоне русское иночество». Он создал новую русскую общину и прославил ее. Отец Макарий только сохранил и приумножил его духовные насаждения. Это ясно прежде всего из того, что и самого отца Макария сформировал, утвердил и выучил отец Иероним, нередко и жестоким искусом.

Эта неправильная историческая оценка весьма понятна со стороны г. Красковского: он отца Иеронима не видал, отца же Макария видел в полной духовной зрелости, в полной готовности к загробной жизни.

Я же видел их вместе в начале 70-х годов, видел сыновние отношения архимандрита к своему великому старцу; знал, что он уже и тогда, избранный в кандидаты на звание игумена в случае кончины столетнего старца Герасима, безусловно повиновался о. Иерониму и нередко получал от него выговоры, даже при мне. Приведу только один пример.

Однажды архимандриту Макарию пришлось по особому случаю служить праздничную обедню за чертой Афона⁶ на Ватопедской башне. Башня эта, служившая когда-то крепостью для защиты монастырских берегов, теперь имеет значение простого хутора или подворья, принадлежащего богатому греческому монастырю Ватопед.

В башне есть маленькая и бедная домовая церковь. В ней о. Макарий совершил литургию в сослужении молодого приходского греческого священника из ближайшего селения Ериссо. Жители этого селения терпеть не могут афонцев за то, что, по древнему преданию, некогда кто-то из византийских императоров отнял у них землю и отдал святогорцам. Судя по тому, что сербский⁷ монастырь Хилендар – самый близкий из всех монастырей к черте Афона со стороны перешейка, (если только предание верно), земля эта и досталась ему. Незадолго до моего приезда на Св. Гору у этого монастыря, и без того бедного, сгорела значительная часть прекрасного хвойного леса, и все подозревали, что жители села Ериссо нарочно подожгли его. Случилась ли какая-нибудь тяжба по этому поводу – не знаю; но помню, что сам о. Макарий рассказывал мне о враждебных отношениях с селянами-соседями. Тем не менее он с молодым священником, приглашенным для совместного с ним служения, не только обошелся как нельзя ласковее, но на прощание даже подарил ему для его приходской церкви красивейшие и совершенно новые воздухи белого глазета с пестрым шитьем. (О. Макарий захватил их с собою, зная, до чего убога церковь на той заброшенной башне.)

Когда, по окончании обедни, мы сели – он на мула, я – на свою лошадь, – и поехали обратно в Руссик, о. Макарий сам сознался мне в этом добром деле своем, небольшом, конечно, по вещественной ценности, но весьма значительном по нравственному смыслу (ибо это был дар святогорца представителю враждебно настроенного по отношению к святогорцам селения).

Отец Макарий сказал мне с тем весельем и сияющим умом и добротой выражением лица, которое мне так нравилось.

– Мне уж и его, бедного (молодого священника), захотелось утешить. Пусть и он повеселее уедет домой... – отец Макарий сказал «и он», потому что он знал, как я был в этот день некоторыми обстоятельствами обрадован и утешен. Он знал также, до чего я, по природе своей, люблю доброту и щедрость и как привязался к монашеству. Другому, быть может, он бы и не нашел нужным об этом сам говорить; но угадал, до чего мне приятно будет это слышать. Доброта глубокая часто гораздо виднее в мелочах жизни и тонкостях сердца, чем в случаях крупных; в последних – нередко душа и жесткая, но не лишенная благородства, смягчается и становится добра. И каждый из нас, я думаю, может припомнить такие случаи, когда какое-нибудь проявленное к нам внимание, внушенное мгновенным и милым движением души, несравненно больше нас тронуло, чем великие благодеяния и услуги.

Так и в этом неважном, казалось бы, деле, в котором был я и вовсе в стороне, – в деле замечательных воздухов и в улыбке, и в словах о Макария, обращенных ко мне, когда мы тронулись в путь, – мое и без того так сильно расположенное к нему сердце прочло столько живой и тонкой любви, что мне захотелось тотчас же поцеловать его благородную руку! И будь мы одни, без свиты, я, наверное, и сидя верхом сделал бы это.

Да, меня восхитило это трогательное движение его сердца; но не так взглянул общий для нас обоих суровый и великий наставник.

Когда, вернувшись в Руссик, я пришел в келью к о. Иерониму, он сказал мне при самом архимандрите.

– Отец Макарий-то, видели? Воздухи подарил священнику! С какой стати раздавать так-то уж щедро монастырское добро – и кому же: врагу Афонского монастыря!

Отец Макарий сначала молчал и только улыбался, а потом сказал что-то, не помню, до этого дела вовсе не касающееся, и ушел.

Оставшись со мной наедине, о. Иероним вздохнул глубоко и сказал:

– Боюсь, что он без меня все истратит. Он так добр, что дай ему волю, – он все «тятенькино наследство в орешек сведет»!

Разумеется, я стал защищать о. Макария, и мне было немножко досадно на старца, что он, вместо того чтобы разделять нашу небольшую духовную радость, охлаждает ее практическими соображениями.

На возражения мои отец Иероним отвечал мне коротко и серьезно, с одной из тех небесно-светлых своих улыбок, которые чрезвычайно редко озаряли его строгое лицо и действовали на людей с неотразимым обаянием. Он сказал мне так:

– Чадочко Божие, не бойся! Его сердца мы не испортим... Слишком он милосерд и благ. Но ведь игумену сто лет; я тоже приближаюсь к моему разрешению, – ему скоро придется быть начальником, пасти все это стадо... И где же? Здесь, на чужбине! Само по себе оно и хорошо, что он эти воздуха подарил, и вы видите по жизни наших монахов, что им самим-то ничего не нужно. Но монастырю средства нужны. И отца Макария надо беспрестанно воздерживать и приучать к строгости. Он у нас «увлекательный» человек...

Так сказал старец. При виде неожиданной и неизобразимой улыбки на его прекрасном величественном лице, при еще менее ожидаемой для меня речи на ты со мной, при этом отеческом обращении «чадочко Божие» ко мне, сорокалетнему и столь грешному, захотелось мне уже не руку поцеловать у него, а упасть ему в ноги и поцеловать валяную старую туфлю на ноге его.

Даже и эта ошибка – «увлекательный» вместо «увлекающийся» человек, – эта маленькая «немота образования» в связи со столькими великими силами духа, и она восхитила меня!

Да, как ни высок был нравственно отец Макарий, едва ли бы он мог без отца Иеронима стать тем замечательным начальником, каким мы его знали.

Я говорил прежде о «самоваянии» иноков. Отец Иероним был человек железной воли. Его внутреннее «самоваяние», вероятно, имело целью прежде всего смягчить свое сердце, сломать, смирить свою по природе гордую волю. Возможно также, что именно с намерением отстранить от себя все искушения власти над кем бы то ни было, он так упорно и долго отказывался от иеромонашества и в России, и на Афонской Горе, и только строжайшее повеление святогорского наставника, старца Арсения, вынудило его принять хиротонию. Я слышал от него самого, что из России он уехал тогда, когда архиерей, любивший его, сказал ему: «Мы тебя далеко поведем».

Отец Иероним всегда был до того покоен и невозмутим, что я, имевший с ним частые сношения в течение года с лишком, ни разу не видал ни чтобы он гневался, ни чтобы он смеялся, как другие. Едва-едва изредка улыбнется, никогда не возвысит голоса, не покажет ни радости особой, ни печали. Иногда только он немного посветлее, иногда немного мрачнее и суровее. А между тем все чувства

в других понимал, самые буйные, самые непозволительные и самые малодушные. Понимал их тонко, глубоко и снисходительно. Все боялись его и все стремились к нему сердцем.

– Какое у него «тяжелое» лицо! – сказал мне один набожный юноша-грек, взглядевшись в него⁸.

– Как он умеет успокоить и утешить одним словом, одним взглядом своим, – отзывались мне монахи.

И то и другое было верно. Так действовал он и на меня.

Отец Макарий, напротив, по самому темпераменту своему, видимо, был человек подвижный и горячий, человек любви и сердечных увлечений. Ему для успешного начальствования и для той внешней борьбы с людьми и обстоятельствами, к которой он был предназначен, нужно было несколько остыть и окрепнуть в руках человека покойного и непреклонного, но тем не менее искреннего в своих духовных вожделениях.

Что касается до собственно милостыни, то и о. Иероним славился на Афоне своей щедростью к нуждавшимся. Знаю, сколько он делал и вещественного добра. Но «смирять» ли он хотел архимандрита, своего ученика, делая ему выговоры, даже и при мне, и «готовя ему за крепость венцы», или в самом деле находил, что доброта его и щедрость переходят за черту рассудительности, – не берусь решить.

Это лучше моего знают те люди, которые с ними обоими жили дольше моего. Вообще сознаюсь, что сказал я здесь очень мало об о. Иерониме, и даже то, что сказал, совершенно недостойно ни его великого значения, ни его великого характера.

Заниматься мимоходом таким священным для меня делом вовсе не стану; описывать же его житие так, как того требовала важность предмета, я теперь, по ряду причин, не могу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Все это уже было написано, когда я прочел в «Московских ведомостях» (№№ 182 и 184) превосходную статью г. Красковского о том же самом архим. Макарии. Ее стоит рекомендовать читателям. Кое в чем мы, однако, разнимся с ним, и я думаю даже, он в некоторых отношениях правее меня. Пока я, впрочем, в своем рассказе почти ничего не изменил и в следующий раз поговорю подробнее о некоторых более важных разногласиях наших. Исправил я у себя только две ошибки, полагаясь на свежую память г. Красковского, недавно бывшего на Святой Горе. В первой статье моей я называл молодого Сушкина – «Михаил Иванович»; здесь я, по г. Красковскому, стал

звать его Михаилом Петровичем. Другая моя ошибка была та, что я думал – отца Макария постригли больного в мантию, но оказывается, что даже в схиму. Я и это переменял. – *Авт.*

² Архондарикон – приемная для архонтов, для важных лиц, русские монахи, которые попроще, переломали это звучное греческое слово в жалкий «фондарик». – *Авт.*

³ Во время моего пребывания на Афоне часы на игуменской литургии почти ежедневно читались или маркизом де Гр-о, или одним отставным обер-офицером из евреев. – *Примеч. г. Красковского.*

⁴ Просто варенье с водою. – *Авт.*

⁵ Статья эта была переведена мною по-французски и издана тогда же в Константинополе отдельной брошюрой. – *Авт.*

⁶ Границей Святой Горы от «мира» считается небольшой ручей, текущий по кустам неподалеку от того места, где оканчивается плоский низменный перешеек и начинается первая афонская крутизна. – *Авт.*

⁷ Не знаю, как теперь, а в мое время монастырь Хилендар был только по прозвищу сербский. Болгары, как мне говорили, мало-помалу заменили в нем сербов, потому что сербы вовсе стали отставать от монашества в XIX веке. В то время о них на Афоне почти и не слышно было. – *Авт.*

⁸ Выражение «вари просопон» в подобных случаях переводится словом «важный», но я нахожу, что к лицу покойного о Иеронима идет больше такой перевод: «тяжелое лицо», т. е. подстрочный перевод слова «варис». В минуту суровости в его лице было действительно нечто спокойно-подавляющее, бесстрастно-гнетущее. – *Авт.*

Впервые: *Гражданин*. 1889. № 191 – 192, 196, 207, 211, 243, 246. Здесь по: *Леонтьев К. Н.* Восток, Россия и Славянство. М., 1996. С. 572 – 587.

Леонтьев Константин Николаевич (1831 – 1891), в монашестве Климент. Религиозный мыслитель, в центре его исследований – проблемы русской государственности, судьба России. Благословение на монашество Леонтьев получил от прп. Амвросия Оптинского и пострига сподобился за два месяца до своей кончины. Основные труды: «Византизм и славянство», «Записки отшельника», «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения».

Его противостояние мнимым ценностям не только не утрачивает с годами своей актуальности, но и поныне является опорой для всех охранительных сил как России, так и Запада.

ОБРАЗ СВЯТОГО ЦАРЯ- СТРАСТОТЕРПЦА НИКОЛАЯ II В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

Вот уже около ста лет в официальной историографии и во всей полноте церковной, а также в общественной и культурной среде не утихают споры об оценке личности и деятельности последнего всероссийского императора, святого страстотерпца Николая II. За прошедший век было открыто и исследовано множество исторических материалов, написаны романы, снято большое количество документальных и художественных фильмов. После того, как в 2000 году на Юбилейном Архиерейском Соборе император Николай Александрович вместе со своей семьей был канонизирован как святой Царь-страстотерпец, написано к прославлению его житие. Любой правитель всегда находится под пристальным вниманием как современников, так и историков, но, пожалуй, ни один правитель России не имеет столь противоречивых оценок, какие высказываются в адрес святого Царя-страстотерпца Николая II. Интерес к последнему императору, по нашему мнению, вызван несколькими причинами.

Игуменья Нина (Механикова) – настоятельница Заволжского Свято-Ильинского женского монастыря. Родилась 1 июля 1978 г. в г. Чебоксары.

В 1999 г. окончила Чебоксарское художественное училище. В 1999 – 2000 гг. была вольнослушательницей курсов при Санкт-Петербургском Государственном академическом институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина.

В 2001 г. переехала в Самару, была корреспондентом «Православной Народной газеты».

В марте 2003 г. приняла монашеский постриг, который по благословению Высокопреосвященнейшего архиепископа Самарского и Сызранского Сергия совершил архимандрит Мирон (Пепеляев).

С момента создания в 2003 г. женского скита при храме св. Илии Пророка, на основании которого в 2006 г. был открыт Заволжский Свято-Ильинский женский монастырь, была в обители на должности Благодичной. Также несла склорное послушание и занималась иконописью (ею написаны иконы иконостасов для храмов свт. Нектария Эгинского и сщмч. Константина Самарского, Троице-Сергиева храма и др.).

Постановлением Священного Синода Русской Православной Церкви от 2 октября 2013 года назначена на должность настоятельницы Заволжского Свято-Ильинского женского монастыря в селе Подгоры Волжского района Самарской области. 10 декабря 2013 г. возведена в сан игуменнии Высокопреосвященнейшим митрополитом Самарским и Сызранским Сергием.

В 2014 г. окончила заочное отделение Самарской Православной Духовной семинарии. В 2016 г. окончила Высшие Богословские Курсы Московской Православной Духовной Академии.

Во-первых, правление Николая II пришлось на слом эпохи, когда Россия свернула со своего исторического пути. В течение многих веков Российская Империя была Православной Цивилизацией. После уничтожения монархии в нашей стране был поставлен эксперимент по созданию государства с богоборческой коммунистической идеологией. Понеся многомиллионные человеческие потери, положенные в основу эксперимента, Советская Россия ушла в небытие, а перед русским народом вновь встали те же вопросы, которые волновали людей в начале двадцатого века: можно ли построить благополучие своего государства, наладить отношения с другими странами, не имея в основании закона Божественного. Как сохранить мир между государствообразующим русским народом и многочисленными народами, проживающими в России? Этот вопрос усложняется тем, что разные народы нашей страны исповедуют свои религии.

Во-вторых, император Николай II, по свидетельству всех, кто был к нему близок, был человеком искренне верующим и глубоко церковным. Это очень важная характеристика, в свете которой и следует оценивать его личность и деяния. Ведь позиция человека-христианина, его мировоззрение и поступки диаметрально противоположны поступкам человека неверующего. Можно сказать еще более категорично словами апостола Павла: *Христос распятый для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие* (1 Кор. 1, 23). Так и жизнь множества христианских мучеников, преподобных и святых царей для внешнего мира – безумие. Здесь неизбежно вспоминаются первые русские святые Борис и Глеб, как и царь Николай II прославленные в лике страстотерпцев. Подвиг их заключался в том, что они покорились воле Божией и власти своего брата, Святополка Окаянного: не подняли на него руку и приняли смерть от посланных им убийц.

Одной из основных проблем современного общества является противоречие между церковным восприятием личности святого Царя Николая II и негативным мнением секулярного большинства. Сегодня нам особенно важно выяснить, сколько ложных обвинений возведено на последнего русского царя. Многие из этих распространенных мифов родились в годы его правления в среде, готовившей его свержение, и, просуществовав целое столетие, продолжают жить на страницах книг, школьных учебников и рассказываться «специалистами» с телеэкранов со ссылками на «воспоминания современников».

СЕКУЛЯРНЫЙ СТЕРЕОТИП ЖИЗНЕОПИСАНИЯ СВЯТОГО ЦАРЯ-СТРАСТОТЕРПЦА НИКОЛАЯ II И ИСТОЧНИКИ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ

Анализируя воспоминания о последнем императоре, мы обнаружили две диаметрально противоположные оценки личности Николая II. Можно констатировать, что нет человека, на которого император не произвел бы впечатления, но положительная или отрицательная оценка личности императора не зависит от того, к какому социальному слою принадлежал автор воспоминаний и близко ли он был знаком с царем. Мы предполагаем, что формирование мнения о царе зависит не от положения человека в обществе, а от того, какое мировоззрение он имел.

Либеральная часть общества всецело была поглощена идеями так называемых «свобод». Эти люди, когда-то дав присягу царю, посчитали себя свободными от нее. Находясь на службе у государя, они фактически перестали быть верноподданными своему монарху. Будучи в большинстве православными христианами, на практике они были атеистами, увлекались кто магией, кто спиритизмом. Потеряв веру, они утратили нравственные нормы и верность присяге, не видя в преданности царю земному прообраз верности Царю Небесному. И они давали оценку императору, который до своей мученической кончины был верен идее монархизма отнюдь не из корыстного себялюбия. Однажды Государь в разговоре с бароном Фредериксом признался: «Я берег не самодержавную власть, а Россию».

Для господ либералов личные интересы всегда важнее судьбы России. Уже в первые дни после февральского переворота множество людей, близких к трону, устремилось засвидетельствовать свое почтение новой власти. Даже некоторые представители императорской фамилии демонстративно надевали красные банты в честь солидарности с революцией. Таких оказалось много. Это представители власти и думские лидеры, военные и даже церковные иерархи. Те из них, кто остался в живых, покинув страну, писали в своих мемуарах о царском режиме и об императоре как о величайшем зле для России. Они не могли ни понять, ни принять своего монарха.

Другая часть общества оставалась верноподданной императору. Эти люди были верны не только в годы благоденствия, но и во время испытаний, выпавших на долю Царской Семьи. Ближайшее окружение разделило с Семьей заточение, ссылку и мученическую кончину. Множество верноподданных не имело близкого отношения к императору. Это были простые люди, и они не предали царя.

В результате в современной историографии существуют два образа императора Николая II. Первый – результат секулярного сознания, второй – верноподданнического.

Чтобы выявить критерии формирования первого, мы рассмотрим наиболее цитируемый источник: воспоминания известного государственного деятеля графа С. Ю. Витте. Этот автор сегодня наиболее популярен, и на основе его писаний базируются многие исторические оценки.

Сергей Юльевич Витте один из самых известных государственных деятелей Российской империи конца XIX века. Родился он в Тифлисе в 1849 году в небогатой дворянской семье. Его отец, Юлий Федорович, потомок выходцев из голландцев, служил в канцелярии Кавказского наместника. Мать, урожденная Е. А. Фадеева, находилась в родстве с княжеским родом Долгоруких, о чем Сергей Юльевич очень любил напоминать. В детстве он много времени проводил в доме своего любимого дяди, генерала Р. А. Фадеева, известного военного писателя и адъютанта Кавказского наместника фельдмаршала князя А. И. Барятинского.

Витте начал свою службу в канцелярии Одесского генерал-губернатора, где занимался учетом железнодорожного движения, затем он назначается начальником службы движения казенной Одесской железной дороги, а чуть позже переходит на службу в частную железнодорожную компанию. В эти годы он женится на молодой вдове, дочери предводителя дворянства Черниговской губернии Н. А. Спиридоновой. Брак этот долго не продлился, супруга Витте скоропостижно скончалась.

Взлет карьеры молодого чиновника приходится на 1888 год, когда он стал лично известен императору Александру III. Сопровождая императорский поезд по Юго-Западным железным дорогам, Витте предупредил, что превышение скорости императорского поезда может привести к трагедии. Все это было высказано в свойственном Сер-

Граф С. Ю. Витте

Император Александр III с семьей после железнодорожной катастрофы в Борках

ператорского поезда в Борках, и император Александр III вспомнил дерзкого молодого железнодорожного служащего. Ему предложили пост директора Департамента железнодорожных дел Министерства финансов. Через несколько лет он стал министром путей сообщения, а затем министром финансов. Его карьере можно назвать сказочной, однако высшее общество столицы приняло молодого государственно-чиновника не очень любезно. Особую роль в этом играла вторая женитьба Витте. Через год после смерти первой жены он познакомился с Матильдой Ивановной Лисаневич, которая была замужем и имела дочь. Ходили слухи, что Сергей Юльевич весьма постарался в деле развода своей возлюбленной, затем женился на ней и удочерил падчерицу. Женитьба на разведенной женщине в то время считалась делом неблагопристойным, ко всему прочему Матильда Ивановна была еврейкой, что с трудом воспринималось высшим обществом.

На посту министра финансов Витте пробыл бессменно в течение одиннадцати лет. С его именем связано несколько известных преобразований. Среди них введение казенной винной монополии, строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, заключение таможенного договора с Германией, введение в середине 90-х годов в обращение золотого рубля (одно из известнейших преобразований).

гею Юльевичу резком тоне. Вот как он сам об этом пишет: «Тогда я не выдержал и сказал Министру путей сообщения: “Знаете, ваше высокопревосходительство, пускай делают другие, как хотят, а я Государю голову ломать не хочу, потому что кончится это тем, что вы таким образом голову Государю сломаете”».

Император Александр III слышал это мое замечание, конечно, был очень недоволен моей дерзостью, но ничего не сказал, потому что был благодушный, спокойный и благородный человек» [2, 194].

Все это не имело бы никакого значения, но через несколько месяцев случилось крушение им-

По словам А. Н. Боханова: «Нестандартность фигуры С. Ю. Витте, его ум, тщеславие, доходившее нередко до пренебрежительного отношения к людям, постоянно плодили недругов и недоброжелателей» [1, 162].

«Самым важным условием, позволявшим, с одной стороны, приступать к непопулярным реформам, а с другой – надеяться на их благоприятную реализацию, была поддержка Николая II. Царь не питал расположения к сановнику, но в интересах дела считал нужным сохранять его на важнейших государственных постах. Без покровительства Николая II звезда сановника закатилась бы очень быстро» [1, 163].

В 1903 году С. Ю. Витте был уволен от должности министра финансов и переведен на почетный, но бездеятельный пост председателя Комитета министров. Еще несколько раз ему удавалось побыть на вершине власти и известности. В 1905 году делегация во главе с Витте едет в Портсмут (США) для заключения мира с Японией. За это император наградил его титулом графа.

Император Николай II подписал 17 октября 1905 года манифест «Об усовершенствовании гражданского порядка», составленный Витте, который положил начало политическим свободам, но смута продолжала разрастаться. В этом положении император предложил Витте встать во главе Совета министров. Несмотря на надежды, которые возлагали на него император и прогрессивное общество, Витте не смог навести порядок в стране.

А. Крыжановский, ставший впоследствии статс-секретарем, а в то время получавший поручения от Витте, пишет: «В голове его был хаос, множество порывов, желаний всем угодить – и никакого определенного плана действий. Вообще вся его личность производила впечатление, не вязавшееся с его репутацией. Может быть, в финансовой сфере, где он чувствовал почву под ногами, он и был на высоте, но в делах политики и управления производил скорее впечатление авантюриста, чем государственного деятеля» [11, 354].

Государь с разочарованием пишет матери императрице Марии Федоровне: «Ты мне пишешь, милая мама, чтобы я оказывал доверие Витте. Могу тебя уверить, что с моей стороны делается все, чтобы облегчить его трудное положение... Но я не могу скрыть от тебя некоторого разочарования в Витте. Все думали, что он страшно энергичный и деспотичный человек, и что он примется сразу за водворение порядка, прежде всего...» Между тем, действия кабинета Витте создавали «странное впечатление какой-то боязни и нерешительности» [11, 353].

Шесть месяцев пробыл Витте во главе Кабинета министров, а затем подал прошение об отставке. Император подписал его. Служебная ка-

рьера Сергея Юльевича на этом практически завершилась, но до конца своих дней он не мог примириться с тем, что его оставили не у дел.

По словам А. Н. Боханова: «Имя Витте ассоциируется с бурной индустриальной модернизацией России, которую он осуществлял под патронажем Императора. Существует расхожее мнение, что якобы именно Витте – «отец» русского экономического чуда и политических свобод. Это устоявшееся заблуждение. Все принципиальные меры и решения не только одобрялись Царем, но некоторые Им и инициировались: например, план отмены выкупных платежей.

Однако лавры общественного признания доставались Витте. Сам он об этом подлоге очень заботился, а потом уж, когда рухнула Монархия, кто бы осмелился сказать «реформы Николая II» [1, 157].

В 1907 году Витте решил написать воспоминания о своей жизни. В мемуарах, которые он хранил в строжайшей тайне, вылилась вся горечь и досада на то, что его заслуги, как он полагал, не были оценены по достоинству. Больше всего бывший министр был обижен на императора Николая II. По словам А. Н. Боханова, «Воспоминания» Витте, «наполненные множеством утверждений, дискредитирующих последнего царя, появились вскоре после падения монархии, когда самого автора уже не было в живых.

Оценки опального сановника начали широко использоваться как “бесспорное доказательство” “ущербности” и “мелкости” последнего царя. До сих пор выдержки из мемуаров Витте часто воспроизводятся как некие сакральные тексты, не подлежащие критическому осмыслению, хотя тенденциозность и пристрастность, а местами и откровенную лживость этого сочинения трудно не заметить» [1, 170].

В трех томах мемуаров Витте описывает свою жизнь, начиная с рождения и оканчивая 1912 годом. Мы попытаемся проанализировать воспоминания, обращая внимание на три аспекта личности самого автора: его религиозные взгляды, нравственную сторону и его монархические убеждения.

Рассказ о своей жизни Сергей Юльевич начинает с предков, подробно останавливаясь на семье деда и бабуки, урожденной Долгоруковой. Перечисляя тетей и дядей с этой стороны, он останавливается особо на рассказе о двоюродной сестре, одной из основательниц Теософского общества Е. П. Блаватской¹. Описывая все ее авантурные приключения,

¹ Блаватская Елена Петровна (30. 08. 1831 – 8. 05. 1891) – родилась в семье полковника П. А. фон Гана. После смерти матери в одиннадцатилетнем возрасте поселилась в доме бабушки и дедушки Фадеевых, где в ее распоряжении оказалась большая библиотека оккультной литературы. Выйдя в 18 лет замуж за статского советника Блаватского, она

он делится тем впечатлением, которое она производила. «Когда я познакомился ближе с ней, то был поражен ее громаднейшим талантом все схватывать самым быстрым образом; никогда не учившись музыке, она сама выучилась играть на фортепиано и сама давала концерты в Париже (и Лондоне), никогда не изучая теорию музыки, она сделалась капельмейстером оркестра и хора у сербского короля Милана; давала спиритические представления; никогда серьезно не изучая языков, она говорила по-французски, по-английски и на других европейских языках, как на своем родном языке; никогда не изучая серьезно русской грамматики и литературы, многократно на моих глазах она писала длиннейшие письма стихами своим знакомым и родным с такой легкостью, с которой я бы не мог написать письма прозой; она могла писать целые листы стихами, которые лились как музыка и которые не содержали в себе ничего серьезного; могла, смотря в глаза, говорить и рассказывать самые небывалые вещи, выражаясь иначе, неправду, и с таким убеждением, с каким говорят только те лица, которые никогда, кроме правды, ничего не говорят. Рассказывая небывалые вещи и неправду, она, по-видимому, сама была уверена в том, что то, что она говорила, действительно было, что это правда. Она обладала такими громаднейшими голубыми глазами, каких я никогда в жизни ни у кого не видел, и когда она начинала что-нибудь рассказывать, а в особенности небылицу, неправду, то глаза эти все время страшно искрились» [2, 10]. После таких описаний человек, даже поверхностно знакомый с учением Православной Церкви о духовной жизни, без сомнения поймет, откуда у госпожи Блаватской такие способности. Но, по-видимому, двоюродному брату знаменитой оккультистки это не совсем ясно. Далее он пишет: «В конце концов, если нужно доказательство, что человек не есть животное, что в нем есть душа, которая не может быть объяснена никаким материальным происхождением, то Блаватская может служить этому отличным доказательством: в ней, несомненно, был дух, совершенно независимый от ее физического или физиологического существования. Вопрос только в том, каков этот дух, а если встать на точку зрения представления о загробной жизни, что она

вскоре покинула мужа и пустилась по миру. Объехав страны Южной Америки, острова Вест-Индии, она в 1852 году пыталась проникнуть на Тибет, что ей удалось только в 1855 году. В 1875 г. она вместе с Г. С. Олкоттом и У. К. Джаддом основала в Нью-Йорке Теософское общество, целью которого было осуществление опытов в области оккультных наук. В 1887 г. она поселилась в Великобритании, где приступила к изданию журнала «Люцифер», на страницах которого прославлялся Сатана. Приняв буддизм, она признавалась: «Наша цель не в том, чтобы восстановить индуизм, а в том, чтобы смести христианство с лица земли». В «Послании Русского Заграничного Церковного Собора о спиритизме, магнетизме, теософии и прочих оккультных вымыслах» учение Блаватской было квалифицировано как антихристианское.

делится на ад, чистилище и рай, то весь вопрос только в том, из какой именно части вышел тот дух, который поселился в Блаватской на время ее земной жизни» [2, 12]. После таких заявлений можно сказать, что если формально Сергей Юльевич и принадлежал к Православной Церкви, то по сути не знал даже начальных ее догматов. Учение о чистилище существует только в католицизме.

Еще один пример того, как далек был Витте по духу от Православной Церкви. После кончины писателя Льва Толстого он пишет: «Накопец, величайшая заслуга графа Толстого – это то, что он искренне верил в Бога и своим громадным талантом умел внедрить эту веру в сердца многих тысяч и таким образом боролся с атеизмом и русским нигилизмом, которые имели такое большое влияние на умы молодого русского поколения семидесятых годов прошлого столетия» [4, 537]. Совершенно непонятно, к какому богу привел молодое поколение Лев Толстой, если иметь в виду то, что Русская Православная Церковь предала его анафеме. Это молодое поколение, поверив Толстому, вступало в ряды революционеров и провозгласило классика «зеркалом русской революции». Праведный Иоанн Кронштадтский называл Толстого ересиархом, а сам Лев Николаевич даже написал собственное евангелие без Христа.

Кстати, к праведному Иоанну Кронштадтскому Витте относился весьма скептически. С большим недоверием он отнесся и к прославлению по инициативе Царя преподобного Серафима Саровского.

Следующим предметом для рассмотрения мы взяли нравственные качества Витте. Мемуары Сергея Юльевича состоят из описания событий, которым он был свидетель, и оценок его современников. Основная мысль, которая проходит через все три тома – как много сделал Сергей Юльевич для Отечества и как все ему мешали. Оценки людей у него предельно резки, если человек не нравится, то автор бесконечно описывает его недостатки. К таким людям относятся министр внутренних дел В. К. Плеве, Петербургский генерал-губернатор А. Ф. Трепов, великий князь Александр Михайлович и даже такой популярный ныне государственный деятель, как П. А. Столыпин. Не хочется повторять эпитеты, которыми их награждает Витте. Политическая борьба никогда не отличалась благородством, но граф часто, обвиняя своих оппонентов, выходил за рамки приличия.

Вот лишь некоторые из его пассажей: «Плеве имел против меня личный зуб потому, что он думал, что я дважды помешал ему стать министром внутренних дел, он был злопамятен и мстителен. Мы с ним расходились и относительно государственной политики (я не говорю по убеждениям, так как таковых он не имел) по большинству вопросов» [3, 206].

Известно, что в своих убеждениях В. К. Плеве был весьма твердым. Человек консервативных взглядов, считавший, что мир и порядок в империи можно поддерживать только жесткой и бескомпромиссной политикой, он за свои убеждения заплатил жизнью, став жертвой террористов.

Граф был убежден в своей правоте и утверждал, что все, кто думают не так, как он, не правы. Такое же убеждение Витте имел относительно П. А. Столыпина, рассказы его о нем больше похожи на сплетни. Когда Столыпин за благосклонность к революционному движению уволил с поста директора Политехнического института князя Гагарина, Витте пишет: «Жена князя Гагарина, близкая родственница Столыпина, весьма почтенная женщина. Как она мне говорила, она знала Петю Столыпина с детства, и, когда это случилось, она мне сказала: “Вот никогда бы не думала, что Петя в конце концов сделался таким подлецом”» [3, 258]. Видимо то обстоятельство, что П. А. Столыпин пребывал на высших государственных постах, тогда как сам граф уже больше никого не интересовал, не давало ему покоя. Даже убийство председателя совета министров П. А. Столыпина, потрясшее всю Россию, не вызвало у Витте ни слова сожаления, он продолжал поливать грязью его и его убитую горем супругу, что с точки зрения нравственности любому нормальному человеку покажется невозможным. Вот его слова: «После убийства Столыпина со стороны некоторых политических партий последовало муссирование значения этого убийства. Под влиянием этого муссирования Его Величество оказал целый ряд милостей жене Столыпина, причем супруга Столыпина вела себя со свойственной ей бестактностью.

Узнав, что муж ее ранен, она приехала в Киев, и... сказала Государю очень глупую фразу. Когда Государь вошел в комнату, где уже лежал труп Столыпина, она, как истукан, шагами военного подошла к Государю и сказала: “Ваше Величество, Сусанины еще не перевелись в России”, – затем сделала несколько шагов задним ходом и стала на свое место. Ее театральная походка сопровождалась глупой театральной фразой» [4, 557 – 558].

Более циничные слова по отношению к убитой горем женщине трудно подобрать, и это ведь писал не революционер-террорист, который ненавидел существующий строй, а «выдающийся» государственный деятель. Пытаясь явить на свет пороки своих политических оппонентов, сам граф был отнюдь не безупречен. Современники отмечали «талант» Витте менять свои убеждения в зависимости от ситуации. Вот как писал Государь о нем императрице Марии Федоровне: «Витте после московских событий резко изменился. Теперь он хочет всех вешать и расстре-

ливать. Я никогда не видел такого хамелеона... Благодаря этому свойству его характера почти никто ему больше не верит, он окончательно потопил себя в глазах всех...» [11, 368].

Один из преемников графа, министр В. Н. Коковцов, близко знавший Витте, в своих воспоминаниях приводит такой случай. «Самовозвеличение, присвоение себе небывалых деяний, похвальба тем, чего не было на самом деле, не раз замечались людьми, приходившими с ним в близкое соприкосновение, и часто это происходило в такой обстановке, которая была даже не выгодна самому Витте.

Витте вел часть переговоров лично и непосредственно с князем Бюловым в его имении в Нордерне. При переговорах присутствовал с русской стороны Тимирязев. Они тянулись долгое время, и вечерние досуги проводились обыкновенно среди музыки и пения. Княгиня Бюлова, итальянка по происхождению, сама прекрасная певица и высокообразованная женщина, постоянно просила Витте указывать ей, что именно хотелось ему услышать в ее исполнении. Ответы его поражали всех своей неожиданностью, было очевидно, что ни одного из классиков он не знал и отделялся самыми общими местами. Верхом его музыкального хвастовства было, однако, событие, рассказанное мне по этому поводу тем же спутником Витте, Тимирязевым. Кн. Бюлова как-то спросила Витте за обедом, на каком инструменте играл он в молодые его годы. Он ответил, не запинаясь, что играл на всех инструментах, и когда хозяйка попыталась было сказать, что такого явления она еще не встречала во всю свою музыкальную жизнь, Витте без малейшего смущения парировал ее сомнение неожиданным образом, сказавши, что в Германии музыкальное образование так специализировалось, что каждый избирает себе определенный инструмент, тогда как в их доме все дети играли на всех инструментах, почему он и мог при поступлении в университет в Одессе организовать чуть ли не в одну неделю первоклассный оркестр из 200 музыкантов, которым он дирижировал во всех публичных концертах. После этого рассказа разговоры на музыкальные темы по вечерам и за обедами как-то прекратились, и сама хозяйка со свойственным ей тактом перевела разговоры на иные, более упрощенные темы» [7, 89 – 90]. Это воспоминание схоже с тем, в котором Витте описывает свою кузину Е. Блаватскую и ее необычайные способности.

Вообще, читая мемуары графа, видишь его, мягко говоря, завышенную самооценку. Приведем лишь несколько примеров. В 1905 году Государь просил Витте возглавить русскую делегацию в Портсмут для заключения мира с Японией. После окончания поездки Сергей Юльевич писал: «В то время все европейские державы почему-то имели обо мне

высокое мнение, и все правительства единогласно выражали мнение, что если кто-либо сумеет заключить мир, то это только один Витте» [3, 410]. «В то время никто не ожидал такого благоприятного для России результата, и весь мир прокричал, что это первая русская победа после более нежели годовой войны и сплошных наших поражений. Меня всюду возносили и возвеличивали. Сам Государь был нравственно приведен к необходимости дать мне совершенно исключительную награду, возведя меня в графское достоинство. И это при личном ко мне нерасположении его и в особенности императрицы, и при самых коварных интригах со стороны массы царедворцев и многих высших бюрократов, столь же подлых, как и бездарных» [3, 437].

Сильные высказывания, но хочется напомнить о том, что, как бы много ни сделал Витте для заключения мирного договора, все ключевые моменты его уже были выработаны императором, который один был уверен в своем решении. Отправляясь в Портсмут для ведения мирных переговоров с японскими эмиссарами, Витте совсем не был уверен в благополучном исходе дела, чему есть множество подтверждений его современников. У С. С. Ольденбурга читаем: «Присутствующие, и в том числе сам Витте, были ошеломлены. Никто не ожидал, что японцы откажутся от контрибуции и согласятся безвозмездно возратить половину захваченного ими острова! Витте весьма быстро освоился с положением и уже в беседе с журналистами умело приписывал себе всю заслугу этого успеха. Между тем внезапное решение японской делегации только показало, насколько Государь более правильно оценивал шансы сторон» [11, 325]. В. Н. Коковцов по этому поводу в своих воспоминаниях пишет: «Сам же Витте оставил в своих воспоминаниях столько неточностей, что нечему удивляться, что в них не нашлось места слову справедливости в пользу Государя, а все приписано себе...» [7, 81].

Итак, мы подошли к образу последнего монарха, императора Николая II и тому впечатлению, которое остается у человека, ознакомившегося с воспоминаниями о Государе Витте.

Витте начал свою службу еще при императоре Александре III. В своих заметках он почти всегда высказывается о нем с чрезвычайным почтением. Чем далее углубляешься в чтение, тем более заметно, что всякий раз после очередного реверанса в сторону императора Александра III следует намеренное противопоставление якобы во всем проигрывающего ему императора Николая II. Это повторяется из раза в раз и наводит на мысль, что восхваление одного нужно только для того, чтобы очередной раз принизить другого. Хотя и по отношению к императору Александру III встречаются странные замечания: «И действительно, им-

ператор Александр III был совершенно обыденного ума, пожалуй, можно сказать, ниже среднего ума, ниже средних способностей и ниже среднего образования; по наружности – походил на большого русского мужика из центральных губерний» [2, 189].

Об императоре Николае II и его правлении мы не встретим ни одного доброго слова. Все добрые чувства к нему заключаются лишь в театральном-наигранном сожалении: «Жаль царя. Жаль России. Сердце и душа исстрадались, и покуда нет просвета. Бедный и несчастный Государь! Что он получил и что оставит? И ведь хороший и неглупый человек, но безвольный, и на этой черте его характера развились его государственные пороки, т. е. пороки как правителя, да еще такого самодержавного и неограниченного. Бог и Я» [3, 291]. Воздыхания такого высокопоставленного сановника не очень понятны, ведь Государь доверял ему самому очень многое, а результаты оказывались не всегда блестящими, так почему же во всем виноват Государь? Приведем лишь один из эпизодов, который наглядно представляет падение графа о судьбе государства. «Записочка его величества, в которой я изведался, что он предполагает назначить министром земледелия Кривошеина, а министром торговли Рухлова, меня так взорвала, что я решил послать прошение об отставке и, желая быть корректным в отношении моих коллег, созвал их, чтобы им об этом заявить. Они начали меня уговаривать остаться, каждый из них приводя свои доводы» [4, 211]. Вся эта сцена происходила в 1905 году, когда смута захлестнула страну и требовалось проявить твердость и терпение, когда особенно нужна была поддержка Государю в трудный момент. Но впереди общего дела шло самолюбие графа, все должно было происходить так, как хотел он, а иначе он умывает руки.

Уже оставив пост председателя Кабинета министров, он делился с В. Н. Коковцовым: «Перед вами счастливейший из смертных. Государь не мог мне оказать большей милости, как увольнением меня от каторги, в которой я просто изнывал. Я уезжаю немедленно за границу лечиться, ни о чем больше не хочу и слышать и представлять себе, что будет разыгрываться здесь. Ведь вся Россия – сплошной сумасшедший дом» [7, 149].

Куда в это время исчезли воздыхания о Родине и ее судьбе? Хочется здесь заметить, сколько прошло перед взором государя Николая II таких «радетелей» о счастье Отечества, которые могли в ответственный момент бросить все и начать жить для себя. Император такого права не имел.

Возвращаясь к воспоминаниям Витте, можно сказать, что никто из современников не опорочил императора так, как он. Другие позже про-

сто повторяли его слова. Одной из причин такой неприязни было то, что его возлюбленная супруга не приобрела подходящего положения в обществе. Как мы уже говорили, она была разведенной и еврейкой по крови.

А. Н. Боханов пишет: «Он знал, что путь в высшее общество лежит через признание в Царском Дворце. Но ничего не получалось, хотя Император Александр III и Императрица Мария Федоровна питали симпатию к Министру. Положение не изменилось и в дальнейшем. Устоявшиеся нормы и представления были выше личных расположений».

В начале 1895 года будущий Министр иностранных дел граф В. Н. Ламздорф записал в дневнике: «Господин Витте хотел во что бы то ни стало добиться, чтобы его жена участвовала в целовании руки молодой Государыни; не добившись успеха в переговорах с гофмейстериней княгиней Голицыной, он обратился к графу Воронцову-Дашкову; последний, находясь в хороших отношениях с Министром финансов и не видя никаких препятствий к допущению г-жи Витте (невзирая на ее прошлое) во дворец, посоветовал ее честолюбивому супругу обратиться к императрице-матери. Витте попробовал разжалобить ее, рассказывая о трудностях положения своей жены; Ее Величество, увидя, к чему он клонит, внезапно остановила его, сказав: “Вы пользуетесь доверием Императора, чего же Вам больше?”

К целованию руки Матильда Ивановна не была допущена, несмотря на известность и авторитет мужа. Витте, в силу своего гипертрофированного самомнения, подобного “унижения” Императору так никогда и не “простил”» [1, 159]. Возможно это обстоятельство и стало одной из причин, по которым Сергей Юльевич не смог написать ничего хорошего о последнем Монархе. Но если внимательно рассмотреть его взгляд на монархию вообще, то вряд ли Витте можно назвать монархистом. В воспоминаниях он часто восклицает, что с детства воспитан в верноподданнических чувствах. Но вот что он пишет: «Как по моим семейным традициям, так и по складу моей души и сердца, конечно, мне любо неограниченное самодержавие, но ум мой после всего пережитого, после всего того, что я видел и вижу наверху, меня привел к заключению, что другого выхода, как разумного ограничения, как устройства около широкой дороги стен, ограничивающих движение самодержавия, нет. Это, по-видимому, неизбежный исторический закон при данном положении существ, обитающих на нашей планете. При таком положении вещей, хотя бы основанном на человеческом заблуждении, трудно, а при данных обстоятельствах невозможно держаться на образе правления, постепенно уже откинутом не только более или менее культурными народами, но также и та-

кими, которые по общей культуре далеко ниже русской» [3, 306]. После такого высказывания становится понятно, почему Витте не мог никогда быть согласен с волей монарха. Ведь послушание и любовь к Царю – это свойство верноподданного, то есть того, кто видит перед собой не просто человека, обладающего властью, а Помазанника Божия. Вот почему Витте больше всего раздражает неограниченность власти Царя. Естественно, когда он видел проявление воли Николаем II, он считал это самодурством. А если он считал, что перед ним всего лишь простой смертный, то и писать можно о нем было все что угодно, бумага все стерпит.

Вспомним, как император в письме к императрице Марии Федоровне сравнивает Витте с «хамелеоном». Мы не найдем в воспоминаниях графа ни одного хорошего слова в адрес императора, но в нужные моменты сладко-льстивые слова не сходили с его уст. Когда было нужно выпросить, чтобы его внук унаследовал графский титул, Витте писал Государю: «Эти строки дойдут до Вас, Государь, когда я буду на том свете. Припадаю к стопам Вашим с загробным молением. Как бы не судили современники о настоящем, беспристрастная история внесет в свои скрижали великие дела Ваши на пользу Богом вверенного Вашему Величеству Народа. В Ваше царствование Россия получила прочную денежную систему, в Ваше царствование расцвела отечественная промышленность и железнодорожное строительство, в Ваше царствование с народа сняты многие тяготы – уничтожены выкупные платежи и круговая порука и проч. и проч. Но что русский народ не забудет, откуда будет жить, – это то, что Император Николай II призвал народ свой к совместным законодательным трудам. Это Ваша беспримерная заслуга перед русским народом и человечеством» [1, 171]. Впечатление такое, что это письмо и воспоминания писали два разных человека. Если властитель приносит своему народу столько благ, зачем тогда говорить, что его власть необходимо ограничивать? Ответа на этот вопрос мы не нашли.

Подводя итоги исследования воспоминаний С. Ю. Витте, мы пришли к выводу, что они носят весьма субъективный характер. Личность автора нельзя назвать образцом нравственности. Нельзя сказать, что этот человек проникнут православным сознанием и его трудно назвать монархистом. Мы намеренно избегали цитат с высказываниями графа об императоре Николае II с открыто оскорбительным характером. Бог судья Сергею Юльевичу, но самое страшное, что его далекие от правды суждения сегодня перепечатываются из книги в книгу и выдаются за достоверную информацию. Если набраться терпения и прочесть воспоминания С. Ю. Витте, то здравомыслящему человеку многое в них покажется странным.

ВОСПОМИНАНИЯ ВЕРНОПОДДАННЫХ

Мы много раз упоминали, что служение Богу и Отечеству император не отделял от своей жизни. У исследователя П. В. Мультиатули мы читаем: «В первую очередь это объясняется православной основой личности императора Николая II и той ответственностью перед Богом, которую он нес за Россию. Генерал С. Д. Позднышев хорошо понял эту духовную сторону личности самодержца: “Судьба поставила Государя во главе огромной Империи. На свое служение он смотрел, прежде всего, с религиозной точки зрения, как истинный сын Православной Церкви. До высоты и глубины этой мистики нам не подняться и не понять ее величайшего значения. Не по внешней только форме, но и по духу – он был Помазанник Божий”» [9, 6].

Из приведенной цитаты мы видим, как относился император Николай II к своему служению. По нашему мнению, если человек не разделяет подобного взгляда на монархию, он не может понять ни мысли, ни действий царя. Такое непонимание мы находим в мемуарах С. Ю. Витте и А. В. Богданович¹. Называя себя монархистами, они радеют за ограниченное самодержавие, при котором царь становится всего лишь бессмысленным символом и не имеет никакого влияния на жизнь государства. К чему приводят такие старания, показала дальнейшая история нашей страны. Устранив самодержавного императора, поборники конституционной монархии не смогли удержать власть, а чуть позже Россия была ввергнута в бездну революции, гражданской войны и кровавых репрессий.

Только Государь понимал, насколько разрушительно и губительно для России устранение самодержавного правления, но к сожалению, к его мнению не прислушивались. Борьба за власть «радетелей свобод» лишала их здравого смысла.

И такие люди писали об императоре свои воспоминания, в которых все их непонимание сути царского служения сводится к упрекам императору в том, что он не хотел делиться своей властью ни с кем.

Это характерно и для рассматриваемых нами мемуаристов Витте и Богданович. Разглагольствования о преданности монархическим принципам не мешали мемуаристам осуждать Государя и быть недовольными его действиями.

В конечном итоге такое непонимание ближайшим окружением высокой миссии Помазанника Божия привело к тому, что императора вынудили отречься от престола. По словам архимандрита Константина

¹ См. о мемуарах Богданович в ДС № 3 (77). С. 72 – 93.

(Зайцева): «Требование отречения было острым проявлением того психологического ощущения ненужности царя, которое охватывало Россию. Каждый действовал по своей логике и имел свое понимание того, что нужно для спасения и благоденствия России. Тут могло быть много и ума, и даже государственной мудрости. Но того мистического трепета перед царской властью и той религиозной уверенности, что царь-помазанник несет с собой благодать Божию, от которой нельзя отпихиваться, заменяя ее своими домыслами, уже не было, это исчезло» [16, 128].

По нашему убеждению, понять последнего царя мог только человек нравственный, церковный и преданный самодержавному монархизму. Этих качеств авторы рассматриваемых нами воспоминаний не имели, поэтому воспоминания их не могут служить достоверными источниками для жизнеописания святого Царя-страстотерпца.

Для понимания действий святого Царя нужно было достичь определенной духовной высоты, отсутствие которой рождало непонимание, неприятие и, как итог, – ненависть к монарху, – качество, которым и отличалось его окружение.

Наше современное общество скорее всего находится на той же духовной «высоте», если и сегодня верит тем людям, кто порочил в своих воспоминаниях имя царственного страстотерпца, и тем из современных авторов, которые ссылаются на воспоминания таких современников царя, как Витте и Богданович.

К большому сожалению, эти ложные взгляды проникают в нашу школу, в учебники истории. Хочется, чтобы современный человек не поддавался стереотипам, а мыслил свободно, умея рассмотреть разные точки зрения и обращая внимание на образ жизни самого автора воспоминаний, на его отношение к Православию, его воцерковленность и преданность идее самодержавия. Эти три характеристики личности являются теми критериями, по которым следует судить о достоверности воспоминаний того или иного современника о Царе-страстотерпце.

Рассмотрев источники формирования секулярного образа императора Николая II, мы обращаемся к свидетельствам тех, кто был предан своему монарху до конца – к воспоминаниям его верноподданных. Верность царю и присяге всегда воспринималась в русском народе как христианская добродетель. В книге С. Нилуса «Близ есть, при дверех» в беседе преподобного Серафима Саровского с Мотовиловым читаем: «Батюшка отец Серафим пространно любил объясняться о сем, хваля усердие и ревность верноподданных к Царю и желая явственнее истолковать, сколько сии две добродетели христианские угодны Богу, говори-

вал: «После Православия они суть первый долг наш русский, и главное основание истинного христианского благочестия» [10, 21].

В числе первых, кого можно назвать верноподданными, те, кто впоследствии были прославлены в лике святых. Это святители, преподобные, праведники, многие из них стали новомучениками и запечатали верность Богу и Царю своей кровью. Приведем их высказывания об императоре Николае II.

Святейший Патриарх Тихон в слове в день священного коронования и помазания на царство благочестивейшего Государя императора Николая Александровича, произнесенном в Нью-Йоркском соборе 14 мая 1905 года, говорит: «Царь есть “батюшка” для народа, как трогательно называет его сам народ. Самодержавие и основано на чувстве отеческой любви к народу, и любовь эта устраняет всякую тень деспотизма, порабощения, своекорыстного обладания, что теперь иные стараются набросить на русское самодержавие. Да и как не стыдно говорить о деспотизме царской власти, когда носители ее – возьмем ближайших к нам государей – великого Царя-Освободителя Александра II, мудрого и праведного Александра III и кроткого и доброго Николая II, – составляют предмет удивления и восхищения благомыслящих людей даже и вне России!» [14, 71].

Святой праведный Иоанн Кронштадтский говорил: «И чем бы мы стали, россияне, без Царя? Враги наши скоро постарались бы уничтожить и самое имя России, – так как Носитель и Хранитель России после Бога есть Государь России, Царь Самодержавный, и без него Россия – не Россия» [14, 63].

«Держись, Россия, твердо веры твоей и Церкви, и Царя православного, если хочешь быть непоколебимой людьми неверия и безначалия и не хочешь лишиться царства и Царя православного. А если отпадешь от своей веры, как уже отпали от нее многие интеллигенты, то не будешь уже Россией или Русью Святой, а сбродом всяких иноверцев, стремящихся истребить Россию так, чтобы мы истребляли друг друга. И если не будет покаяния у русского народа, конец мира близок. Бог отнимет у него благочестивого Царя и пошлет бич в лице нечестивых, жестоких, самозванных правителей, которые зальют всю землю кровью и слезами» [16, 96].

Святитель Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский уже после революции, находясь за границей, писал: «Он [Император Николай II] был живым воплощением веры в Промысл Божий, действующий в судьбах царств и народов и направляющий верных Богу правителей на благие и полезные деяния. Посему он нетерпим был для врагов веры и для тех,

кто стремится разум человеческий и силы человеческие поставить выше всего... Царь Николай II был слуга Божий по внутреннему своему миро-созерцанию, по убеждениям, по своим действиям, и таким он был в глазах всего православного русского народа. Борьба против него тесно была соединена с борьбой против Бога и веры. По существу он сделался мучеником, оставшись верным Царю царствующих, и принял смерть так, как принимали ее мученики» [5, 467 – 468].

О святом Царе-страстотерпце писал и сербский святитель Николай (Велемирович): «Русские в наши дни повторили Косовскую битву. Если бы Царь Николай прилепился к царствию земному, царству эгоистических мотивов и мелочных расчетов, он бы, по всей вероятности, и сегодня сидел на своем троне в Петербурге. Но он прилепился к Царствию Небесному, к царству небесных жертв и евангельской морали, и из-за этого лишился жизни сам, и чада его, и миллионы собратьев его. Еще один Лазарь и еще одно Косово!» [16, 20].

Размышлял и преподобный Варсонофий, старец Оптинский, о том, как глубоко русский народ воспринимает идею самодержавной власти: «Преданность православного русского народа к царям своим совсем не то, что преданность западных народов к их государям. По современным западным понятиям государь есть ни что иное, как представитель своего народа, – и народы западные любят своих представителей и охотно повинуются, когда они верно выполняют это назначение или когда силою своего гения увлекают народы за собою и ослепляют его блеском славы и могущества государственного, как Наполеон во Франции и Фридрих в Пруссии; но это любовь своекорыстная и эгоистичная. На Западе в своих государствах народы любят лишь самих себя. Если король по личному своему характеру не в состоянии быть верным отражением, представителем воли народа и господствующих в нем стремлений, идей и страстей, то ограничивают и сжимают его волю посредством конституционных тисков.

Совсем не то у нас в России: наш царь есть представитель воли Божией, а не народной. Его воля священна для нас, как воля помазанника Божия; мы любим его потому, что любим Бога. Славу же и благоденствие дарует нам царь, мы принимаем это от него как милость Божию. Постигает ли нас бесславие и бедствие, мы переносим их с кротостью и смирением как казнь небесную за наши беззакония и никогда не изменим в любви и преданности царю, пока они будут проистекать из наших православно-религиозных убеждений, из нашей любви и преданности Богу» [13, 424 – 425].

Мы привели лишь несколько высказываний о святом Царе-страстотерпце. Этих свидетельств великое множество. По словам афон-

ских подвижников, никто не может увидеть святости другого человека, если он сам не причастен ей. Не случайно, что именно в правление государя Николая II было прославлено больше святых, чем за весь период, начиная с Петра I. К сожалению, свидетельств святых мы почти не встретим в современных средствах массовой информации, когда речь идет о государе Николае II.

Есть еще одна категория свидетельств о последнем царе и его семье, это воспоминания людей, близких к ним, тех, кому они доверяли, с кем общались, устранив рамки дворцового этикета. Среди них подруги Государыни – Анна Александровна Танеева-Вырубова и Юлия Александровна Ден, учитель императорских детей Пьер Жильяр, фрейлина императрицы баронесса С. К. Буксгевден. К воспоминаниям верноподданных можно отнести и мемуары флигель-адъютанта А. Мордвинова, генерал-лейтенанта Д. Н. Дубенского. Именно они, оказавшись после революции за границей, постарались донести до потомков истинный образ царя.

Были свидетельства людей, не знавших царя близко, видевшихся с ним, может быть, раз в жизни, но почувствовавших, как тяжел крест царской власти и полюбивших царя всей душой. Вот небольшая выдержка из воспоминаний лежавшего в Царскосельском лазарете раненого, офицера И. В. Степанова: «О приезде Государя нам сказали накануне. Все были взволнованы. Видеть, говорить с Государем в такой обстановке... Какие чувства только не пробуждались при этом ожидании! Культ Царя. Обожание личности. Все это жило в семье моей из поколения в поколение. Один мой предок, будучи предводителем дворянства, готовился к приезду Государя с трепетом и благоговением. Но, когда показалась царская тройка, он сел верхом и ускакал на хутор. “Не хочу, чтобы Государь подумал, что я у него что-нибудь хочу просить. Не надо мне ничего. Все, что мог, для приема сделал”.

Другой предок... еще при Николае Первом вместе с женой простоял на коленях перед иконой, пока Государь ночью ехал по большому тракту мимо их владений. Родной дед мой без волнения не произносил самого слова “Государь”. Ближайшее к нам поколение уже критиковало и даже резко, особенно во время Японской войны и после 1905 года, правление Государя. Но самый культ личности и обожание сохранялось рассудку вопреки <...> Я отрапортовал, глядя восторженно в глаза. В них была какая-то печаль. При всем воодушевлении, которое я испытывал тогда, все же в глубине души ощущалась какая-то смутная тоска. Как объяснить взгляд? В нем была привычка. И вместе с тем человек отсутствовал. Глядя на Государя, хотелось забыть себя, жить только для него. Не быть. В нем быть. Только он <...>

Как описать настроение, охватившее нас после отъезда Государя. Я плакал самыми счастливыми горячими слезами. Кто не испытывал этих чувств, тот никогда их не поймет» [15, 341 – 342, 344].

Удивительно, что Государь производил такое впечатление даже на людей, относившихся к нему отрицательно, тех, кто, следуя своим убеждениям, боролись против монархии, но встретившись с ним, они не могли не увидеть благодати Божией, исходившей от Помазанника Божия. Хочется привести два примера таких воспоминаний.

Первый взят из рассказа товарища обер-прокурора Священного Синода князя Н. Д. Жевахова. «Что представлял собою Государь Император? Это был прежде всего богоискатель, человек, вручивший себя безраздельно воле Божией, глубоко верующий христианин высокого духовного настроения, стоявший неизмеримо выше тех, кто окружал его и с которыми Государь находился в общении. Только безграничное смирение и трогательная деликатность, о которых единодушно свидетельствовали даже враги, не позволяли Государю подчеркивать своих нравственных преимуществ перед другими... Только невежество, духовная слепота или злой умысел могли приписывать Государю все то, что впоследствии вылилось в форму злостной клеветы, имевшей своей целью опорочить его поистине священное имя. А что это имя было действительно священным, об этом свидетельствует, между прочим, тот факт, что один из социалистическо-революционеров, еврей, которому было поручено расследование деятельности Царя, с недоумением и тревогою в голосе сказал члену Чрезвычайной Следственной Комиссии А. Ф. Романову: “Что мне делать! Я начинаю любить Царя...” Не повторение ли это слов разбойника на Голгофе?! Не голос ли Иуды: *предал кровь неповинную?*» [6, 291].

И второе высказывание настроенного в свое время против императора борца за всяческие «свободы», Председателя думы Ф. А. Головина: «За два года, что я не видел Николая, он заметно постарел. Появились морщины. Я заметил, что Государь мало обращает внимание на свои руки: кожа была обветренная, шершавая, ногти не чистые и не холеные. Во всей внешности Государя приятное впечатление производили только его глаза, их милое выражение. Эти глаза обманывали меня. Они говорили об их обладателе, будто у него добрая и мягкая душа, будто он человек правдивый и прямой» [12, 167].

Эти люди, несмотря на свои убеждения, не могли отрицать той благой воли и чистоты сердца Государя, которую невозможно не увидеть в праведном человеке. О том, как лишь одна встреча с царем изменяла мировоззрение и даже всю жизнь человека, писал известный философ, протоиерей Сергей Булгаков в своей автобиографической повести:

Император Николай II. Ялта. 1910-е гг.

«Не хочу здесь богословствовать о царской власти, скажу только, что это чувство, эта любовь родилась в душе моей внезапно, молниеносно, при встрече Государя в Ялте, кажется, в 1909 году. Когда я его увидел (единственный раз в жизни) на набережной, я почувствовал, что и Царь несет свою власть, как крест Христов, и что повиновение ему тоже может быть крестом Христовым во имя Его. В душе моей, как яркая звезда, загорелась идея священной царской власти, и при свете этой идеи по-новому загорелись и засверкали, как самоцветы, черты русской истории; там, где я раньше видел пустоту, ложь, азиатчину, загорелась божественная идея власти Божией милостью, а не народным произволением. Религиозная идея демократии была низвергнута во имя теократии в образе царской власти» [8, 143 – 144].

Проанализировав воспоминания современников о святом Царестрастотерпце, мы пришли к выводу, что они не все достоверны. На основе воспоминаний складывается два разных образа последнего императора. Один из них мы назвали секулярным, второй – верноподданническим.

Для того, чтобы понять, какой из них является истинным, мы исследовали жизненный путь святого Царя-страстотерпца. Обращаясь к личности последнего императора, можно с уверенностью сказать, что это был настоящий христианин, верой и правдой служивший Богу и Отечеству.

Мы рассмотрели мировоззрение и личную позицию широкого круга авторов воспоминаний и пришли к выводу, что несоответствие духовных устремлений царя и окружающего его общества вело к непониманию личности царя.

Мы выявили наиболее известные и цитируемые воспоминания современников святого царя: графа С. Ю. Витте и генеральши А. В. Богданович.

Ознакомившись с их мемуарами, мы проанализировали их личную позицию и мировоззрение и убедились, что это люди низкого нравственного уровня, их нельзя назвать глубоко верующими православными христианами, что касается их монархических взглядов, то они считали, что самодержавная монархия должна быть ограничена.

Сравнивая личности императора и его оппонентов, мы можем сказать, что это люди разного духовного уровня. Отношение к жизни, нравственным нормам, отношению к Православной Церкви и к идее самодержавия у императора и его оппонентов противоположны.

Исходя из этого, мы можем констатировать, что такие люди не могли создать в своих воспоминаниях достоверный образ императора, хотя и жили с ним в одно время и общались с ним непосредственно. Доказательством этого могут служить слова апостола Павла: *Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием* (1 Кор. 2, 14).

Итак, мы пришли к выводу, что три качественные характеристики личности автора могут служить мерилем достоверности написанного им: нравственность, церковность и верноподданность.

Доказательством этому утверждению служат мемуары истинно верноподданных Государю людей. Они были близки императору духовно и воспринимали нравственность, церковность и самодержавие так же, как император и вся его семья. Именно их воспоминания могут быть примером достоверности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Боханов А. Н.* Последний царь. М.: Вече, 2006. 512 с.
2. *Витте С. Ю.* Воспоминания. М.: Изд-во социально-экономической литературы, Т.1. 1960. 555 с.
3. Там же. Т. 2. 1960. 639 с.
4. Там же. Т. 3. 1960. 723 с.
5. *Владыка Иоанн – Святитель Русского Зарубежья /Сост. Прот. Петр Перекрестов.* М.: Сретенский монастырь, 2008. 832 с.
6. *Жевахов Н. Д.* Воспоминания товарища Обер-прокурора Святейшего Синода. СПб.: Царское Дело, 2014. 936 с.
7. *Кокорцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903 – 1919 гг. М.: Наука, 1992. Т. 1. 447 с.
8. *Кудрина Ю. В.* Императрица Мария Федоровна и Император Николай II. Мать и сын. М.: Вече. 2013. 432 с.
9. *Мультатули П. В.* «Дай Бог, только не втянуться в войну!». Император Николай II и предвоенный кризис 1914 года. Факты против мифов. М.: РИСИ, 2014. 252 с.
10. *Нилус С. А.* Близ есть, при дверех... М.: 2004. 319 с.
11. *Ольденбург С. С.* Царствование Николая II. М.: АСТ, «Астрель», 2008. 764 с.
12. *Орехов Дмитрий.* Подвиг царской семьи. СПб.: Амфора. ТИД, 2009. 287 с.
13. *Преподобный Варсонофий Оптинский.* Беседы. Келейные записки. Духовные стихотворения. Воспоминания. Письма. «Венок на могилу Батюшке». Свято-Введенская Оптиная пустынь, 2005. 688 с.
14. *Святые черносотенцы.* Священный союз Русского Народа. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 1136 с.
15. *Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных.* М.: Сретенский монастырь; Новая книга; Ковчег, 1999. 592 с.
16. *Шаргунов А., прот.* Царь. М.: Златоуст, 2013. 448 с.

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II

Православный публицист, герой Новороссии А. Г. Жучковский назвал отношение к Императору Николаю II «маркером русскости»¹. У Жучковского есть очень точное, остроумное и нами подтверждаемое наблюдение: «Проведите эксперимент. Возьмите человека и заведите исторический разговор: “Вот Государь Император Петр I...” Собеседник, если не знает предмет, равнодушно выслушает, если знает, вставит свои “пять копеек” – мол, Петр то, Петр се – спокойно, без эмоций. Причем независимо, позитивно или негативно относится он к Петру I, говорить будет без эмоций – и вправду, чего напрягаться зря, человек давно умер, “исторический персонаж”. Продолжайте разговор: “Вот Государь Император Николай II...” Здесь надо смотреть на лицо собеседника. Лицо начинает меняться. Степень недуга бывает разная: один покривится, выдаст пару советских баек про “тряпку” и “кровавого” и поспешит съехать с темы с испорченным настроением. А другой вдруг скорчитя. Надо смотреть именно на степень неприятия Императора. Если пошли в ход “Николашки” и “тряпки” – значит [перед вами] подлец и вор, может, пока говорили, у меня кошелек украл, а если нет, значит, что-то в другом месте украл, в общем можно сразу бить по морде или тащить в полицию. Если уже натурально начинаются корчи, значит, бесноватый, тут уже нужны другие методы воздействия. Для точности эксперимента хорошо произнести следующее: “Император Николай II был гениальный политик, создавший в России демократические инсти-

Петр Валентинович Мультигули – ведущий научный сотрудник Российского института стратегических исследований, кандидат исторических наук, член СП России.

Родился 17 ноября 1969 г. в Санкт-Петербурге (Ленинграде) в семье филолога и театроведа Валентина Мультигули, доцента Санкт-Петербургского Госуниверситета, переводчика произведений Мольера, Расина, Корнеля и Ростана на русский язык. Мать – Наталия Мультигули (урожд. Ануфриева), родилась в Париже в семье эмигрантов первой волны. В 1957 году вернулась с родителями в СССР. Редактор и переводчик французских книг по искусствоведению и истории.

П. Мультигули приходится прямым правнуком Ивану Михайловичу Харитонову – старшему повару Императорской кухни, убитому большевиками вместе с Царской семьей в доме Ипатьева 17. 07. 1918 г. По материнской линии – праправнук генерал-майора П. Г. Беллика, выдающегося участника Кавказской войны, назначенного императором Александром II начальником Чечни и Грозненским городским головой. Именем П. Г. Беллика в Грозном назван мост через Сунжу: Белликовский мост соединил Заводской и Ленинский районы Грозного.

В 1991 г. П. Мультигули окончил факультет истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Работал учителем истории в средней школе, следователем и оперуполномоченным уголовного розыска. Затем был аспирантом Школы политических наук (Париж). Тема диссертации: «Русско-французский военный союз в годы Первой мировой войны».

туты и выигравший мировую войну”. Потом откидывайтесь на спинку и спокойно наблюдайте: только что, казалось бы, цивилизованный человек на глазах превращается в варвара и начинает страшно сквернословить. Человека начинает корчить и кривить. Я не шучу, сам проверял»².

Русский человек, какой бы национальности и вероисповедания он ни был, всегда будет в душе почитать, жалеть и любить последнего Царя либо ясно и осознанно, либо по неведению в тайниках своей души. В феврале 1917 г. смертельная болезнь победила русский государственный организм. Крушение монархии означало начало невероятных страданий русского народа, гибель миллионов людей, уничтожение всего того, что называлось Россией. Сбывались пророческие слова праведного Иоанна Кронштадтского: «Держись, Россия, твердо веры твоей и Церкви, и Царя православного, если хочешь быть непоколебимой людьми неверия и безначалия и не хочешь лишиться царства и Царя православного. А если отпадешь от своей веры, как уже отпали от нее многие интеллигенты, то не будешь уже Россией или Русью Святой, а сбродом всяких иноверцев, стремящихся истребить Россию, так чтобы мы истребляли друг друга. И если не будет покаяния у русского народа, конец мира близок. Бог отнимет у него благочестивого Царя и пошлет бич в лице нечестивых, жестоких, самозванных правителей, которые зальют всю землю кровью и слезами».

Но в 1917 г. многие люди не могли постичь этого, ибо были заражены бациллой отступничества, находились в духовном помрачении. Книгиня Н. В. Урусова вспоминала: «Горько оплакивали мы отречение Государя и были на удивление у большинства, ожидающего каких-то новых, неслыханных земных благ. Помню, как в церкви, хорошо знакомый мне,

На одном из экземпляров его книги «Свидетельства о Христе до смерти», вышедшей в 2007 году, Патриарх Алексей II написал: «Отраднo получить такой труд от Вас, правнука Ивана Михайловича Харитонoва, который был одним из преданных слуг Государя святого страстотерпца Николая II. Надеюсь, Ваше исследование станет еще одним шагом на пути установления исторической правды и восстановления памяти нашего народа о трагических событиях лихолетья, а также и послужит оживлению интереса к духовной сути подвига Императора, его Семьи и близких ему людей».

В 2007 г. совместно с Еленой Чавчавадзе П. Мультипули принял участие как соавтор сценария в создании документального фильма, снятого к 90-летию Октябрьского переворота «Штурм Зимнего. Опровержение».

В 2008 г. по сценарию Петра Мультипули был снят документальный фильм «Николай II. Сорванный триумф», получивший диплом 1-й степени на кинофестивале «Радонeж» (Москва). Премьера фильма состоялась 20 января 2009 г. на телеканале ВГТРК.

В 2010 г. Петр Валентинович становится одним из учредителей Фонда «Возвращение», ратующего за возвращение исторических нравственных традиций и ценностей, в том числе названий, праздников и памятников, существовавших в России до 1917 г. и отвергнутых в годы Советской власти.

31 мая 2011 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Император Николай II во главе действующей армии: военно-политические вопросы управления государством (август 1915 – март 1917 гг.)».

Император Николай II и Цесаревич Алексей в Ставке. 1914 г.

средних лет священник, казавшийся всегда весьма благочестивым и духовным, читал акт об отречении. Церковь была полна, все пришли наряженные и с оживленными лицами. Начиная со священника все торжествовали, радовались и приветствовали этот приговор России, поздравляя друг друга. Я же горько плакала. Прошел после этого один год. Встречаюсь я с этим батюшкой, и он мне говорит: “Знаете, когда я читал акт об отречении Государя, то увидев Вас плачущую, я поразился и подумал: “Вот странный человек, не только не отдается общей радости, а еще заливается слезами”. Теперь я понял Вас и как заплакал бы вместе с Вами”, – на что я ему ответила: “Эх батюшка, снявши голову, по волосам не плачут. Теперь Вы одумались, а прошел всего один год; увидите, как будете плакать дальше”»³.

Об этом же свидетельствовал И. Л. Солоневич: «Я помню февральские дни: рождение нашей великой и бескровной, – какая великая безмозглость спустилась на страну. Сотысячные стада совершенно свободных граждан толклись по проспектам петровской столицы. Они были в полном восторге – эти стада: проклятое кровавое самодержавие – кончилось! Над миром восстает заря, лишенная “аннексий и контрибуций”, капитализма, империализма, самодержавия и даже православия: вот тут-то заживем! По профессиональному долгу журналиста, преодолевая

всякое отвращение, толкался и я среди этих стад, то циркулировавших по Невскому проспекту, то заседавших в Таврическом дворце, то ходивших на водопой в разбитые винные погреба. Они были счастливы – эти стада. Если бы им кто-нибудь тогда стал говорить, что в ближайшую треть века за пьяные дни 1917 года они заплатят десятками миллионов жизней, десятками лет голода и террора, новыми войнами – и гражданскими, и мировыми – полным опустошением половины России, – пьяные люди приняли бы голос трезвого за форменное безумие. Но сами они, – они считали себя совершенно разумными существами: помилуй, Бог: XX век, культура, трамваи, Карл Маркс, ватерклозеты, эсеры, эсдеки, равное, тайное и прочее голосование, шпаргалки марксистов, шпаргалки социалистов, шпаргалки конституционалистов, шпаргалки анархистов, – и над всем этим бесконечная разнузданная пьяная болтовня бесконечных митинговых ораторей»⁴.

Император Николай II сделал все, чтобы предотвратить революцию. За время его царствования страна стала кардинально иной в плане социальном, политическом, экономическом, промышленном, военном, культурном. К 1914 г. революция утратила свои позиции даже в университетах, благодаря деятельности министра народного просвещения Л. А. Касо, который не раздумывая увольнял профессоров-либералов, назначая на их должности верных монархистов и консерваторов. Формировалась новая русская научная элита, не одержимая стремлением к революции, стремившаяся к славе и величию Отечества. Именно эта элита сыграет потом выдающуюся роль в советских научных достижениях и внесет весомый вклад в Победу в Великой Отечественной войне. К 1917 г. были загнаны в глубокое подполье революционные партии, деятельность которых была практически обезврежена, а навязанная Николаю II война с ведущими державами Европы была практически им выиграна. Причем все это делалось Государем почти в одиночку. Флигель-адъютант контр-адмирал С. С. Фабрицкий писал про Николая II: «Настанет время, когда беспристрастная история воздаст должное величайшему из русских Царей Дома Романовых, в царствование коего, несмотря на полное отсутствие способных помощников и на ведение двух кровопролитных войн, Россия шла колоссальными шагами по пути прогресса и обогащения. Теперь ни для кого не секрет, что Россия была накануне победы и, не будь измены ближайших к Трону лиц, Европейская война была бы закончена блестяще, и Россия была бы первой державой мира и народ ее самым богатым. <...> 22 1/2 года процарствовал Государь Император Николай II, ведя страну к неизменному процветанию и подданных своих к обогащению»⁵.

Это признавали не только верноподданные Николая II, но и его враги. В 1934 г. венгерский канцлер граф Иштван Бетлен утверждал: «Если бы Россия в 1917 году осталась организованным государством, все дунайские страны были бы ныне русскими губерниями. Не только Прага, но и Будапешт, Бухарест, Белград и София выполняли бы волю русских властей. В Константинополе на Босфоре и в Катарро на Адриатике развевались бы русские военные флаги»⁶.

Не надо забывать и известные слова Уинстона Черчилля: «В управлении государствами, когда творятся великие события, вождь нации, кто бы он ни был, осуждается за неудачи и возносится за успехи. Дело не в том, кто проделывает работу, кто начертывает план борьбы, порицание или хвала за исход довлеют тому, на ком авторитет Верховной власти и ответственности. Почему отказывать в этом суровом испытании Николаю II? Бремя последних решений лежало на нем. На вершине, где события превосходили разумение человека, где все неисповедимо, давать ответы приходилось ему. Стрелкой компаса был он. Воевать или не воевать? Наступить или отступить? Идти вправо или влево? Согласиться на демократию или держаться твердо? Вот – поля сражений Николая II. Почему не воздать ему за это честь? Николай II в глубокой скорби остался непоколебим. Он видел так же ясно, как и другие, возрастающую опасность. Он не знал способа ее избежать. По его убеждению, только Самодержавие, создание веков, дало России силу продержаться так долго наперекор всем бедствиям. Ни одно государство, ни одна нация не выдерживали доселе подобных испытаний в таком масштабе, сохраняя при этом свое строение. Изменить строй, отворить ворота нападающим, отказать хотя бы от доли своей самодержавной власти – в глазах Царя это означало вызвать немедленный развал. Досужим критикам, не стоявшим перед такими вопросами, нетрудно пересчитывать упущенные возможности. Они говорят, как о чем-то легком и простом, о перемене основ русской государственности в разгар войны, о переходе самодержавной монархии к английскому или французскому парламентскому строю... В марте Царь был на престоле; Российская империя и русская армия держались, фронт был обеспечен и победа бесспорна. Несмотря на ошибки, большие и страшные, тот строй, который в нем воплощался, которым он руководил, которому своими личными свойствами он придавал жизненную искру – к тому моменту выиграл войну для России. <...> Держа победу уже в руках, она пала на землю заживо, как древле Ирод, пожираемая червями»⁷.

Великие преобразования Николая II закончились крушением в феврале 1917 г. не потому, что Царь был «слабым», и не потому, что наши

внешние враги были сильнее, а потому что общество наше в своем большинстве уже не верило в Бога и не желало служить ни Царю, ни России. Расслабленное и жестоковыйное, оно не хотело проникнуться планами Государя, предпочитая исполнению великих исторических задач политические интриги и личные интересы. Император Николай II вслед за великим Пращуром мог бы повторить: «Жизнь мне не дорога. Жива была бы только Россия». Слова эти, сказанные Петром перед Полтавской баталией, вызвали неподдельный восторг у его современников. Подобные же слова Николая II всегда вызывали насмешку и критику. Н. А. Павлов писал в 1927 г.: «Не умея оценить этого Государя, ни использовать опыта истории, ни содействовать Власти, ни ценить блага владеть такой страной – своей ленью, легкомыслием и ропотом глухого недовольства и бессмысленных исканий общества – современное поколение нации пришло к 1917 году»⁸. Об этом же в наши дни пишет Л. П. Решетников: «Русский Царь, как Помазанник Божий, становился непонятным и ненужным. Тем более, такой Царь, как Николай II», который «сочетал в себе непоколебимую преданность Христу и России с государственной прозорливостью. Это непонимание, неприятие именно такого Царя, создавало условия для распространения различных измышлений о профессиональных и человеческих качествах Государя. Все это вполне объяснимо: Царь, говоря современным языком, оставался в православном поле, а его оппоненты из политической и интеллектуальной элиты давно это поле покинули. Впрочем, и писания современных интерпретаторов действий Николая II даже приблизиться к их подлинному пониманию не могут все по той же причине: они пока находятся в совсем другом духовном поле»⁹.

Николая II победили не немцы, не английский или масонский заговор, не военные неудачи и не нехватка снарядов. Все это Россия под его управлением могла преодолеть и большей частью преодолела. Но царская власть не могла одержать победу в войне с большим русским обществом. Великий Князь Александр Михайлович писал: «Трон Романовых пал не под напором предтеч советов или же юношей-бомбистов, но носителей аристократических фамилий и придворной знати, банкиров, издателей, адвокатов, профессоров и др. общественных деятелей, живших щедротами Империи. Царь сумел бы удовлетворить нужды русских рабочих и крестьян; полиция справилась бы с террористами! Но было совершенно напрасным трудом пытаться угодить многочисленным претендентам в министры, революционерам, записанным в шестую Книгу российского дворянства, и оппозиционным бюрократам, воспитанным в русских университетах.

Как надо было поступить с теми великосветскими русскими дамами, которые по целым дням ездили из дома в дом и распространяли самые гнусные слухи про Царя и Царицу? Как надо было поступить в отношении тех двух отпрысков стариннейшего рода князей Долгоруких, которые присоединились к врагам монархии? Что надо было сделать с ректором Московского университета, который превратил это старейшее русское высшее учебное заведение в рассадник революционеров?

Что следовало сделать с графом Витте, возведенным Александром III из простых чиновников в министры, специальностью которого было снабжать газетных репортеров скандальными историями, дискредитировавшими Царскую семью? Что нужно было сделать с профессорами наших университетов, которые провозглашали с высоты своих кафедр, что Петр Великий родился и умер негодяем? Что следовало сделать с нашими газетами, которые встречали ликованиями наши неудачи на японском фронте?

Как надо было поступить с теми членами Государственной Думы, которые с радостными лицами слушали сплетни клеветников, клявшихся, что между Царским Селом и ставкой Гинденбурга существовал беспроволочный телеграф? Что следовало сделать с теми командующими вверенных им Царем армий, которые интересовались нарастанием антимонархических стремлений в тылу армий более, чем победами над немцами на фронте? Как надо было поступить с теми ветеринарными врачами, которые, собравшись для обсуждения мер борьбы с эпизоотиями, внезапно вынесли резолюцию, требовавшую образования радикального кабинета?»¹⁰.

Но, говоря о возобладавших в 1917 г. в России «измене, трусости и обмане», мы не имеем права забывать о тех, кто остался верен Государю, кто сохранил в своем сердце любовь к Царской Семье. Речь здесь идет не только о верных слугах, разделивших с Царственными Мучениками Екатеринбургскую голгофу, но и о простых русских людях: офицерах, солдатах, крестьянах, священниках, рабочих. Особенно трогательна была верность детей. После того, как стало известно об отречении Государя, кадеты 5-го класса Симбирского кадетского корпуса, окна которого выходили на улицу, открыли форточки и запели: «Боже, Царя храни!» Маленькая девочка Елена Граббе, сторовшая от чахотки на острове Лемнос, в 1918 г. написала собственную молитву за Царя: «Спаси, Господи, Государя нашего Императора Николая Александровича, уменьши страдания его, поддержи его и соблюди от врагов его. Дай ему, Господи, силу побороть врагов своих и, если будет на то воля Твоя, просвети его на мудрое царствование. Спаси, Господи, Цесаревича Алексея, укрепи его телом и духом, помоги ему пере-

нести испытания, которые Ты послал ему. Укрепи его в вере Православной, в милосердии и добродетели и, если суждено, Господи, престол отца, умудри его и споборствуй ему. Аминь»¹¹. Вдумаемся, это писала восьмилетняя девочка! Истинно сказал Спаситель: *славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам* (Мф. 11, 25). В этой девочке билось русское сердце. Так же как билось оно в груди старой азербайджанки мусульманки Бадам-ханум, жившей спустя много лет после убийства Царской Семьи в безбожном Советском Союзе. Ее внук диакон В. И. Ирзабеков вспоминает: «Одно из воспоминаний детства связано с бабушкой, мамой моего отца, рано заменившей мне мать. Бывшая рабфаковка, она была учительницей начальных классов, единственная в нашей большой семье получившая высшее образование на азербайджанском языке. Вспоминая “бывшую жизнь”, дочь купца первой гильдии, разоренного большевиками, и жена революционера, она вздыхала украдкой, повторяя чуть слышно: “Язых Николай! Язых Николай!” Какого такого Николая жалеет она, недоумевал я тогда, ведь “язых” значит несчастный. Да не было в нашей родне и среди близких никакого Николая, это я знал точно! Оказалось – был. Так моя покойная бабушка Бадам-ханум сокрушалась, жалея казненного русского Царя»¹². Ведь русскость определяется не по крови, а по духу.

В последнее время появилось немало спекуляций о том, что якобы «все духовенство» предало Царя, при этом приводят в основном действия членов Святейшего Синода¹³. Но, во-первых, и в Синоде не все было так однозначно, вспомним хотя бы, что монархист митрополит Петроградский и Ладожский Питирим (Окнов) был арестован временщиками одним из самых первых, уже 28 февраля 1917 г., а во-вторых, Синод – это далеко не вся Церковь. В Астрахани архиепископ Астраханский Митрофан (Краснопольский)¹⁴ отказался признавать Временное правительство и не разрешил торжественных молебнов в его честь. В Воронеже архиепископ Тихон (Никаноров)¹⁵ не дал разрешения на колокольный благовест в честь Временного правительства и отказался снимать у себя в епархии портреты Государя, за что был подвергнут обыску, отстранен от управления епархией и фактически под арестом отправлен в Петроград¹⁶.

5 марта 1917 г. в Москве протоиерей храма Воздвижения Животворящего Креста Господня в Ямской Слободе В. Г. Гуляев в своей проповеди заявил, что во время переворота была забыта присяга на верноподданство Государю Императору. За эту проповедь священник был арестован временщиками, но затем отпущен.

13 апреля 1917 г. «в одном из сел Новохоперского уезда к волостному комитету явилась группа крестьян с требованием ареста священни-

ка, который позволил себе сравнить арестованного Николая II со Христом: «Христос пострадал, и бывший Император тоже теперь в изгнании», – говорил священник»¹⁷.

Немалое число верных было и в Императорской армии. Около 50 генералов, занимавших в ней высокие посты, либо сами отказались служить Временному правительству, либо были уволены за монархические убеждения. Командир Кабардинского полка полковник В. Д. Старосельский, отказавшись от имени офицеров полка присягать Временному правительству, заявил: «Кабардинцы были всегда преданы данной ими присяге и им всегда было свято и дорого имя Его Императорского Величества Государя Императора Николая II, верными слугами которого они всегда были и будут. <...> Как солдаты мы должны оставаться на своем посту, верные долгу, но не изменим присяге, данной Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю Александровичу»¹⁸.

Начальство Симбирского кадетского корпуса отказалось выполнять распоряжение Временного правительства и не сняло со стен парадных залов портреты Августейших особ¹⁹.

Польский дивизион проявил верность Императору Николаю II и отказался в мартовские дни 1917 г. принести присягу Временному правительству. Чины дивизиона были готовы оказать вооруженное сопротивление примкнувшим к революции пехотным юнкерам, на тот случай, если они попробовали бы силой принудить его к признанию республиканского правительства²⁰.

В г. Владимире генерал-майор А. А. Гамбургцев и полковники Тарасов и Евсеев организовали вооруженное сопротивление установлению в городе власти Временного правительства.

Молодые солдаты Псковского гарнизона открыто заявляли, что «встали бы на защиту Государя, если бы нашелся хоть один генерал, который бы повел их в этот момент»²¹.

В целом верным Царю оставалось и крестьянство. После февральского переворота, в феврале-марте 1917 г., крестьяне Нижегородской губернии отказались признать власть Временного правительства. На их усмирение из Нижнего Новгорода были отправлены войска²². Крестьянин Н. Прокопов писал путиловским рабочим в августе 1917 г.: «Вспомните мое слово, что спасение России только в том, чтобы у нас был Царь. Вспомнится, что русский народ истоскуется по Царю и уже тоскует. Не то ли было триста лет тому назад при избрании Романовых?»²³

В 20-х гг. крестьянин-большевик Ф. Ф. Карташев из села Синие Липяги Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии вспоминал, что после «отречения» Императора Николая II и Великого Князя Михаила Алек-

сандровича «священник объяснял крестьянам: “Молитесь, мол, Богу о Царе. Бог поможет нам опять Царя восстановить на царство, без Царя не мыслимо нам жить”. Поэтому наши старухи о Царе выли, о нем горевали более темные люди. За Царя сильно настаивал поп нашего села А. Долгошевский»²⁴.

Нет, вовсе не вся Русь предала своего Царя! Вместе с ним на крестные муки пошли лучшие представители русского народа. Но и среди тех, кто не принял физических мук за Него, продолжала жить любовь к Нему и сострадание. Эта любовь с годами не только не уменьшалась, но с каждым годом росла, пока не достигла высшей формы – прославления Царской Семьи в лике святых. Эту любовь православного народа уже почти век не могут простить Николаю II «шариковы» от истории. Не могут простить того, что его образ является альтернативой их кровавым идолам, их безумным утопиям, поклонение и следование которым привело наш народ и страну к невиданным жертвам и катастрофе. Им смертельно опасна правда о последнем Государе, ибо тогда выяснится, что индустриализацию и реформы можно успешно проводить без миллионных жертв, без ГУЛАГов и Соловков, без коллективизаций и чрезвычайек. Выяснится, что сила и воля государственного деятеля, его величие заключаются не в количестве убитых им людей, а в народосбережении, что и происходило в царствование Государя Императора Николая Александровича, когда за 20 довоенных лет население Империи выросло на 55 млн. человек. Выяснится, что именно при Николае II были запрограммированы, начаты или осуществлены почти все «великие стройки» коммунизма, которыми так кичились большевики: БАМ, электрификация всей страны, освоение Дальнего Востока. Выяснится, что сырую нефть при Царе вывозить за границу было запрещено, а вырученные средства от продажи керосина и масел шли на развитие отечественной промышленности. Выяснится, что детские сады, участковые врачи, приюты, родильные дома, ночлежки для бездомных, борьба с безграмотностью, начальное образование – вовсе не были изобретением советской власти: они были заложены и успешно развивались в царское время. Выяснится, что при «слабом» Царе в 1915 – 1916 гг. враг был остановлен в Царстве Польском и Прибалтике, а в 1941 – 1945 гг. при «сильном» Сталине – у Москвы и на Волге. Выяснится, что за всю Вторую Отечественную войну (включая послецарский период) мы потеряли около 2 млн., а в Великую Отечественную 27 млн. человек, и большая часть из них приходится на долю мирного населения, которое «гениальный» полководец бросил на растерзание злейшему врагу.

Вопрос о роли, которую сыграло наследство Российской Империи в Великой Отечественной войне, тесно связан с общим подходом к рассмо-

Царь и Цесаревич среди матросов «Штандарта». Фото 1910-х гг.

трению событий 1941 – 1945 гг. и их места в истории Отечества. Многие исследователи отмечают, что одним из важных факторов, обеспечивших выживание и победу Советского государства, являлись огромные людские ресурсы, позволившие компенсировать как потери начального периода войны, так и многие недостатки советской военной машины. Этот демографический потенциал появился не сам по себе, а в результате целенаправленной деятельности правительства Российской Империи в царствование Императора Николая II²⁵. Не будет преувеличением сказать, что Великую Отечественную войну выиграли «дети» Николая II. На советские возрасты (до 26 лет) приходится 40 процентов потерь, а больше половины (60 процентов) – на поколения, рожденные и воспитанные в Российской Империи. Необходимо также учитывать, что значительная часть потерь молодежи приходится на 1941 г., когда была разгромлена кадровая Красная армия, основу личного состава которой составляли призывники 1920 – 1921 гг. рождения²⁶.

Государь Николай II является бессмертным примером христианского политика, человека и семьянина, бескорыстной жертвенной любви к России, ее народу, ее истории. Государь был изначально позитивно настроен к людям, относясь со снисхождением к их порокам и слабостям.

Он всю свою жизнь верил, по его собственному выражению, в «добрых людей», в победу Добра над злом. Эта вера не имела ничего общего с оторванностью от реальности или бездумным романтизмом. Николай II мог быть жестким и даже суровым, когда речь шла об интересах его страны и подданных, но он никогда не считал, что цель оправдывает средства, он не мог проливать моря крови ради достижения политических целей. Он любил и жалел свой народ. Он не мог вешать и расстреливать его сотнями тысяч, гноить в лагерях и тюрьмах, обрекать на голодную смерть миллионы во имя своих политических целей и даже для подавления смуты и революции. Только ограниченный секуляризованный ум может рождать сегодня сентенции типа «Николай II проиграл страну». Для такого ума в «проигравших» будет и Сам Спаситель, Который исполнил Святую Волю Всемогущего Отца²⁷.

Сколько сил, сколько стараний приложили керенские, милюковы, родзянки, гучковы, ленины, троцкие, свердловы, губельманы-ярославские, бухарины, покровские, минцы, касвиновы, радциги с тем, чтобы оклеветать имя Государево, предать его забвению, опорочить, очернить. Убили Царскую Семью, снесли Ипатьевский дом, 70 лет лгали, клеветали, порочили, провели и проводят кощунственные манипуляции с «Екатеринбургскими останками», выдавая их за «царские мощи», с тем чтобы второй раз убить в душах народа Царскую Семью, теперь уже прославленную. И что же? Имена убийц и клеветников забыты, а Царь и его Семья прославлены Церковью и получили венец от Господа, на месте Ипатьевского дома вырос величественный храм, куда стекаются люди со всего мира, чтобы поклониться Святым Царственным Мученикам. 17 июля 2010 г. митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев) после проведенной им ночной службы в Храме-на-Крови на месте убиения Царской Семьи выступит с пастырским словом: «Словно вторая Пасха, ночью совершается богослужение в красных – мученических и одновременно пасхальных ризах, в память о тех людях, которые погибли здесь при совершенно других обстоятельствах и в другой обстановке. <...> Государь Император Николай Александрович был расстрелян потому, что он был Царем. В течение 70 лет после кончины его продолжали оскорблять, его имя продолжали всячески злословить. <...> Невозможно говорить здесь о каком бы то ни было судебном деянии, а только о незаконии и преступлении. О величайшем преступлении, которое было совершено на этом месте, но которое Господь обратил к славе Церкви Христовой. Государя Императора Николая Александровича и всю его Семью не просто расстреляли: их останки зверским образом уничтожили для того, чтобы и память их была стерта с лица земли. И потом, на протяже-

Памятник Николаю II в Белграде

нии долгих десятилетий безбожной власти, память святых Царственных страстотерпцев всячески пытались изгладить из сердец людей. Но эта память никогда не угасала. <...> Они являют перед нами образ высочайшего смирения, потому что 25 лет после великой славы, в которой они жили, они оказались в великом бесславии, и с терпением, и со смирением, подобно Христу, Который восходил на Голгофу, они восходили на свою Голгофу для того, чтобы здесь претерпеть смерть как страстотерпцы и мученики»²⁸.

Флигель-адъютант полковник А. А. Мордвинов писал об Императоре Николае II: «Он был, быть может, не властным Царем, но был большим человеком, что важнее, человеком, что бы там ни говорили, с большой волей, с волей не напоказ и с большим сердцем; человеком, умевшим сдерживать себя,

не думать о себе, подчинять свои собственные побуждения чувству долга, не заискивать перед другими и не примиряться с тем, чему противилась его совесть. Ни перед кем наша Родина не должна себя чувствовать такой виноватой, как перед ним. У нее даже нет оправдания, что он “сам подставил себя под удары рока”. Не рок, а люди – русские люди, которых он так любил, в которых верил, которыми гордился, сделали его жизнь в конце столь несправедливо несчастной и столь захватывающе великой в этом несчастье, какую когда-либо видел свет»²⁹.

Но сегодня мы видим, как все больше люди начинают понимать непреходящее значение личности Императора Николая II в истории России. Огромный ежегодный Крестный ход на Царские дни, собирающий до 100 тысяч человек со всей России и зарубежья, ярко свидетельствует о том, что народ возвращается к своему Государю. Молитвенное обращение к святому Государю не раз прозвучало и во время героической обороны Славянска. Показательно, что его защитники прекрасно по-

нимали всю важность молитвенной помощи святого Царя-Мученика. 17 июля 2014 г., в день изуверского убийства Царской Семьи, в центре Донецка состоялся большой Крестный ход. В нем приняли участие не только ополченцы, но и обычные горожане. Ополченцы молились, стремясь вымолить победу над украинскими фашистами у святого Царя Николая – покровителя единства Русского мира, чистоты, целомудрия, который воплощал в себе идеал симфонии власти и Церкви. Память о Николае II в 2014 г. была увековечена братским сербским народом. В Республике Сербской, в Баня-Луке ему был установлен бюст, а в центре Белграда – величественный памятник, который открыл президент Республики Сербия Томислав Николич и освятил Патриарх Сербский Ириней (Гаврилович) совместно с Патриархом Московским и всея Руси Кириллом. По опросу «Левада-центра» в 2013 году о Николае II положительно высказалось 48 процентов опрошенных и отрицательно – 30. В ноябре 2014 года 52 процента опрошенных заявили, что Николай II принес России больше хорошего, чем плохого, и только 16 – высказались наоборот³⁰.

Почитание Николая II и признание его как выдающегося государственного деятеля звучит сегодня не только от православных. Глава традиционной буддистской сангхи Пандито Хамбо лама Дамба Аюшеев отмечал, что для русских буддистов Николай II и Цесаревич Алексей являются святыми³¹.

Вот почему силы, стремящиеся к уничтожению России, видят своего главного духовного врага в Православной Церкви, а главного исторического врага – в Императоре Николае II. Именно поэтому идет всяческая пропаганда и реабилитация сталинского мифа. Для невоцерковленного народа образ «эффективного менеджера» гораздо понятнее, чем образ Божьего Помазанника. Мифический Сталин противостоит Императору Николаю II, в духовном плане они несовместимы. При этом Николай II не имеет никакой положительной мифологизации, в отличие от Иоанна Грозного, Петра Великого или Сталина. Жизнь Государя, даже в житийном изложении, есть историческая правда. Отдельные ошибки и неудачи царствования Николая II, вольные и невольные его грехи навсегда стерты Богом не только в Вечности, но и в нашей земной жизни. Осталось только величие Подвига и величие Духа нашего святого Царя, ибо подлинное величие достигается лишь в жертвенном служении Христу Спасителю. Именно такое служение было у Государя, который предпочел мученичество измене Христу.

Сегодня правдивое жизнеописание Императора Николая II становится не только и не столько биографией государственного деятеля,

сколько знаменем всех тех, кто верит в победу Добра над злом, победу Истины над ложью, победы Христа над сатаной.

Как нельзя более актуально звучат сегодня слова Н. А. Павлова: «Из тьмы настоящего и эпохи падения общества и народа, образ Государя Николая II будет все более и более возвышаться, и просветляться, становясь примером чести, воли, труда и тихой благодати. Царь милосердный пробудит великое горе народное. Входя в историю с путеводным именем Государя, Ему последуют все те, кто наконец решится победить воцарившееся чудовищное зло»³².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Жучковский Александр. Маркер русскости // <http://www.segodnia.ru/content/164378>

² Там же.

³ Урсова Н. В. Материнский плач Святой Руси. М.: Русский Паломник, 2010.

⁴ Солоневич И. Л. Народная монархия. М.: Институт Русской цивилизации, 2010. С. 370.

⁵ Фабрицкий С. С. Из прошлого. Воспоминания флигель-адъютанта Государя Императора Николая II. Берлин, 1926. С. 160 – 161.

⁶ Цит. по: Керсновский А. А. История Русской армии. М.: Голос, 1994. В 4 т. Т. 4. С. 326.

⁷ Churchill (W.S.) *The Word Crisis*. 1916 – 1918. Vol. 1. New-York, 1929. P. 227 – 228.

⁸ Павлов Н. А. Его Величество Государь Николай II. Paris, 1927. С. 8.

⁹ Решетников Л. П. Духовно-нравственные причины национальной катастрофы // Материалы международной научной конференции Российского института стратегических исследований «Русский Исход как результат национальной катастрофы. (К 90-летию окончания Гражданской войны на европейской территории России)». М.: Издание РИСИ, 2011.

¹⁰ Александр Михайлович, Великий Князь. Книга воспоминаний. М.: Вече, 2008. С. 190 – 191.

¹¹ Решетников Л. П. Русский Лемнос. М., 2010. С. 11.

¹² Ирзабеков Василий (Фазиль). Тайна русского слова. Заметки нерусского человека. М.: Даниловский Благовестник, 2011. С. 46.

¹³ Бабкин М. А. Священство и Царство. Россия, начало XX века – 1918 год. Исследования и материалы. М.: Индрик, 2011.

¹⁴ Расстрелян чекистами 26 мая 1919 г. Священномученик. – Примеч. авт.

¹⁵ 27 декабря 1919 г. повешен чекистами на Царских вратах Благовещенского собора во время богослужения. Священномученик. – *Примеч. авт.*

¹⁶ *Корнеев А. Н.* Февральский переворот 1917 г. и т. н. «Союзные страны» / рустрана. рф/article.php?nid=7902. 11. 10. 2007.

¹⁷ *О подвиге веры* – в документах большевиков // Воронеж / Липецк Православный. 1998. №2 (10). Февраль. С. 4.

¹⁸ *Корнеев А. Н.* Верные Царской Семье и Царской России. (Русский народ и Царская Семья). М., 2010. С. 59.

¹⁹ *Корнеев А. Н.* Указ. соч. С. 61.

²⁰ *Косбан Бем де В., граф.* Польские уланы в рядах Российской императорской армии // Военная быль. 1967. № 84.

²¹ *Винберг Ф. В.* Крестный путь. Часть 1. Корни зла. Мюнхен, 1922. С. 98.

²² *Корнеев А. Н.* Указ. соч. С. 78.

²³ Там же.

²⁴ 1917 г. в деревне (воспоминания крестьян). М., 1967. С. 223 – 224.

²⁵ *Музафаров А. А.* Наследие Российской Империи в войне 1941–1945 гг. Демографический аспект // Роль духовно-патриотической идеи в победе в Великой Отечественной войне. 1941– 1945 гг. Сборник. Международная научная конференция. РИСИ. 16 апреля 2015.

²⁶ Там же.

²⁷ *Решетников Л. П., Мультипули П. В.* Россия! Встань и возвышайся! // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 2 (11).

²⁸ В день памяти святых Царственных Страстотерпцев митрополит Волоколамский Иларион совершил ночное богослужение в екатеринбургском Храме-на-крови // <http://www.patriarchia.ru/db/text/1224830.html>

²⁹ *Мордвинов А. А.* Отрывки из воспоминаний // Русская летопись. Кн. 6. Париж: Рус. очаг, 1924. С. 177.

³⁰ <http://www.levada.ru/20-01-2015/rol-lichnostei-v-istorii-rossii>

³¹ Пандито Хамбо лама Дамба Аюшеев. Интервью // «Николай II. Сорванный триумф». Художественно-публицистический фильм. БФ «Русский предприниматель» (Екатеринбург), 2008.

³² *Павлов Н. А.* Указ. соч.

ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА С АФОНА

ОТШЕЛЬНИЧЕСТВО, МОНАСТЫРЬ И МИР:

ИХ СУЩНОСТЬ И ВЗАИМНАЯ СВЯЗЬ

Двенадцать лет тому назад я гостил долго на Святой Горе. – Все, не только подвижническое, но и, просто сказать, христианское, для меня тогда было как будто ново; но это новое было в самом деле не чем-то новым, но непростительно и легкомысленно забытым; и вот, живя на Афоне, я постепенно опять научился всем сердцем понимать те самые мысли и слова, которые я слышал давно и знал с детства, но истинный смысл которых был мною пренебрежен и не понят. Мне хотелось по-своему писать об этих словах и мыслях, об этих названиях и чувствах. Хотелось писать на память, как вздумается. И вот я представил себе человека русского, образованного, думающего, который долго (подобно мне) жил без руководства веры... и, наконец, почувствовал потребность этого руководства. Обстоятельства жизни этого человека могли быть иные, чем мои, чувства – те же. Мне хотелось передать эти чувства, эту радость первого обращения и если не всю ту работу мысли, которая помирила во мне реалиста с христианином, то хоть часть ее...

Я желал, чтобы эти письма были легки и доступны, и живы. Я вообразил себе, что у моего вымышленного автора этих писем осталась в России молодая подруга – жена, невеста, дочь, младшая любимая сестра – это все равно... Что, покинув ее для Бога (навсегда ли, если он должен стать монахом, на время ли только, если он должен вернуться «в мир»), он хочет передать ей свои мысли; обратить и ее на свой путь для того ли, чтобы необходимая разлука и разрыв стали бы ей легче, или для того, чтобы духовная борьба и христианское сожителство впоследствии были бы им приятнее при полном единомыслии. Поэтому я и выбрал форму изложения самую свободную, почти беспорядочную, я предпочел писать, что писалось и как думалось... без системы и очереди.

Долго лежали у меня эти письма, – я находил их незрелыми и не стоящими внимания; я думал, что они ценны только для меня; но недавно мне случилось прочесть эти избранные четыре письма в довольно многолюдном обществе молодых людей... Я увидел гораздо больше сочувствия, чем, признаюсь, мог ожидать от «современных» юношей.

Впервые опубликовано: *Богословский вестник*. 1912. № 10, 12.

Эта случайность навела меня на мысль напечатать эти отрывки. Вреда от них, вероятно, никому не будет, а если будет хоть малая доля душевной пользы, – то вот больше ничего и не нужно!

К. Леонтьев
Москва. 1884 г.

Письмо 1-е

1 июня 1872 г. Святая Гора

Вот уже более полугода как я живу на Афоне или скитаюсь по его окрестностям; но самое даже краткое пребывание за чертой его для меня тяжело.

Я многому научился и многое забыл. Я понял вещи, которые прежде мне были странны и чужды, и дивлюсь теперь, как могли они быть мне чужды.

Я многое видел и многое прочел. На столе моем рядом лежат Прудон и пророк Давид, Байрон и Златоуст, Иоанн Дамаскин и Гете, Хомяков и Герцен. Здесь я покойнее, чем был в миру: здесь я и мир люблю, как далекую и безвредную картину... Я с удовольствием думаю иногда о жизни больших городов, о далекой родине нашей, о прежних друзьях, об умерших и близких нам людях...

Афон и от политических вопросов не отдаляет вполне человека, если он хочет сам за ними следить; конечно, гораздо менее, чем жизнь иных округов в России. Здесь ежедневно слышишь новости о Болгарском вопросе; о переменах министерств в Царьграде; есть оттенки и на самом Афоне; газеты приносят европейские известия; беспрестанно приезжают из России поклонники, и слышишь их суждения о наших внутренних делах... А между тем все тихо; жизнь течет правильно, без суеты и грома. Застоя нет; жизнь не засыпает, и труд виден везде. В лесах встречаются тебе пешеходы, монахи, рабочие болгары или греки; бородатые поклонники русские; кавассы¹ монастырские в фустанелле² воинственной и с ружьем; встречаются мулы, навьюченные камнями, досками или чем-нибудь иным. Дороги чинят: над ручьями и пропастями сделаны прочные мостики; беспрестанно попадают кресты на поворотах и границах, фонтаны для проходящих и на них надписи благочестия; иногда в глуши леса видишь около дороги небольшую икону, вставленную в кору платана или дуба. На далекие расстояния проведена с гор хорошая вода по простым деревянным желобкам... Путник идет, и вода – то бежит рядом с ним по земле, то журчит и каплет сверху, когда желобок

¹ Турецкие жандармы.

² Часть форменной одежды.

поднят на столбах и перекинут над дорогой... Везде из зелени кустарников и леса видны белые домики; это пустынные келии, целые хозяйственные жилища с домовыми церквями, хижины, пустыньки без церквей. Там и сям воздвигаются новые постройки; строятся новые храмы, новые скиты и новые келии. Слышишь много жизни, но не видишь грома и суеты. Все здесь растет как-то незримо и без того шума неосмысленного и холодного, который так нестерпим иногда и в небольших городах, если только они увлеклись промышленным потоком...

Я многому здесь научился и многое узнал; впрочем, многого я и не видел; иные, приезжая на Афон, ищут с особенной любовью древностей; но я еще ни в одну монастырскую библиотеку не входил; рукописей древних не смотрел и смотреть не буду. Я верю на слово, что это все поучительно и драгоценно.

Легкая или тяжелая постройка собора; изящество купола; выбор цветов для окраски стен церковных и крыш, конечно, занимают меня гораздо более. Любопытно сравнивать древневизантийские здания с новыми постройками или древнюю иконопись с нашей нынешней русской, или даже замечать разницу в убранстве монастырских приемных у греков и русских. Можно легко убедиться, наблюдая все это, как почти все, что касается до внутреннего убранства храмов: иконопись, иконостасы, облачения у русских лучше, чем у греков, как-то изящнее, живее, так сказать, и благолепнее. Пение наше церковное с греческим, ты сама знаешь, и сравнить нельзя! Зато у греков и болгар постройки лучше, больше вкуса, больше прочности, больше фантазии восточной и архитектурной поэзии; наши, к несчастью, слишком склонны, следуя полунемецкой казенщине нашей, к казарменным линиям, к белым штукатуренным прямым стенам, к зеленым крышам и куполам, тогда как зеленый цвет и для виду на естественной зелени самый невыгодный и неприятный, и уже слишком напоминает загородный дом разжившегося русского немца. Вообще на русских постройках заметны слишком следы наших казенных архитекторов, воздвигавших по всем уездам и губерниям станции желтые, казармы белые, церкви белые с зеленым...

В греческих и болгарских комнатах и приемных также больше восточного простора и величавой турецкой простоты: ковер, диван вокруг стены, камин хороший в средней стене или даже русская печка; в иных приемных колонки, разделяющие комнату надвое, на возвышенную половину, на ту, где почетный диван, и на небольшое преддверие. В русских гостиницах для приезжающих очень тепло и во многом удобно; но русские уж слишком падки до плохой европейской мебели, до маленьких, неудобных диванчиков с резными зигзагами, до множества стульев, которые го-

раздо более были бы на месте в пещерах аскетов, чем в комнатах, которые назначены для успокоения и приема гостей. Большая также страсть к маленьким картинкам и множеству мелких фотографий по стенам; к вязаным ажура скатертям и к женским печатным дешевым платкам, которые служат здесь вместо столовых покрывшек... Одним словом, в приемной греческой или болгарской как будто видишь перед собой почтенного турка в чалме и широкой одежде, курящего чубук; а в русских гостиницах скорее вспомнишь своего знакомого Карла Иваныча, которому Марья Ивановна готовит к именинам вязаный или вышитый по канве сюрприз.

Разумеется, изящество и хорошая, а не ложная простота в этом случае на стороне восточных жителей. Впрочем, относительно построек надо сказать в оправдание русских монахов две очень важные вещи. Конечно, я того мнения, что комната, жилище самого монаха, должна быть сурова, проста, пуста, даже тесна... Но весь монастырь, если он имеет средства, его храмы, все здания его должны быть красивы, изящны и величественны. У греков и болгар обители давние, построенные еще по хорошим образцам и под влиянием более свободного полета идеальной мысли, чем нынешний ее полет, подстреленный утилитаризмом. Но наши монахи принесли сюда из России в воспоминаниях какие образцы?.. Можно ли их винить за недостаток вкуса, когда едва-едва с половины прошлого царствования высший круг наш, люди власти и сами художники наши обратили более серьезное внимание на византийский стиль?.. После голландских скромных вкусов Петра Великого мы пережили Renaissance Казанского собора и гроссо¹, и только очень недавно стало заметно более самобытное движение архитектурной мысли.

Иные люди находят, что эти новые попытки все еще довольно слабы, что Исаакиевский собор представляет собой нечто вроде верха св. Петра римского на корпусе какого-то английского банка; что милая, теплая, пестрая часовня, построенная на Невском проспекте, не легка, вдавлена в землю, что новая Греческая церковь на Лиговке тоже имеет свои недостатки... Я не архитектор и не археолог; я в этом деле только один голос из толпы, но имею глаза и чувства. Я кой-что знаю и очень многого не знаю. Помню многие названия без смысла и знаю нередко мысль, но не умею ее назвать как следует. Но я, мне кажется, все понимаю, когда со мной говорят художники и археологи. Я хочу только сказать одно, что нынешнее направление архитектуры русской лучше, плодотворнее прежнего. Есть стремление к личному творчеству в пределах обычая или устава; а это, мне кажется, и есть существенное условие своего

¹ Рококо (*фр.*); здесь: архитектурный стиль, отличающийся прихотливой изысканностью.

стиля. Чтобы яснее представить это направление, лучше всего сравнить Зимний дворец с новым московским в Кремле; или вспомнить, как недавно у нас стали возможны такие дома, как дом Иерусалимского подворья в Петербурге, около дома Белосельской. Итак, если наше высшее общество, наше государство, наш Двор, наша художественная интеллигенция, наша Академия только что вышли на лучший путь... то какое же право имеем мы строго судить вкус наших афонцев, вожди которых пришли сюда в 30-х и 40-х годах и дали, что могли...

Другое оправдание для них вот какое. Старые здания у греков и болгар – старые; они оригинальны. А новые, например, в Зографе болгарском и в Ватопеде греческом, положим, прекрасны; они построены из хорошего тесаного камня, не спеша, со вкусом, с простором, с прочностью... Особенно зографские новые постройки великолепны, царственны!.. Но обе эти обители имели издавна большие имения в Бессарабии с определенными и верными доходами. Братия у них сравнительно не очень многочисленна. А русские монахи все почти теснятся в двух больших киновиях: в Руссике и в Серае или Андреевском скиту. Вообще на Святой Горе русских немного; на семь или восемь тысяч монахов наших, кажется, тысяча с небольшим; иные говорят, что и того не будет! Греки и болгары, хотя и в большем числе, но рассеяны по 19 монастырям, по нескольким зависимым скитам и по множеству пустынных келий, хижин, шалашей, пещер; русских же в Руссике около 400 (не считая постоянных поклонников, которых надобно поместить), а в Андреевском скиту больше 200. Именей больших нет ни у Руссика, ни у Андреевского скита. Устроились они очень недавно все на добровольные подаяния из России. Скит воздвигся необычайно быстро и вырос в целую обитель из одного патриаршего дома. В Руссике наши монахи, приглашенные греками, нашли почти одни развалины и бедность. Теперь это самый многолюдный и оживленный монастырь. И монастырь этот, и скит св. Андрея и теперь все еще строятся, и все еще в них тесно.

Понятно после этого, почему в постройках русских видна спешность, потребность дешевизны и первых удобств; узкие темные коридоры вместо широких и открытых зографских галерей; кирпич и штукатурка белые или сероватые, или желтые вместо прекрасного тесаного камня Зографа и Ватопеда; простые четырехугольные окна на казарменных стенах вместо окон изящных, окруженных и широких, иногда двойных с колонкой посередине, которыми любуешься в греко-болгарских обителях. У русских обыкновенно приземистые трубы на крышах, в них и видишь только скучные обыкновенные трубы, видишь пользу, теплоту печей... Тогда как, подъезжая к Ватопеду, дивишься на целый лес мелких,

круглых и высоких колонок с красными капителями наверху, покрывающих крыши солидных корпусов... Что это такое? Это тоже трубы, но трубы неспешные; это трубы художественные...

Да! Если рассматривать дело только с точки зрения результата и красоты, русские обители не очень хороши. Но если знать и помнить все трудности, с которыми русские монахи боролись, всю вынужденную обстоятельствами спешность созидания, быстрый рост их обителей; бесчисленные и сложные заботы, которые обременяли их духовных вождей на чужой стороне: неопределенность доходов, долги, требования некоторого рода дипломатии при всем этом, то критическая строгость умолкает и остается одно чувство – уважение к их практическому уму и нравственной силе.

Скажу еще вот что: и в Руссике, и в Андреевском скиту прежде всего позаботились о красоте и богатстве храмов, а потом об удобствах для посетителей и о помещении для братии. В обеих обителях иноки, видимо, считали долгом деньги благотворителей употребить прежде всего на украшение церквей своих.

Так понимают афонские монахи свой долг! Чтобы яснее видеть, что такое честное монашество, стоит только из церкви, где блистает золото, серебро, хрусталь, дорогие иконы, облачения дорогие, – пойти в тесную, душную комнату монаха или спуститься в трапезу, где братия ест «травку и травку», как писал г<н> Благовещенский в своей книге об Афоне.

Письмо 2-е

24 июня 1872 г.

Монашеские характеры, я, кажется, писал тебе, на Афоне очень разнообразны. Правила и образ жизни, уставы, степени отречения, подчинения и свободы также очень различны.

Как ни грустно мне, как ни занят я сам собою и тысячей вопросов, которые теперь для меня вопросы жизни и смерти, я не могу не видеть того, что меня окружает здесь.

Самые эти вопросы, которые я беспрестанно должен задавать себе, вынуждают меня иногда быть внимательным к тому, что происходит вокруг меня. Я хочу поучаться примером других и испытывать себя путем сравнения.

Я не стану говорить тебе, сколько здесь монастырей, скитов, монахов. Ты все это найдешь, если захочешь, подробно изложенным в других книгах и статьях... Отыщи их, если тебя это занимает. Можешь прочесть, например, небольшую статью «Панславизм на Афоне» в «Русском вестнике» за этот год. Там все это есть.

Святогорец говорит, что на Афоне монаху предстоит по крайней мере до восьми различных образов жизни. Я нахожу, что их гораздо больше, если считать уклонения и оттенки.

Но пусть будет восемь. Я перечту на память:

Киновии: общежительные монастыри, где все общее, где все равны. Большая строгость.

2. Идиоритмы: монастыри своеобразные, не строгие, где не все общее и где каждый имеет значительную долю свободы.

3. Отдельные келии (дома с домовыми церквями) вне монастырей. Жизнь вдвоем, втроем и т. д. без определенного устава.

4. Каливы – пустынные хижины без домовых церквей.

5. Жизнь в скитах русских, наподобие общежительных монастырей, в общих «корпусах» зданий.

6. Жизнь в скитах греческих: наподобие села, состоящего из отдельных домов или келий; устав строгий, но образ жизни, походящий с некоторых сторон на идиоритмы.

7. Отдельные монашеские квартиры на Карее, афонском городке.

8. Пещеры в лесах, по берегу моря, в беслесных скалах, просто под камнями, под открытым небом.

Поговорим о самой главной форме святогорской жизни – форме киновиальной.

В киновиях все более или менее равны, все подчинены одинаково и безусловно избранному обществом игумену и помощникам его, главным духовникам. Собственности не сохраняет при себе никто. Все отдается в общую кассу, но в случае неудовольствия и твердой решимости оставить монастырь хорошее монастырское начальство выдает обратно непокорному сыну внесенный им вклад.

Киновии могут служить прекрасным предметом изучения для самих коммунистов. Изучая киновии, можно допустить, что коммунизм, не как всеобщий закон, а как частное проявление общественной жизни, возможен, но лишь под условием величайшей дисциплины и даже, если хочешь, страха. Эта дисциплина, этот страх не материальной природы; это несокрушимая идеальная узда веры, любви и почтения. В страхе христианском если и есть эгоизм, то есть забота о загробном спасении души при разочаровании во всем земном и непрочно, то называть этого рода заботу эгоизмом (как выдумали многие и не из крайних просветителей нынешнего человечества) было бы уже слишком недобросовестной натяжкой! Положим, думать о загробном спасении – эгоизм; но благодаря этому воздушному, туманному, отдаленному и неосознательному эгоизму от скольких движений эгоизма грубого, земного, ежеднев-

ного освобождается хороший христианин! Какое высокое забвение личного своенравия! Какая покорность идее! Солдат, и не слишком плохой, быть может, и патриот, в иную минуту не бежит из полка от материального страха, от боязни, что его расстреляют, прогонят сквозь строй или сошлют на каторгу. Монах-киновиат в самую тяжкую минуту (а как часты эти тяжкие минуты в многолюдной и трудовой общине!) не бежит из обители от одной идеальной боязни греха, то есть от страха оскорбить и прогневать Божество, Которое его создало и дало ему разум и волю для внутренней борьбы против злого начала, присущего мирозданию.

Уничтожь в себе волю! Тебе не хочется сегодня молиться? Молитвы тебе кажутся сухими; они ничего не говорят твоему воображению и сердцу. «Молись! – говорит духовник. – Поверь мне, сын мой, что начнешь ты с досадой и тоской, а встретишь потом одно или два слова в этих заказных молитвах, от которых вдруг раскроется душа твоя в радости и ты будешь утешен и награжден тут же за твое усилие». И это правда. Я это сам испытал...

Уничтожь в себе волю! Ты хочешь спать? Звонят к заутрене в полночь. Ты хочешь есть? Потерпи. Ты хочешь разговаривать вечером с другом, особенно если ты молод? Старый батюшка, старший духовник, обходит коридоры и стучит в вашу дверь, предлагая разойтись и не договариваться по неопытности до предметов, которые могут после смутить вас и быть вам вредны. Хочешь ты прочесть новую книгу? Без благословенья нельзя. Сижу я теперь, перед вечерней, в моей келии; минута свободная нашлась. Я видел у приезжего мирянина, кажется, хорошую книгу на столе; духовную, вероятно, книгу, писанную светским человеком: «Сущность христианства». Отчего бы не прочесть ее? Но духовник, измученный недугами и бдением ночным, лег отдохнуть. Старец мой (особый наставник иноческой жизни, которому я поручен) занят теперь делом. Я не смею прочесть эту книгу. Потом, улучив минуту, прошу благословить. «Нет благословения читать тебе эту книгу».

Я огорчен и сообщаю мимоходом свое горе другому монаху, ученому; он был в академии, и книгу эту недавно я видел в его руках.

– Ты не понесешь этой книги, – отвечает он мне, – ты еще легкомыслен.

Вот и оскорбление! Горе? Нет! Оскорблению надо радоваться; и еще больше, когда оно незаслуженно. Чем же я легкомыслен? Не тем ли, что, покинул мать, отца, дом в дальней родине и деньги, быть может, и молодую невесту, театры и гулянья городские?! Да! Быть может, этот монах, который меня, бедного, назвал легкомысленным, и не прав. Но я не знаю этого наверное, и потому лучше думать, что он прав; не гневаться мне на

него надо, а благодарить и благословлять его. Я иду к нему и падаю ему в ноги: «Простите, отец, я осуждал вас сегодня за ваши слова о моем легкомыслии». Он отвечает мне тоже земным поклоном. Мы примирены. Я рад, я счастлив! Но надолго ли я спокоен совестью? По природе моей я или вовсе незлобив и не вспыльчив, или обладаю твердой волей, которая иногда довольно легко овладевает моими увлечениями. Такие случаи, в которых я обнаруживаю мое смирение, мою доброту и покорность, повторяются часто. Я как будто счастлив и спокоен; здоровье мое крепко и позволяет мне выносить без худых последствий долгое пение в церкви, бдения ночные во храме в обыкновенные дни по четыре часа, а под иные праздники по тринадцати часов, до самого рассвета. Силы мои, слава Богу, так свежи, привычка к телесным, монашеским подвигам у меня уже так сильна, что я, простоявши всю ночь на ногах в стасидии¹, могу еще наслаждаться тем, что утренняя заря за морем занимается именно в ту минуту, когда во храме нашем возглашают: «Слава Тебе, показавшему нам свет!»

Да, я счастлив; братия хвалит мое усердие и мое незлобие; сам старый батюшка иногда улыбается милостиво, благословляя меня, когда я ему кланяюсь, и говорит: «Ну, что ж ты, ветрогон, благодушествуешь теперь, я вижу, мирствуешь, благодаря Господа?»

И вот... неслышно, незаметно начинает поедать душу мою тайный червь – гордости, но какой гордости? Не мирской вашей гордости, которая кичится властью, деньгами, победами над другими людьми в спорах, в делах, в торговле, по службе государственной или в общественных успехах... Здесь идет речь не о той гордости, которая у мужчины говорит ему: «Ты молодец!» А у вас, женщин: «Ты красива, ты мила, умна, обворожительна и т. п.» или более по моде: «Ты современна, ты развита, ты независима, не подчиняешься обществу, в котором живешь». Нет, здесь поедает душу гордость иного направления, гордость христианская, подвижническая; воображение, что я уже безукоризнен, что я почти святой!

«Вот, – говорит мне внутренний соблазнительный голос, – ты лучше других. Тот из простых мужиков, а не может стоять так долго, как ты стоишь в церкви; тот ленивее тебя; тот помнит зло; тот все хитрит... А ты? Ты незлобив, ты всем покоряешься, ты все выносишь; у тебя нет гордости, нет своеволия; ты не лукав, ты прост, как св. Павел, сподвижник Антония Великого, которого прозвали Препростой. Ты выносив на телесный труд, как Даниил Столпник, которого буря качала на столбе, а он молился, которого дождь обливал и мороз доводил до полусмерти, а он лишь благословлял Бога за все это. Ты ласков и добр с людьми, как св.

¹ В греческих церквах вокруг стен устроены особые места, чтобы облакачиваться.

Моисей Мурин (ефиоплянин); он был разбойником прежде, покаялся и подвизался в одной обители с суровым Арсением Великим и сверх святости его строгой жизни в монастыре его все любили за ласковый и приветливый нрав. Да, св. Моисей был из разбойников; он до покаяния своего был многогрешен. А я покинул юношей кров родительский и пришел сюда таким же девственником, как св. Иоасаф, юный сын царя индийского, который устоял против всей роскоши и против целого гарема молодых красавиц, окружавших его по желанию отца. – Вот сколько у меня добродетелей!»

Чего же было бы лучше этого внутреннего самодовольства, мой друг? Не именно ли того ищут в миру у нас самые лучшие, умные, благородные люди?

Не имеем ли мы право уважать человека, который предпочитает внешним успехам, богатству, блеску, наслаждениям веселого разврата свою внутреннюю гордость, свое сознательное, честное – самодовольство? Ведь это почти идеал, ты скажешь мне, по нынешним понятиям. Да, я с тобой согласен, что в миру иногда нельзя и требовать большего от хорошего христианина. Когда бы было побольше и таких! Жизнь светского человека слишком шумна и заботлива; особенно нынешняя жизнь, в которой столько и развлечений, и нестерпимого спешного труда, в которой так слабы впечатления церковные, так отстранены на второй план множеством других сложных и обременительных впечатлений; воспитание истинно христианское, осмысленное так редко! Знание истинного духа христианства ныне так мало распространено! Возможно ли при этих условиях требовать, чтобы люди, обремененные семейными, государственными, учеными и хозяйственными заботами, успевали вникать ежечасно в смысл своих внутренних чувств? Да многие ли нынче из образованных людей ясно понимают этот дух христианской Церкви?

Люди, вовсе не признающие Ренана авторитетом, люди, не дерзающие и сомневающиеся в божественности Иисуса Христа; люди, которые, с другой стороны, готовы стереть с лица земли всякого, кто бы коснулся иноземной, вражеской или революционной рукой народной, русской святыни православных храмов, мощей, икон (я говорю народной святыни – понимаешь?), – и эти люди, вследствие легкомыслия, незнания или каких-нибудь обстоятельств, воображают, что они поняли Христа, если знают твердо, что Он простил блудницу, что Он оправдал грешного мытаря, что Он велел быть добрым к ближнему, благословил иноверного самарянина за его доброту и осудил еврейских священника и левита за то, что они не помогли израненному путнику.

И только! Доброта, прощение, милосердие... Они взяли лишь одну сторону Евангельского учения и зовут ее существенной стороной! Но аскетизм и суровость они забыли? Но на гневных и строгих Божественных словах они не останавливались? О том, что Иоанн Предтеча, у которого Спаситель крестился, был монах в высшей степени, они не знают? О сорокадневном посте Самого Христа в пустыне они не думают? О догмате греха первородного, о духе тьмы, о догмате Троицы христианской они молчат; а это все есть в Евангелии и в Апостольских письмах.

Нельзя, принимая святость Евангелия и божественность Христа, отвергать одно место в книге и выбирать по вкусу другие. Все мягкое, сладкое, приятное, облегчающее жизнь, принимать, а все грозное, суровое и мучительное отвергать как несущественное. Что-нибудь одно: или Ренан и Штраус – правы, или все существенно!

Религия всепрощения – да! Но вместе с тем и религия самобичевания, покаяния, религия не только неумолимой строгости к себе, но и разумной строгости к другим.

«Иди и не греши...», – сказал Христос, прощая блуднице. Он не сказал: «Иди, ты права!»

Первоначальная Православная Церковь, эта византийская, высокая культура, столь оклеветанная враждебными ей церквами и так плохо понятая теми прогрессистами, которые с половины прошедшего века поверили в осуществление реального Эдема на этой земле, – вся эта особого рода культура, весь этот особый род просвещения был лишь развитием, объяснением основного Евангельского учения, а никак не искажением его, как думают те, которым бы хотелось из христианства извлечь один лишь осязательный практический утилитаризм. Впрочем, не одни утилитаристы так думают; так думают нередко и люди религиозные.

Ты помнишь, мой друг, мою воспитательницу? Ты сама любила и уважала ее. И, конечно, она в высшей степени заслуживала этих чувств. Вся жизнь – в борьбе с нуждою, вскормленная у отца в богатстве, самолюбивая, умная, высокообразованная, привычная ко вкусам и понятиям самого высшего общества времен Александра I, – она должна была всю жизнь свою пересоздать, перестроить не так, как хотело ее воображение; окружающие не умели вполне ценить и понимать ее; большинство детей ее было гораздо глупее и ниже ее; они больше боялись, чем любили ее, и не постигали ее изящных и вместе с тем строгих требований. Она стала взыскательна, раздражительна, иногда несправедлива в гневе; ты это все знаешь, но ты знаешь также, какая глубина благородства, любви и какой-то мрачной доброты проявлялась в ней до последнего издыхания...

Мир ее высокой душе! Мир подай, Господи, ее страдальческому праху! Однако... и эта просвещенная, эта необычайно умная женщина платила дань тому полумлиберальному, полухристианскому веку, в котором выросла и жила.

Она, например, не любила постов и не держала их, кроме дней говения, не любила монахов и духовенства вообще. Говеть – она говела, как ты знаешь, и плакала даже почти всегда на исповеди у простого сельского духовника своего. Она утром и вечером понемногу молилась и, закрывая Ж. Санд или Дюма, бралась нередко за Евангелие с большой любовью. Но я замечал, что житий она не читала, хотя, конечно, с детства кое-что помнила из них. К мощам на поклонение, впрочем, она заезжала не раз в течение своей жизни, но и тут, я помню, она полушутя говорила мне: «Я гораздо больше люблю своего милого Димитрия Ростовского, чем св. Сергия Чудотворца. *C'est plus comme il faut* а Ростов¹. Тихо так; зайдешь и помолишься. А уж Сергий такой демократ! Мужиков и нищих бездна! *Je ne puis pas souffrir tout cela*², хотя я и знаю, что это грешно!...»

Милая и строгая тень моей благородной благодетельницы! Я верю в загробную жизнь; но какова она – кто знает?

На крест, на могилу;

На небо и землю

Творец Всемогуший

Печать наложил...

Видишь ли ты, как я пишу эти строки? И если видишь, то как? Так, как мы: с участием? С улыбкой? С прощением? С человеческим чувством? Или иначе – я не знаю!..

Но я прошу тебя, тень святая моей памяти, прости мне, если я скажу, что и ты платила дань веку, не понимая иногда Православия и отделяя его от какого-то особенного, простого и чистого христианства! И от тебя я слышал не раз, что учение Евангельское просто и доступно, но что духовенство исказило его, прибавив слишком много сложного...

Боже! Но мог ли краткий и простой рассказ Евангелистов, не развиваясь далее, объединить в едином учении такое множество разных народов: греков, евреев, галлов, славян, египтян, римлян и сирийцев?..

Сложность необходима для единства, по мере расширения поприща, во всем. И Христу угодно было предоставить первоначальное учение Свое обыкновенным законам развития всего земного.

¹ «В Ростове публика попрличнее» (фр.).

² «Я этого не переносу» (фр.).

Именно слишком свободное понимание первоначального учения и породило столько вредных ересей, борясь против которых, Церковь развивала постепенно и естественно трудную философию, единый, но изящный и сложный обряд; нравственность – одну по цели и духу, но разнообразную и сложную по частным, живым оттенкам... Да! Миряне, и верующие даже, нынче плохо знают свою веру. И потому, отчасти извиняя им, Церковь говорит: «Иное – мирянин, обремененный в наше время такой бездной настоятельных забот и потребностей; иное дело – монах, которому вся обстановка его должна помогать для достижения высшего христианского идеала, который выразился в словах: *Царство Мое не от мира сего* (Ин. 18, 36)».

И мирянин, который воображает, что он всегда прав и никогда не имеет мужества или простодушия сознаться громко в своих ошибках и проступках, возмущает нас и внушает нам отвращение помимо всякого религиозного чувства. Не раз, я думаю, и тебе случалось предпочитать человеку, который во всем себя оправдывает, такого, который говорит грубо и твердо: «Да! Я знаю, что не прав, но я так хочу и сделаю по-моему!»

Тебе, конечно, нравилась эта прямота и самобытность во зле. Но суждение это не нравственное, а эстетическое. И демон привлекателен, иначе он не был бы искусителем...

Господень Ангел тих и ясен:

Его живит смиренья луч,

Но гордый демон так прекрасен,

Так лучезарен и могуч!¹

Помню я, что Белинскому не нравился этот стих: «Его живит смиренья луч». Он, кажется, находил смысл его неясным.

Для меня (теперь) он очень ясен. Искреннее смирение, вечная тревога неопытной совести о том, чтобы не впасть во внутреннюю гордость, чтобы, стремясь к безгрешности, не осмелиться почесть себя святым; чтобы, с другой стороны, преувеличенными фразами о смирении своем и о своем ничтожестве не возбудить греховного чувства отвращения в другом, который мою неосторожную выразительность готов как раз принять за лицемерие. Эта сердечная борьба, особенно в монахе молодом, – исполнена необычайной жизни, драмы внутренней и поэзии. Идеал искреннего, честного монаха – это приблизительная бесплотность на земле; гордость, самолюбие, любовь к женщине, к семье, к спокойствию тела и даже к веселому спокойствию духа постоянному,

¹ Майков А. Ангел и демон.

– должны быть отвергнуты. Бесстрашие – вот идеал. Истинное, глубокое, выработанное бесстрашие придает после начальной борьбы самому лицу хорошего инока особого рода выразительность и силу... «Его живит смиренья луч...»

Да! Путь и просто христианский, а тем более монашеский, труден!

Раскрой книгу Иоанна Лествичника о монашеской жизни. Что ты увидишь? Каждая добродетель грозит тебе грехом. Уединение в особом жилище пустынном, в лесу или в горах грозит тебе то внутренней гордостью: «Я свят», то унынием и отчаянием: «О, я погиб, я ни на что не годен; не хочу ни молитвы, ни рукоделья, ни размышлений о Божестве!» Жизнь в многолюдной обители угрожает тебе: тщеславием (посмотрите, братья, и вы, мои добрые миряне-посетители, какой я набожный, смиренный, какой я примерный инок!); завистью, при виде какого-нибудь малейшего предпочтения или внимания другому; гневом – при каких-либо столкновениях, неизбежных в тесно живущем обществе.

У свободного пустынножителя доброта душевная, желание раздавать милостыню нищим монахам или мирянам может тоже переродиться или в сребролюбие для себя, или в тщеславие и гордость вследствие лести и благодарений, которыми бедные начнут его осыпать. Под предлогом приобретения для раздачи другим я могу начать приобретать побольше и для себя и буду радоваться, как осужденный Христом фарисей, что десятую часть раздаю нищим.

Во всем и везде нравственная опасность. «Рассудительность, – говорят опытные иноки, – располагает к жестокости; снисходительность – к греховному потворству себе и другим; недостаточные телесные подвиги, слабый пост, малая молитва, неутомительный телесный труд дают в организмах сильных слишком много простора плотским страстям и сладострастной фантазии... И наоборот – чрезмерное утомление тела, не по силам природным, наводит духовную усталость, уныние, отвращение от начатого пути, располагает к фантазиям характера более мистического, положим, но все-таки лживым и вредным для здорового и постепенного совершенствования в монашеской жизни».

Такова постоянная внутренняя борьба, преследующая добросовестного инока иногда и до гроба.

Если ты, читая мои первые письма, подумала, что монастырь есть всегда «тихая пристань» для нашего внутреннего мира, ты ошиблась.

В монастыре или в пустыне ищут правды, спокойствия, но какого?

Спокойствия христианской совести, сознавшей свои прежние проступки или испуганной еще при самом вступлении в жизнь водоворотом страстей, обманов, огорчений, водоворотом, который кипит и кло-

кочет вокруг каждого человека со дня его вступления в эту горькую жизнь земную!

В обители многолюдной, но стройной, дисциплинированной разумно и добросовестно, в скиту лесном с тремя-четырьмя товарищами, в хижине – старец вдвоем с покорным послушником или молодой послушник вдвоем с любимым старцем-повелителем, – везде монахи ищут забвения мира и его борьбы, его горя и его наслаждений; но лишь для того, чтобы, отдохнувши ненадолго, начать новую, иного рода внутреннюю борьбу; для того, чтобы узнать новые горести, крайне жгучие, и новые радости, новые наслаждения, которых тебе и не понять, пока сама их не испытаешь!

Знаешь ли ты, например, что за наслаждение отдать все свои познания, свою образованность, свое самолюбие, свою гордую раздражительность в распоряжение какому-нибудь простому, но опытному и честному старцу? Знаешь ли, сколько христианской воли нужно, чтобы убить в себе другую волю, светскую волю?..

Я улыбаюсь отсюда, воображая твой гнев и твое удивление при чтении этих моих строк...

Не правда ли, ты восклицаешь: «Хорошо! Но какая же польза во всем этом?»

На этот вопрос я тебе отвечу тоже вопросом: «А ты знаешь, что такое всеобщая польза?»

Если ты в силах ответить мне на это серьезно, глубоко и научно, если ты можешь сказать мне о пользе что-нибудь убедительное, математически точное, а не социально-чувствительное, что-нибудь такое ясное, перед чем я бы задумался, то я согласен не хвалить более ни того, что вы зовете мистицизм, ни монахов, ни Афонскую Гору.

А так как я знаю, что ни ты, ни вся стая ваших прогрессивных пустозвонов, все сотрудники «Вестника Европы», «Голоса» и «Дела» не в силах объяснить мне научно и точно, что такое по-ихнему всеобщая польза, то я предлагаю тебе избрать лучше путь смирения, молчать и слушать меня внимательно.

Прежде всего, кончая это письмо, я спрошу тебя, понимаешь ли ты, что значит слово эвдемонизм? Конечно, нет!

У греков для выражения идеи счастья есть два слова. Одно – эвтихия; это значит внешнее счастье, удача, хорошая судьба; а другое – эвдемония – внутреннее счастье, субъективное довольство, благоденствие... Ты согласишься, что это огромная разница?

Потрудись же запомнить, мой друг, слово эвдемонизм; я буду часто употреблять его, ибо так лучше всего назвать ту новую религию, которую

проповедуют нам либералы и прогрессисты всех стран еще с XVIII века. По-моему, все остальные названия неверны; они все менее широки и не касаются самой сущности, самого основного догмата этой новой веры во всеобщее земное благоденствие, которое ныне должно составлять конечную цель человечества.

Реализм обозначает в науке лишь методу; в искусстве – любовь к осязательным мелочам будней наших; отсутствие лиризма в приемах и духе. Реализм сам по себе не отвергает и не принимает никакой религии, никакой социальной тенденции, никакой философии. Он игнорирует их; с чистым реализмом ум наш свободен за пределами явления.

Если мы скажем прогрессизм... это будет неверно. Прогресс значит движение вперед. Но я имею право спросить, что такое движение вперед? Вперед можно идти к старости, к смерти, к разорению; вперед можно идти не к лучшему, а к худшему. Человек может верить в нынешний прогресс, не сочувствуя ему; француз умный может верить, например, прогрессу своей Франции... Но куда?... К разложению... Так верил бедный Прево-Парадоль, который застрелился¹. Он, конечно, не сочувствовал этому прогрессу Франции.

Демократизм – слово одностороннее и выражает только юридическую или политическую сторону вопроса. Равенство прав считается лишь одним из главных условий для торжества новой эвдемонической религии.

То же самое и либеральность.

Коммунизм – экономическое понятие.

Коммунистами можно назвать и монахов общежительных монастырей; но они коммунисты для отречения, для аскетизма, а не для земной чувственной эвдемонии, которой аскетизм христианский есть сильнейшая антитеза.

Материализм есть термин столько же односторонний, сколько и демократизм, например, последний имеет смысл только юридический, а первый – только философский. Можно быть материалистом и не верить в земное благоденствие, и даже не любить его. Любопытно, что из поэтов многие были материалистами; но всеобщей сухой эвдемонии все они, видимо, терпеть не могли. Нигилизм еще хуже; во-первых, Кельсиев² еще пре-

¹ Люсьен Анатоль Прево-Парадоль (1829 – 1870) – французский журналист, профессор истории литературы. Был назначен посланником в США, но едва высадился на берег, получил известие о войне с Германией, что шло вразрез с его надеждами на мирное развитие страны. Порвавший со своими прежними друзьями – либералами и противниками Империи – и разочаровавшийся в новых, из числа министерства Оливье, он не нашел в себе сил, чтобы пережить катастрофу и покончил жизнь самоубийством.

² Кельсиев Василий Иванович (1835 – 1872) – российский революционер, переводчик, писатель.

жде меня хорошо возражал, что это слово значит отрицание всего, а люди, которых прозвали нигилистами, имели хотя бы и ложный или вредный идеал, но очень ясный, положительный: республика, атеизм, экономическое равенство... А во-вторых, слово «нигилизм» соединилось в наших русских привычках и представлениях, с легкой руки Тургенева, с чем-то отчаянным, свирепым, всеразрушающим, «сибирским», революционным...

Но нигилистов таких бурных мало везде, а эвдемонистов – множество, и очень честных, скромных, везде таящихся, пишущих, служащих, торгующих, даже... даже... у нас, в России, я боюсь, в среде молодых людей, одетых в рясу иереев...

Эвдемонизм – это вера в то, что человечество должно достичь тихого, всеобщего блаженства на этой земле.

Разве только революционеры и государственные преступники верят этому идеалу? Не служат ли ему тысячи людей везде полусознательно... подкапывая наивно то один, то другой оплот, то из честолюбия личного и моды, то из вялого и незоркого добросердечия.

Прогрессист, пожалуй, в известном смысле может вовсе не быть эвдемонистом.

Например, православный человек может думать так: «За днем следует ночь, за ночью опять утро. Теперь вечер... Итак, если поток уже неотвратим, то пошли Бог, чтобы скорее уже настала ночь, чтобы я видел зарю возрождения той Веры, которую я считаю истинной. Ибо, даже говоря исторически, лучше ее не было и не будет на земле... Вперед! Вперед! Слава Богу!..»

Умеренные эвдемонисты ужаснулись горящего Парижа. Либерал-эвдемонист Жюль Фавр¹ послал циркуляр, повсюду привлечший внимание монархических правительств на замыслы международной ассоциации, желающей тоже общего блага, но не по-фавровски.

Ренан² простирает с отчаянием руки к католическому прошедшему Франции... Тем лучше. «Вперед, вперед!..»

Запомни же, прошу тебя, это имя новой веры, обещающей всебуржуазный, всетихий и всемелкий Эдем на нашей, до сих пор еще, слава Богу, как будто бы капризной и причудливой земле.

Цель – всеобщая польза, понятая как всеобщее, внутреннее, субъективное довольство; средства – у дерзких – кровь, огонь и меч, словом,

¹ Жюль Фавр (1809 – 1880) – французский политический деятель. 6 июня 1871 г. Фавр разослал всем европейским державам циркуляр, в котором призывал бороться с Международным Товариществом Рабочих вплоть до его уничтожения.

² Эрнст Ренан (1823 – 1892) – французский философ и писатель, историк религии, семиолог, член Французской академии.

новые страдания; у осторожных, лицемерных или робких – проповедь однообразного реализма, всеобщего ограниченного знания, всеобщей бездарности и прозы!

Если бы я хотел все это забыть здесь на Афоне, то не мог бы.

Субъективный эвдемонизм есть в высшей степени антитеза христианского аскетизма, как я уже сказал.

И тот, и другой имеют в виду прежде всего личность, душу человеческую (индивидуума); но один говорит: всё на земле и всё для земли; а другой – ничего на земле; ничего для земли. *Царство Мое не от мира сего* (Ин. 18, 36).

И в то же время какая странная игра идей! Какое переkreщивание исторических законов! – аскетизм христианский подразумевает борьбу, страдания, неравенство, то есть остается верен феноменальной философии строгого реализма; а эвдемоническая вера мечтает уничтожить боль, этот существенный атрибут всякой исторической и даже животной феноменальности... Христианство сообразнее на практике с земной жизнью, чем все эти холодные надежды бесполезного прогресса!

Письмо 3-е

16 июля 1872 г.

Я очень люблю отыскивать у наших светских поэтов православные христианские мотивы. Ты уже заметила это, я думаю, из моих прежних писем.

У Кольцова, у Пушкина их много, но у Лермонтова больше всех. «По небу полуночи Ангел летел...» прекрасно, но христиански не совсем правильно. В нем есть нечто еретическое; это идея о душе, приносимой извне на эту землю «печали и слез». Это теория Платона, а не христианское понятие о появлении души земного человека впервые именно на этой земле.

Зато «Молитва», «Ребенку», «Ветка Палестины», некоторые места из «Купца Калашникова», из самого «Демона» могут выдержать самую строгую православную критику и благоухающей поэзией своей сделают иному сердцу больше пользы (видишь, как это понимание пользы шатко: статистик твой скверный сказал бы – вреда), больше пользы, я говорю, чем многие скучные проповеди.

Есть у Лермонтова одно стихотворение, которое ты сама, я знаю, любишь... В нем надо изменить одну лишь строку (и, мне кажется, он сам изменил бы ее со временем, если бы был жив), и тогда оно прекрасно выразит состояние моей души теперь. Без этого изменения, сознаюсь тебе, оно теперь было бы мне противно, ибо напомнило бы мне все то, о чем я так рад забыть:

Выхожу один я на дорогу –
Сквозь туман кремнистый путь блестит.
Ночь тиха; пустыня внемлет Богу
И звезда с звездою говорит...

Да! Для меня теперь жизнь на Афоне почти такова.

В последнем письме моем я говорил о том, что и в обителях, и в пустыне человек не может достичь полного спокойствия. Борьба и горе, ошибки и раскаяние не чужды ему везде. Я говорил о той внутренней, духовной борьбе, которая есть удел каждого честного, убежденного инока.

Но ты не думай все-таки, что монастырь есть какой-то ад. Это опять будет крайность. Не Эдем нерушимого земного спокойствия, и не ад. Монастырь есть жилище человеческое, с особыми горестями и особыми наслаждениями. Человек, чтобы иметь эти особые радости, решается на особые, сопряженные с ними горести, стеснения, падения и подвиги. Вот и все.

Мне, как непостриженному, как гостю, достался пока еще один только благой удел... Созерцание, беззаботность обо всем внешнем, о материальных нуждах, например, по временам почти полное приблизительное спокойствие...

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть,
Я ищу свободы и покоя,
Я б хотел забыться и заснуть.
Но не тем холодным сном могилы
Я б желал навеки так заснуть.
Чтоб в груди дрожали жизни силы.
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь,
Чтоб всю ночь, весь день, мой слух лелея,
Мне про Бога сладкий голос пел;
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.

Не думай, однако, что и вид других, вид настоящих монахов внушает скуку, тоску или какое-нибудь постоянное сожаление.

Есть минуты, в которые действительно на них тяжело смотреть. Например, Великим постом и особенно в Страстную неделю. Тогда в самом деле непривычному человеку немного страшно смотреть на эту нескончаемую службу в храмах, на эти бессонные ночи и на полное воздержание от пищи и питья в иные дни. Только певчим, для поддержания их сил, дают в такие дни по куску хлеба.

Но когда вспомнишь, что этих людей никто здесь насильно не может удержать, что у многих есть даже и хорошие средства к жизни, которые они могли бы себе возвратить из кассы без всяких юридических препятствий (о нравственных я не говорю)... тогда и эти дни слишком тяжелого, хоть добровольного подвига, производят совсем иное впечатление. Люди хотят этого сами; они рады этим тягостям, они не хотят отказаться от них...

Воля твоя! Но презренны и смешны становятся рядом с такой идеальной жизнью, с такими идеальными радостями ваши «каскадные» увеселения, ваша нынешняя, средней руки, мелкая, дряблая роскошь из картона, бронзы и папье-маше!..

Зато как все здесь веселы на Пасхе! Впрочем, о Пасхе я уже прежде писал тебе.

В обыкновенное время многолюдная, хорошо управляемая киновия производит на посетителя успокаивающее и скорее даже веселое впечатление. В киновии унынию мало места. Взаимные примеры, обоюдное возбуждение; довольные, спокойные лица; каждый знает свое дело, у всякого свое разумно выбранное назначение. Самый вещественный из трудов облагорожен своим духовным смыслом. Дрова ли ты рубишь, или землю роешь в саду и винограднике, комнату ли ты метешь, хлебы ставишь в печь, управляешь ли ты небольшим имением монастырским, даже за чертой Афона, и там входишь в сделки с мирянами, продаешь и покупаешь, нанимаешь работников и рассчитываешь их; быть может, иногда даже споришь и ссоришься с ними; при всех этих трудах, вовсе не духовного свойства, тебе ежеминутно присуща мысль, что ты трудишься не для себя и не для труда самого (как советуют многие нынешние материалисты; что за скука!), но для обители, которая тебя приняла в свою среду. И если ты при этом хоть сколько-нибудь самосознателен, опытен, начитан в Писании, то тебе на ум легко при всякой работе может прийти такой ряд мыслей: «Мой простой, рабочий или торговый труд нужен обители, обитель нужна Церкви, ибо монастыри суть лучшие склады преданий и обычаев церковных, они – средоточия, из которых обыкновенно исходят по совершении общежительного испытания и самые высшие аскеты в лесные хижины и пещеры; монастыри суть неподвижные звезды Церкви, от которых далеко льется свет на весь православный мир». Свет этот может быть бледнее, тусклее по временам; монашество может слабеть и падать нравственно; оно может даже вырождаться и становиться грубым и порочным; но в этом виновато мирское же общество, не отдающее в обители лучших своих представителей; виновато большинство, не выносящее даже и подобия аскетической жизни, а не сам аскетический этот идеал и те немногие, которые остались ему верными слугами!.. И вот когда случится миря-

нину, погруженному в «житейские попечения» до невозможности какого бы то ни было богомыслия, увидеть перед собой в наше время высоко подвижника в пещере или лесной хижине, подвижника, которого вся жизнь, все попечения – только одно это богомыслие, – как бывает поражен и тронут этот далекий от духовного настроения человек!.. Мне скажут на это: «Да, пустынный, быть может, и полезен в этом смысле; но обыкновенный монах? Монах рабочий, хозяйственный, практический монах, хлопотун по сборам и доходам обители? В нем-то какая святость!?» Пустынный этот, повторяю я, вышел на свободное пустынножителство, послуживши смолоду покорно или другому пустынножице-старцу, или многолюдной общине. Аскет нужен, как путеводная звезда, как крайнее выражение православного отречения и нам, монахам-непустынникам, и многим мирянам, которых воображение требует сильных впечатлений. Аскет нужен мирянам и Церкви; монастырь нужен аскету, который изредка придет в обитель, причастится в ней, побеседует с духовниками, порой он и сам подаст им советы, если они его спросят. Монастырь нужен и мирянину как посредствующее звено между городской роскошью и сырой пещерой пустытника. Богатый горожанин хочет видеть пустытника. Он приехал издалека. Где он успокоится и отдохнет? Где ему будет ночлег, гостеприимство? Где та беседа, которая ему нужна? Конечно, не в самой пещере или хижине аскета. Строгие, истинные аскеты (какие и теперь существуют, слава Богу) не любят посещения. Они, как огня, боятся репутации святости. Придите – они не прогонят вас, они и поговорят с вами, но, конечно, не будут зазывать к себе. Зачем им посетители? Одно смущение! Денег они не берут; питаются иные от какого-нибудь рукоделья, посылая, например, послушника своего продать на базаре деревянные ложки своей скромной работы; другие и того не имеют, а ожидают, чтобы им из монастыря соседнего дали сухарей. Живут они на Афоне в таких местах, которые доступны не всякому человеку и не всякому здоровью. Вот, например, как описывает один лично знакомый мне автор, человек правдивый и умный, образ жизни и жилище строгого афонского отшельника: «Испытавши все степени трудов и лишений пустынной, в диких местах, жизни, о. Пахомий, наконец, вселился в упоминаемой выше пещере, в которой никто из обыкновенных людей жить не может; так, что самые строгие отшельники дивятся его необычайной решимости и самоотвержению.

Но нужно было о. Пахомию получить еще от духовника благословение на водворение в новой пещере. Желая, чтобы духовник выслушал его без предубеждения и отчески, о. Пахомий стал говорить, что, проживая временами в такой-то пещере, не ощущает никакого вреда и проч., – и убедил, наконец, духовника пойти с ним и посмотреть его пещеру. На ме-

сте, выслушав опять исповедные слова старца, – что он ощущает великую пользу от совершенного удаления от всяких попечений и что избранная им пещера вполне соответствует его духовному настроению, духовник соизволил его желанию и благословил водвориться ему в этой пещере, но только в виде опыта, а если не сможет жить, то переселиться вниз – ближе к морю. Много прошло времени, пока духовник окончательно благословил о. Пахомия водвориться в той пещере.

В пещере сухо и тепло бывает только зимою, когда заметет ее всю совершенно снегом. Недавно кто-то снабдил о. Пахомия рубашкою или двумя, обувью, постилкою, подрясником и рясою; все это вместе со священными книгами, какие он имеет, бывает тогда только сухо, когда вывешивается на солнце, ибо в пещере сырость, и сырость всегдашняя. Некоторые из ревнующих подражать жизни его решались проводить у него малое время; но, как видно, не стяжали еще веры неколеблющейся, и все, при виде холодного и сырого камня пещерного, усомневались и пострадали различно: у одного иеромонаха в одну ночь все тело покрылось волдырями, как бы кто усыпал его горохом; другой простудил половину тела с той стороны, какою лежал к стене пещеры, успокоившись после мирного ночного подвига; а некоторые пострадали расстройством желудка и теперь боятся Пахомиевой пещеры как огня.

Проводя подвижническую жизнь в таких местах, где неоткуда было достать хлеба, о. Пахомий приучил себя к такой пище, которую редко кто может кушать! И до днесь он употребляет почти одно и то же: натолчет, например, камнем гнилых каштанов, прибавит, если есть, сухарей, тоже зацветших, положит все это в воду и, заболтав мукою, иногда варит, а то и так, – и кушает себе на здоровье, прибавляя иногда дикие сухие плоды, которых никто не станет кушать и свежими, – и удивительно, остается здоровым!!

Удивительная в нем черта всецелой преданности Промыслу Божию! Как бы в чем он ни нуждался, никому не скажет о своей нужде, оставаясь и теперь нередко без сухарей; а если сам кто вызовется что дать ему, усмотрев его крайнюю нужду, то старец примет, как посылаемое ему от руки Божией. Разительнее всего преданность воле Божией, как плод живой, действенной веры, обнаруживалась в о. Пахомии во время болезней; тут ни лекарств, ни удобств больному никаких нет, да что говорить об удобствах, когда и воды подать некому и неминуемо приходится умереть от одного только голоду и жажды! Отцу Пахомию только и зрится один Бог, Который послал ему болезнь, Который силен исцелить его или призвать его к вечной жизни; он в руках Божиих как бы весь, выражаясь в словах, часто им произносимых: «Да будет воля Твоя! Слава Тебе, Господи!» Что

бы с ним ни случилось, он все примет одинаково – с благодарностью и преданностью Господу.

Родом о. Пахомий – сербин; говорит по-славянски, примешивая немало болгарских слов; беседу его понимать русскому можно. Но как сладка его беседа, выражаемая самым простым сердечным словом, – это можно только испытать, а передать почти невозможно. Судя по настоящей обстановке о. Пахомия и неразвитости его в прежнее время, нужно бы заключить, что ему естественно дойти до состояния звероподобного и потерять самую способность мыслить по-человечески, но опыт показывает другое. Господь может, видно, и без книги отверзать ум к уразумению таких тайн, кои навсегда останутся недоступны для мудрецов века сего. Да и как же иначе? Они, эти дикари, полузвери пустынные, верят от всего сердца всему сказанному Господом в Евангелии; сомневаться по-ученому они не умеют и приступают в полном смысле слова – в простоте сердца ко Господу, сказавшему: *научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обряцете покой душам вашим!*¹

Святая улыбка всегда сияет на лице о. Пахомия, как будто всем он облует, все ему служат, над всеми он царь! Да и в самом деле, о чем ему скорбеть и сокрушаться? Нет у него сухарей, одежды или обуви?.. Что ж? У него есть Бог, который все это видит и, как Ему угодно, так о нем и промышляет. В сем старец уверен так же, как и в том, что имя ему Пахомий. Сыро и холодно в его пещере, и нечем защитить ее, по крайней мере, от снега, так, что все у него мокро и плесневеет?.. Зато у него есть терпение, в которое он облекся, как в броню! Постигают его существенные бедствия, скорби монашеские и искушения от злокозненного врага? Зато у старца столько преданности воле Божией, что хоть пусть столкнутся небо и земля и все превратится, его ничто не потрясет и не поколеблет! В самом деле, что может поколебать эту адамантову душу, если он в Боге и Бог в нем?!

В апреле 1869 года мы нарочно ходили к о. Пахомию. О, как мы утомились, пока достигли его обиталища! Это неизобразимо! И ноги подламывались, вовсе отказываясь двигаться, и утомление было такое, что хоть ложись среди дороги! К нашему горю или испытанию, пришедши, мы не застали о. Пахомия в нижней его пещере, – он должен был находиться или в отлучке, или в верхней пещере. При взгляде на подъем к ней я и другие спутники окончательно отказались взбираться туда; вызвался же сходить один пустынножитель-пещерник, бывший на этот раз нашим проводником. Как он взбирался туда – это нужно было видеть!.. Тут мы еще больше убедились в невозможности взойти туда нам, хотя бы мы вовсе были не

¹ Мф. 11, 29.

утомлены; ибо, кроме невероятной трудности подъема, угрожала еще опасность опрокинуться, скатиться вниз и жестоко разбиться. Долго мы ждали, разместясь в нижней трехэтажной пещере о. Пахомия, где горела лампадка пред иконою Божией Матери, разливая свой тихий свет на мрачные стены сырой пещеры и проливая в душу иной, тихий и сладостный свет от Самой Благодатной Игуменьи Афона. Желая рассмотреть, далеко ли протягивается пещера о. Пахомия, мы стали взбираться по камням вверх, но свечи наши скоро потухли от густоты сперттого сырого воздуха, и мы не могли потому дойти до конца пещеры. После долгого ожидания я стал опасаться за целостность посла и отправился посмотреть, не увижу ли кого. И что же? В это время ожидаемые нами вдвоем спускались по скале: старец был впереди и полз уже от места, где кончилась веревка, а проводник-пещерник спускался, держа еще за нее и подвигаясь к концу ее. Ужас и оцепенение овладели мною. Я смотрел на них несколько минут и, пока они не стали уже твердою ногою на землю, у меня заболело сердце! Что, если ради нас спускаюсь, старец или посланный за ним поскользнутся и разmozжат себе головы?.. Я был между каким-то неизъяснимым страхом и радостным ожиданием и упал бы в ноги старцу, прося простить, что мы его обеспокоили и подвергли опасности спускаться для нас, если бы не знал, что выражением уважения и особенного внимания к его жизни можно оттолкнуть его от искренности и простоты обращения. Почему, сдерживая слезы радости, начал я упрекать его, предвзяв свидание свое с ним и говоря: «Зачем ты, отче, забрался в такую даль? Мы так утомились, идя сюда, что сил не стало и едва добрались до тебя!» Это я говорил, пока он приближался по тропе ко мне. За плечами у него была торба; одежда на нем была хоть худенькая, но полномонашеская; под ряскою виднелась ветхая схима, на камлавке толстого сукна накинута худая наметка (креп). Постническое лицо его выражало строгость его жизни и невольно производило какое-то благоговейное впечатление. Приняв вину на себя, старец с удивительным сердоболием стал кланяться и просить прощения за утруждение нас. Говорил же это с такою убедительностью, что я уже и пожалел о высказанных вольно словах, видя, как старец искренно испрашивал прощение, будто действительно был виновен».

Вот каковы афонские пустынноики, и вот как они живут!

Разве может при таких условиях всякий мирянин, поклонник проникать к таким людям?

Поклоннику нужно гостеприимство обители, нужна литургия, иконы, мощи святые, ему нужна еще прежде созерцания и оценки подвигов аскетических поэзия богослужения нашего и хоть немного философия Православия, книга хорошая, разговор неспешный и досужный со знающими людьми... Вот это все он найдет в обители.

Итак, если я служу лишь одним телесным или практическим трудом на вещественные нужды киновии, я косвенно служу всей Церкви, которая есть не что иное, как земное, реализованное в общественной жизни Слово Самого Христа. Копая виноградник, я служу Христу; управляя имением, которое дает пшеницу и хлеб насущный братии монастырской, я служу Христу; еду я через моря на острова греческие покупать масло или машину для выделки того же масла дома из наших афонских олив, переношу я бури непогоды, торгуюсь с купцами, знакомлюсь по неволе и дружусь с мирскими людьми, волей-неволей иногда живу их жизнью, ем иногда и сплю не по-афонски, говорю иное, чем на Афоне, вижу вещи, которые меня борют и оскорбляют... Во мне теперь как будто и следа аскетизма не осталось... Я в ужасе, я каюсь, я утомлен; но воспоминание о том, что меня послал начальник, избранный братиею, ободряет и утешает меня. Вспоминая о словах игумена и о нуждах братии, я и в шумном городе, где рядом с моей комнатой играет музыка и слышны песни и пьяные крики из дома терпимости, могу, помолясь, успокоиться мыслью, что служу обители, одной из неподвижных звезд, рассеянных по миру православному и озаряющих его. Монах не идет на проповедь, правда; но монастырь принимает набожных гостей, и несколько недель или месяцев жизни при хорошем благочинном монастыре поучает лучше всякой навязчивой проповеди на миру. Прекрасно ходить со светильником между людьми; но хорошо организованная обитель есть уже своего рода пропаганда не словом, а делом самим. Монашество есть, положим, крайнее выражение христианства. Но сила крайности подразумевает неизбежно, органически, так сказать, и прочность чего-то среднего, однородного с ним; но не крайнего, за сим стоящего в порядке развития. С первого взгляда кажется, например, что монашество, отрекающееся от семьи, есть логическая антитеза семьи. Однако на деле оказывается иное. Брак есть своего рода аскетизм, своего рода отречение. Строгий, религиозный, нравственный брак есть лишь смягченное монашество: иночество вдвоем или с детьми-учениками. Если отвергнуть Таинство в браке, если лишить его церковного смысла, то что можно противопоставить изящному жорж-сандизму¹, вольным и веселым сходкам в хрустальных дворцах Чернышевского или дружеской аристократической сделке людей хорошего общества, подобной тому соглашению, которое, говорят, существовало между знаменитым Меттернихом² и его женой. Они, гово-

¹ По имени французской писательницы Жорж Санд. (Настоящее имя – Амандина Аврора Люсиль Дюпен; 1804 – 1876).

² Князь Клеменс Венцель Лотар фон Меттерних Виннебург-Бейльштейн (1773 – 1859) – австрийский дипломат, министр иностранных дел в 1809 – 1848 гг.

рят, согласились помогать друг другу в карьере и не мешать друг другу в сердечных делах.

С точки зрения счастья, эвдемонизма, – чем они были не правы? Кому они мешали? Они были довольны друг другом, приблизительно, как только можно быть довольным на земле?

Какую логику, какую идею мы противопоставим идее эвдемонического согласия двух лиц? Долг? Какой? Против кого? Противу светского общества? Что ему за дело, если мы никого не оскорбляем? «*Vivons et laissons vivre*». Мы добродушны, с нами весело, мы изящны даже; у нас в доме хорошо, еще приятнее от той свободы, которая в нем царствует... Не беспокойтесь, образованное общество ловких людей в этом роде не могло и не умело никогда казнить.

Лучшие поэты их воспевали, мыслители считали за честь бывать в их доме; им никто не отказывал во внешнем почете, если они умели быть полезными государству или приятными народу...

Какой еще долг? Долг относительно друг друга? По понятиям эвдемонической, прогрессивной религии, долг состоит лишь в том, чтобы сделать избранную подругу счастливой; надо стараться, чтобы она как можно веселее и приятнее провела молодость свою.

Что еще мы можем противопоставить идеалу такого веселого сожительства или требованиям фантазии, уже слишком широко и необузданно развитой?

Чувство чести? Это чувство условно, и сколько мы видим людей высокообразованных, но христиански неразвитых, которые за косою взгляд или грубое слово вызовут на поединок друга и в наше не рыцарское время, а скажи иному из этих светских людей в минуту полной искренности о чести его жены, и он, может быть, ответит тебе: «Ах, батюшка, ну что за честь? Жена моя, к несчастью, не хороша и не ловка, на нее никто и не смотрит... Какая там честь! Что за предрассудок!.. *Est-ce qu'un homme distingue peut avoir le mauvais gout d'être bourgeoisement jaloux de sa femme legitime?*¹ Это хорошо моему управляющему Карлу Федоровичу. Он ничего лучше своей Шарлотты Егоровны и не видал. Так, разумеется, ему и она в диво».

Еще что? Полицейские меры? Государственные? Гражданский брак? Да, если мы хотим строить общество в принципе на лицемерии, на обмане, на внешнем формальном соглашении. Но не будут ли правы коммунисты, когда скажут на это: «Хорошо и это пока; это еще шаг по нашей дороге; святыня убита в принципе. Квартальный или мэр какой-то записывает в книгу, с какой именно женщиной вы желаете приживать таких детей, которых общество назовет законными. Но так как везде уже права сосло-

¹ «Разве может человек утонченный ревновать свою жену?» (фр.).

вий более или менее сравнены и долго стоять на месте нельзя, то скоро не будет никакой особенной разницы между законным и незаконным ребенком. Гражданский брак должен будет пасть как бессмысленное, само себя пережившее учреждение...»

Octave Feillet¹ прав в своем романе «Sybelle», утверждая, что только в религии, в идеале церковном брак тверд и осмыслен... Частные, случайные ошибки и уклонения, увлечение страстью мгновенное – не разрушат ничего, если основа цела. Церковь прощает; и супруги могут простить друг другу... Но как? *Иди и впредь не греши.* «Боже! Прости ему или ей! Прости так, как я простил!»

Это другое дело.

Об этом я мог бы еще много, много говорить. Я воздерживаюсь, чтобы не забыть надолго Афон и монахов.

Теперь, кончая это письмо, я скажу тебе только еще раз вот что. Для семьи нужна Церковь, для Церкви Православной необходимы примеры крайнего аскетизма; для аскетизма нужны монастыри, для монастырей необходимы не только духовники, богословы, иеромонахи, служащие в церкви, певчие, поющие псалмы, – для них необходимы и экономы, практические иноки, которые заботятся о хозяйстве монастырском, о приобретении средств на убранство храмов, на воздвижение жилищ, на утварь, на пропитание самое скромное и нередко даже – на угощение посетителей, из которых многие молиться желают и видеть постящихся очень рады, но сами поститься слишком серьезно не хотят.

Итак, скажи доброму семьянину, которому судьба послала дом и хороших детей, чтоб он не оскорблялся, когда такой практический инок стучится в его дверь за подающим. Пусть он не возмущается тем, что этот инок ему не кажется строгим аскетом. Строжайший аскет остается дома; он и не сумеет пойти на сбор; монастырь вынужден на это благословлять людей иного рода. И почему еще знает наш добрый семьянин, каков этот самый инок дома, в обители? Какую жизнь он ведет там, возвращаясь в свою настоящую привычную среду?.. Быть может, он и аскет высокой степени?.. Но он умен, и здесь он не хочет быть педантом, боится прослыть лицемером и испортить тем отчасти дела своей обители...

Великое дело монастыри в Православной Церкви! Пусть в них есть свои недостатки, свои страсти и пороки...

Если войско страдает недостатками правителя и нации, – ищут исправить их, а не распускают армии.

Без монастырей, без этих скопищ, так сказать, крайнего отречения пали бы последние основы для поддержки того среднего отречения, ко-

¹ Французский писатель Октав Фёйе (1821 – 1890), автор романа «История Сивиллы».

торое необходимо для хорошей семьи... Сизигос (супруг) по-гречески значит сояремник, сояремница, если переводить яснее и ближе к современному языку. Вот как понимала брак всегда Православная Церковь.

И не вернее ли это аскетическое понимание, не ближе ли оно к действительности, чем всякая эвдемоническая идеализация брака? Неужели все еще мечтать об игривом и тихом, о нерушимом счастье и согласии, после которых настает почти всегда разочарование и раздор или полная, ровная проза, если нет в углу лампы пред образом... Понимаешь?

Для некоторых, в других отношениях весьма благородных натур, брак сам по себе был и будет всегда прозаичен и скучен, если рассматривать его только с точки зрения наслаждения или полуромантического сладострастия.

Ведь это истина жизни. Как ее отрицать? И кого мы обманем, отрицая это? Напротив того – поэзия брака и семьи необычайно возвышенна, когда каждый шаг семейной жизни, каждый обычай, каждая черта при воспитании детей озарены идеей Православия и украшены всеми милыми преданиями народной святости...

Самая непривлекательная чета, если в ней сильно чувство религиозное, в иные минуты внушает такую глубокую симпатию всякому благородному сердцу, какую не может внушить никогда «рациональный» супруг, Бог знает почему верный своей «рациональной» супруге!..

Что ж сказать? Видно, вкус такой. А мне бы давно надоело ее честное «рациональное» лицо; у всякого свой вкус... и больше ничего!..

Письмо 4-е

3 июля 1872 г.

Я замечал в тебе не раз еще давно, когда ты только что начала выходить из детства, что монахини, особенно молодые, тебе нравятся, а монахи нет. Я помню не раз, как ты сама, ничему не молясь, хвалила мне пение и службу в одном девичьем монастыре, как ты любила в него ездить, хвалила некоторых из этих «милых и бедных девушек» (так ты выражалась тогда). Я помню также, что ты очень обрадовалась тому романтическому окончанию жизни, на которое хотела было обречь себя одна особа царской крови; мне кажется, что этот разговор был о супруге неаполитанского короля Франциска. Когда ты прочла случайно в газете о том, что она намерена заключиться в женский католический монастырь (помнишь, мы сидели все в большей зале тогда?), ты сказала: «Как я рада, что эта королева решила быть монахиней! Уж давно что-то никто в монастырь не шел!»

О том, что Лиза Калитина была всегда любимой героиней твоей, я уже упоминал, кажется, прежде...

Отчего же ты не любишь монахов?.. Отчего ты мне однажды писала так: «Если бы я могла верить, что есть на свете хоть один добросовестный, верующий, хороший православный монах, я поняла бы твое желание жить при монастыре... Но разве эти люди могут понять порядочного, развитого человека? Что они сделают из него... если он им отдаст себя в руки?»

Положим, это ты писала мне лет семь тому назад, когда раз в минуту тоски я признался тебе одной, что мне следовало бы, кажется, кончить жизнь при монастыре православном, если не монахом, то одним из тех вечных поклонников, которые доживают свой век при обителях.

Отчего эта разница?

Или ты находила (и, может быть, находишь), что религиозность женщинам идет, а мужчинам не пристала?

Одна молодая католичка, красавица, воспитанная в Сирии почти в диких горах, ибо отец ее имел за городом заведение для шелка, рассказывала мне очень простодушно, что «папа всегда смотрел строго, чтобы все дочери его были религиозны... Он говорил нам часто: “Une femme doit avoir de la religion¹; мужчина – дело другое!” Он сам никогда не исповедовался и в церковь почти не ходил».

Молодая женщина эта и не думала шутить над отцом или осуждать его. В семьях тех епископов², которые воцарились во Франции на развалинах изящного и верующего феодализма, такой порядок очень обыкновенен. Мужчина сам не верит ни во что, кроме «славы Франции, передовой нации вселенной», кроме своих прав на все выгоды и удобства, и разумности демократии, но жену и дочерей он посылает в храм на исповедь: «Больше слушаться будут!»

Ты так думать не можешь, как может в пустоте своей и слабоумии думать отец семейства из выдохшейся современной нам французской буржуазии.

Такого порядка у нас в России нет; у нас религиозность и безверие распределены как пришлось между женщинами и мужчинами.

Эгоистических, тайных соображений у тебя при этом быть не может.

Итак, остается одно: чувство твое, чувство просто эстетическое...

Быть может, и то, что тебе случалось знать нескольких хороших монахинь; а монахов (я это знаю) ты ни хороших, ни дурных до последнего времени не встречала, разве на улице и изредка-изредка в какой-нибудь петербургской церкви, в которую ты случайно заходила иногда от скуки или из какого-нибудь любопытства.

¹ «Женщина должна быть набожной» (фр.).

² Бакалейщиков (фр.).

Потом надо вспомнить, кем и чем ты была окружена с детства; ты была окружена газетами, в которых близкие тебе люди принимали участие; газетами, в которых смеялись над И. Аксаковым за то, что он позволил себе назвать «ароматом добра» то чувство, которое объединяет на мгновение душу дающего милостыню и душу принимающего; людьми, подобными тому седому родственнику твоему, который, узнавши, что я уехал жить на Афон, написал из приязни ко мне длинное письмо (помнишь, как я смеялся над этим письмом?) о том, что в наше время монахом может стать только идиот или мошенник, что умнее расходовать лишние деньги на шлейфы и шляпки молодых любовниц, чем на рясы и клобуки каких-то дураков. Что в наше время нельзя ожидать, чтобы человек, который смолоду занимался естественными, реальными науками (это все я), чтобы этот человек в здравом состоянии ума мог верить в пострижение, Православие и т. п. «При сильном воображении своем он увлекся эстетикой монашества, быть может, и раскается скоро!» – прибавил твой седой мудрец.

О, мудрец! О мой бедный продукт журнального петербургского мира!..

В наше время!.. Что такое наше время? Его время – вовсе не мое время, быть может... Он живет вчерашней остылой новизной, которая по закону инерции еще действует нынче и будет действовать и завтра, все расширяясь и расширяясь, но и слабея вместе с тем... А я?.. Если он, твой седой циник и любезный к дамским шлейфам утилитарист, признает во мне сильное воображение, эстетическую развитость и даже некоторую долю этих знаменитых реальных знаний, с которыми нынче все нянчатся, как дурни с писаной торбой... Если он все это придает и приписывает мне, то тем хуже для его взглядов... Разум мой, как видишь, что-то не слишком поврежден как будто бы... Мое время – не его эпоха...

У меня есть мое время, во-первых, и в настоящем, ибо «не о Петербурге едином жив будет русский человек», – но «о всяком глаголе, исходящем из истинно русского сердца»...

Я даже не хочу утверждать здесь настойчиво (именно здесь, в этом письме), что идеал эвдемонического прогресса глуп и даже ненаучен (хотя это, по-моему, доказать нетрудно). Сегодня я скажу только, что всякая философия, имеющая практические выводы для жизни, всякая цивилизация – эвдемоническая или аскетическая; религия умеренного всеобщего, плоского эпикурейства и религия христианских, свободных ограничений – одинаково имеют в числе слуг своих и мудрецов, и простых людей. Так было до сих пор. Сравни, например, Иоанна Дамаскина и

Павла Простого¹. Оба причтены к лику святых. Иоанн Дамаскин – аристократ, вельможа, сын правителя города Дамаска, любимец своего мусульманского государя, философ, занимавшийся метафизикой христианства, публицист православный, который боролся письмами противу византийских императоров, желавших уничтожить поклонение иконам... поэт вместе с тем, сложивший множество молитв...

Павел Простой, напротив того, был крестьянин. Он давно хотел быть монахом, но он был женат; жена изменила ему; он обрадовался и убежал к Антонию Великому в пустыню. Антоний не знал, как бы испытать его и каким делом сначала его занять. Он велел ему плести веревки. Павел старательно свил их. Антоний велел их расплести; Павел с радостью расплел их. Антоний велел ему шить одежду; велел распороть и снова сшить. Павел все исполнял охотно, не спрашивая даже, к чему эта бесполезная работа. Антоний не давал ему есть; он не просил. Тогда Антоний оценил и полюбил его.

Павел был крестьянин и совершенный невежда. Но разве св. Иоанн и св. Павел этот не были люди одной и той же идеи, одной и той же цивилизации? Иоанн понимал все *in extenso*², в развитии; Павел знал только, что Христос – Сын Божий, что Его распяли за нас и нам хорошо и полезно за Него распинать себя... Вот и все. А до подробностей он и доходить не хотел и соглашался свивать и развивать веревки всю жизнь свою по указанию более знающих людей!..

Таких Павлов в России еще довольно, и слегка грамотных, и вовсе безграмотных. И я не нахожу, чтоб они были невежественнее французского или итальянского работника, бунтовщика и коммуниста, который в такой же пропорции состоит к Кабе³, Фурье⁴ или Прудону⁵ по экстенсивности и логической выработанности своих мыслей, в какой Павел Простой состоял к Иоанну Дамаскину или нынешний крестьянин-богомolec русский – к Филарету Московскому или Хомякову.

Иоанн, Филарет, Хомяков – сознательные, философски развитые продукты византийской, аскетической культуры; Павел Простой и сельский богомolec наш – наивные произведения той же аскетической цивилизации. Сильная вера сердца в два-три раз и навсегда принятых положе-

¹ Павел Препростой, прп. † 7/20 марта.

² Целиком, полностью (*лат.*).

³ Этьен Кабе (1788 – 1856) – французский философ, публицист, возглавлял коммунистическое движение.

⁴ Франсуа Мари Шарль Фурье (1772 – 1837) – французский философ, социолог, представитель утопического социализма.

⁵ Прудон Пьер-Жозеф (1809 – 1865) – французский политик, публицист, экономист, философ и социолог.

ния, в две-три идеи, нисшедшие в краткой и доступной квинтэссенции из высших сфер этой цивилизации. Вот их умственный запас.

Фурье, Прудон, Базаров – сознательные, более или менее тоже философски развитые продукты не всецелой европейской цивилизации, а той последней, вчерашней, эвдемонической, утилитарной культуры, которая на всех углах кричит с XVIII века: «Le bien-etre, le bien-etre des peuples», которая в лице Ламенне¹ бессовестно и подло искажает смысл Евангельского учения, уверяя простой народ каким-то лжебиблейским языком, что надо бунтовать против властей. А работник, бунтующий и едва грамотный, – это наивный, гадко наивный, грязно наивный, но все-таки наивный (в смысле слабой сознательности) продукт того же вчерашнего эвдемонизма. Он знает одно: «Il n'y a ni Dieu, ni diable; tous les hommes sont egaux» или «doivent l'être...»². И жжет Париж с твердой верой сердца в эти две-три фразы, дошедшие постепенно до него из книг, разговоров и газет.

В России глубоко перемешаны и перепутаны теперь эти две культуры – византийская, аскетическая и неофранцузская, эвдемоническая. Вот и все. Живем мы, правда, все в одно время, но живем не одним и тем же...

Антиподы живут на одной и той же земле, но в одно и то же время одного из них освещает солнце, а другого – какая-то унылая, холодная луна!

Твой седой родственник живет вчерашней новизной; если он мне сам присвоил сильное воображение и эстетическое чувство, то пусть он вспомнит, что люди с сильным воображением всегда предчувствовали заранее то, к чему приходили четверть века, полвека, век спустя, толпами люди, менее их одаренные фантазией.

Робеспьер практической гильотиной несколько десятков лет спустя старался осуществить мечты Руссо. Итальянское единство, как бы оно ни оказалось бесплодно и для Италии, и для человечества, но все-таки осуществилось как факт после стольких мечтаний, после стольких предтеч, одаренных фантазией... Германия в Бисмарке обрела реального истолкователя стольких прежних отвлеченностей... На худо или на добро для немцев в будущем – это иной вопрос.

Поэты социализма Сен-Симон³ и Фурье не дожили до 48-го и 71-го годов.

Я верю, что в России будет пламенный поворот к Православию, прочный и надолго... Я верю этому, потому что у русских болит душа... Я верю этому потому, что нигилизм в сфере мысли уже прожит нами, и теперь

¹ Фелисите Робер де Ламенне (1782 – 1854) – французский философ и публицист, аббат, один из основоположников христианского социализма.

² «Нет ни Бога, ни черта; все люди равны или должны быть равны» (фр.).

³ Граф Клод Анри де Сен-Симон (1760 – 1825) – французский философ, социолог, основатель школы утопического социализма.

вместо Базаровых, ушедших в Сибирь или в могилу, – он дает лишь не очень опасных Пыпиных или глупых Скабичевских каких-то, которые топорно валяют в своих критиках, что Катерина Островского должна бы обучиться естественным наукам и тогда бы все на свете было бы хорошо...

Распространяться в низшие слои наши нигилизму было бы легко, ибо много мудрости не надо, чтобы из аскетической наивности перевести народ в эвдемоническую глупость... Но с Божьей помощью будем надеяться, что люди власти у нас не будут больше либеральничать, не будут зря спешить с каким попало обучением народа из подражания соседям, которые еще не сказали последнего слова своего и у которых тоже, вопреки всей хвастливости их, есть много залогов романской анархии, особенно после объединения... Разделение Германии мешало, правда, иногда единству порядка, но оно мешало зато и единству анархии... Это надо помнить!..

И если у нас будут с Божьей помощью это помнить, то можно надеяться, что эвдемонические влияния у нас ограничатся не разгромом, а лишь частными превращениями, без которых жить в истории, конечно, нельзя...

Православие византийское, как известно, имеет в себе, между прочим, две стороны: для государственной общественности и для семейной жизни, – оно есть религия дисциплины. Для внутренней жизни нашего сердца – оно есть религия разочарования, религия безнадежности на что бы то ни было земное.

От некоторых мест Чайльд Гарольда можно перейти без всякого усилия и почти незаметно к иным местам Давидовых псалмов, а от псалмов Давида – ко всей христианской церковности.

Два величайших лирика всего мира могут легко примириться в больной и тоскующей русской душе. И вольно же было сухим умам мировую тоску, тоску безграничную ненасытной и широкой души сводить на мелкое гражданское недовольство современностью, вместо того, чтобы разрешить ее в Боге?!

Понял ли бедный Герцен перед смертью, какой решимости у него не достало?

Хорошо и то, что он разочаровался в чисто утилитарном прогрессе и понял, что он и один он ведет или к ужасному кровавому безначалию, или к отвратительной прозе всеобщего мелкого однообразия, предлагаемого Прудоном, или... (и это всего вернее), что, давши кой-что новое миру в экономическом порядке, этот утилитаризм сопрягается разнообразно с прежними историческими началами. И только! Благоденствия общего и субъективного все-таки не будет.

За эту строку об исторических началах Герцену многое прежнее и вздорное его можно искренне простить.

Нет! Православие или, другими словами, культура византийской дисциплины и земного аскетизма есть единственный противовес теории всеобщего мелкого удовольствия... И лучшая пища и отрада тому, кто разочарован и за себя, и за других, и за будущее друзей и близких своих, и за будущее всего человечества, понятое в смысле всеобщей пользы.

Кто графически изобразил историю земного прогресса?

Кто скажет с реальной точностью, как вернее изобразить его: как прямую лестницу, наверху которой приготовлены всем равные или приблизительно равные награды, так что и зависть станет невозможна... Или в виде широких, все больше и больше расширяющихся кругов, неизбежно перевитых и душистыми цветами, и ядовитыми, нестерпимыми терниями?..

Сообразно с реальными фактами, с примерами самой природы, вне человека стоящей, с явлениями современной и прошедшей истории, с психологией нашей, которая требует попеременно отдыха и борьбы, которая жаждет разнообразия и перемены, надо думать, что бесконечные круги более похожи на историю земного прогресса, чем чертеж прямого утилитарного восхождения посредством реальных наук, обращенных на службу равенству людей и братству народов; не сердечному и теплomu братству внезапного, личного, живого чувства, а братству юридическому, насильственному, предупредительному и всегосударственному!

Фу! Что за скука! С какой я стати буду насильственно брат какому-нибудь немецкому или французскому демократу, которого даже портрет в иллюстрации раздражает меня?..

Если я христианин, то я заставлю замолчать эту свою художественную брезгливость... А если я не христианин? Тогда меня может заставить замолчать только один страх перед толпой людей, менее меня развитых...

Хорош же прогресс!.. Если более развитой человек должен трепетать тех, которые тупее, глупее, грубее, пошлее его...

Довольно! Довольно!!!

1872 год

ПИСЬМО САМАРСКОМУ ДРУГУ

Виктор Николаевич Тростников

Дорогой друг! Посвящая поэму «Евгений Онегин» своему другу Плетневу, Пушкин выразил сожаление, что не может представить ему нечто более достойное его прекрасной души. Такое же чувство испытываю и я, отправляя тебе это послание – хотелось бы, чтобы мысли в нем были глубже, формулировки короче и яснее, язык выразительнее. Но у меня, как и у всех, есть свой потолок, выше которого не поднимешься. Поэтому прими мои рассуждения такими, какие они есть.

Всякий человек характеризуется тремя своими составляющими: волей, то есть тем, что он хочет, разумом, то есть своим миропонимани-

Тростников Виктор Николаевич – философ, по образованию физик, математик; разрабатывает проблемы теоретической и прикладной философии, профессор богословия. Родился в 1928 году в Москве. Окончил физико-технологический факультет МГУ в 1953 году. Работал в Ленинграде, затем вел преподавательскую деятельность по высшей математике в различных вузах Москвы. Был доцентом кафедры высшей математики МИИТа. Имеет ряд публикаций по вопросам физики и математики, в том числе монографии по математической логике. Труды Тростникова в 90-е годы, кроме лекционной деятельности, книг и статей по «научной апологетике», знаменуются постепенным переходом философа от апологетики к экзегетике и от космологии к сотериологии. Центральной темой в них становится тема спасения. В этой связи Тростников ставит вопрос о природе и происхождении нашей цивилизации, считая, что она целенаправленно препятствует делу спасения, и вводит в свои произведения размышления эсхатологического порядка.

ем, и чувствами, то есть иррациональной мотивацией своего поведения. То же самое можно сказать и о всяком людском сообществе: оно может обладать доброй или злой волей, быть умным или глупым, быть нравственным или развратным. Что же можно сказать о современном российском обществе? Чтобы поставить ему диагноз, надо оценить последовательно качества всех трех движущих им начал.

Давай начнем с разума – попытаемся определить, насколько умной является сегодняшняя Россия.

Что касается познания окружающего мира, то здесь мы идем в ногу с мировой наукой, в развитии которой наши ученые активно участвовали. Далеко ли продвинулась эта наука в познании мира?

Она досконально изучила и поняла один из сегментов окружающей действительности, который вмещает в себя материальные объекты в диапазоне от атомных частиц до Солнечной системы. Проникнуть в самую суть этого сегмента помогла сначала классическая, а потом квантовая физика. Здесь были совершены великие открытия, позволившие на языке математики описать законы, управляющие этими объектами. На основе созданной теории были разработаны высокие технологии, позволившие создать весьма комфортную искусственную среду обитания, доступную ныне всему человечеству. Это настолько опьянило ученых, что они вообразили, будто с такой же точностью и достоверностью смогут понять природу и всех остальных сегментов. Мы, люди старшего поколения, еще помним, как нам обещали, что скоро наука объяснит все, ничего неразгаданного во Вселенной не останется. Но эти надежды не сбылись. Везде, где наука с выработанной ею методикой выходила за рамки упомянутого сегмента, она оказывалась совершенно бессильной и беспомощной. Никакого разумного ответа на вопросы о происхождении Вселенной в целом, живой природы с ее разнообразием и совершенством форм, человека и человеческих сообществ она дать не смогла. Она не может объяснить, как возник у людей язык, откуда в земле взялась нефть, почему вымерли динозавры и много чего другого. Она пытается дать объяснения, но они получаются более наивными, чем космогонические мифы индейцев племени чероки. Например, некий ученый публикует научное открытие о происхождении языка: человек начал говорить, когда научился ремеслам; до этого он объяснялся с соплеменниками жестами, а теперь руки его сделались занятыми, и ему пришлось объясняться словами. Этот вымысел, конечно, уступает индейскому мифу: у того имеется хотя бы зерно истины, и к тому же он красив, в то время как изложенная теория происхождения языка безобразна. Безобразным вымыслом является также дарвиновская теория эволюции, произ-

водящая носорога от хламидомонады, соловья от ящерицы и человека от обезьяны. И совершеннейшую неспособность к объяснениям демонстрирует так называемая историческая наука. В этой области идут бесконечные споры и распри. С горячностью разные люди стараются утвердить разные взгляды на исторические события, и вариантов объяснения тем больше, чем ближе к нам обсуждаемый период и чем обильнее он документирован. Относительно жизни в Древнем Египте никаких споров нет, там всем все ясно, а вот по поводу оценки советского периода, который был совсем недавно, ведутся не просто споры, а настоящие баталии, которые, кажется, вот-вот приведут к гражданской войне. Получается так, что чем больше деталей известно о предмете, тем этот предмет непонятнее. Но это же абсурд! Это может свидетельствовать лишь о том, что сама методология современной исторической науки порочна.

Мы начали разговор с вопроса о том, умна ли сегодняшняя Россия. В осмыслении собственной истории она ума пока не проявляет. Но я не думаю, что это ее природная глупость. Умных людей у нас очень много, нам надо лишь изменить подход к изучению прошлого. Нас подводит здесь то, что мы в исторических исследованиях придерживаемся того же принципа, что и в исследовании физической материи: принципа жесткого детерминизма¹. К изучению мертвой материи он подходит идеально. Этот принцип заключается в следующем допущении: состояние системы на данный момент и неизменные законы, управляющие этой системой (законы природы) целиком определяют ее состояние в следующий момент. Этот принцип сформулировал в начале XIX века великий французский ученый Пьер Лаплас. Но в исторической науке его применять нельзя. Нашим историкам надо освободиться от принципа детерминизма и освоить совершенно новый подход. Надо понять, что суть исторического процесса совсем не такова, как суть процессов физических. Исторический процесс есть реализация замысла Бога относительно созданного Им человека. Об этом, кстати, говорил уже Арнольд Тойнби², но его никто не услышал. Второй момент, который надо принять к сведению: осуществляя свой исторический замысел, Бог то и дело наталкивается на помехи со стороны обладающего свободой выбора человека. Поэтому Творцу истории то и дело приходится менять Свою тактику, оставляя стратегию неизменной. Если мы учтем эти бесспорные для

¹ Детерминизм – философская концепция, признающая объективную закономерность и причинную обусловленность всех явлений в природе и обществе.

² Арнольд Джозеф Тойнби (1889 – 1975) – английский историк, христианский мыслитель, чей основной труд «Постижение истории» стал событием в интеллектуальной жизни нашего общества, как и метод Тойнби «через постижение действительности постигать Бога, Который раскрывает Себя через движение душ, искренне верящих в Него».

православного человека соображения, нам станет ясно, что никакого детерминизма в историческом процессе быть не может.

Что же нам остается изучать в истории? Прежде всего ее общий смысл, то есть замысел Бога, Его стратегию, а затем – Его тактику, то есть те коррективы, которые по нашей вине приходится вносить Творцу в ход событий. Был вопрос: может ли Бог создать камень, который Сам не поднимет? Народ ответил так: камень не подымет, а землю опустит. Изучая тактику Творца, мы должны фиксировать эти «опускания земли» или, лучше сказать, перестройки маршрута, подобные тем, которые делает спутниковый навигатор, если самовольный водитель поворачивает не туда. Только такая методология адекватна этому сегменту бытия и может привести к познанию истины.

Насколько мне известно, пока никто из профессиональных историков, несмотря на подсказку Тойнби, ею не воспользовался. Придется сделать это нам с тобой. Давай опробуем этот подход на нашей отечественной истории.

Итак, IX век. Великий Навигатор вводит в Свою память конечный пункт движения, пока известный только Ему одному, и мы стартуем. Вначале все идет по плану. Первые Рюриковичи формируют государственность Новгородско-Киевской Руси. Особенно ревностно взялась за это дело княгиня Ольга. Она поняла, что по-настоящему мощной Русь станет только в том случае, если примет единую религию, и лучше всего для этой цели подходит христианство, которое уже пустило у нас корни под влиянием крымско-греческих колоний. Она принимает крещение в Константинополе и просит византийского императора прислать на Русь миссионеров. Однако усиление Руси не входит в планы Константина Багрянородного, и он решительно отказывает в ее просьбе. Тогда Ольга обращается к германскому королю Оттону I, и тот дает согласие. Вот здесь мы свернули не туда. Приняв латинское христианство, мы попали бы под опеку папы, а он повел бы нас в направлении, противоположном цели. И Господь вмешивается в ход событий: первый назначенный Оттоном миссионер, Либуций, внезапно умирает, сменивший его Адальберт затягивает подготовку, а в это время власть на Руси переходит от стареющей Ольги к язычнику Святославу, и когда миссионеры наконец двинулись к нам, им устроили на границе такую встречу, что они едва унесли ноги. Таким образом маршрут в первый раз был перестроен.

С этого момента все снова пошло как надо. Но вот Ярослав Мудрый, с горячностью неопита воспринявший призыв любви, разделил Русское государство между своими сыновьями, в результате чего каждый счел себя обиженным и вступил в борьбу со своими братьями. Так держа-

ва, только начавшая складываться, развалилась, и маршрут снова надо было перестраивать.

В XIII веке Господь попустил монголам покорить Русь, и она стала улусом Золотой Орды. Войдя в состав сильного государства, она сама начала учиться государственности, чему содействовали ханы, которые были заинтересованы в единовластии на подведомственной им территории Руси, ибо это облегчало сбор дани. Так татаро-монгольское иго постепенно адаптировало нас к централизованной державности. Со временем Золотая Орда стала умаляться, а Русь возрастать, и в конце концов Золотая Орда ушла с исторической сцены, а Русь стала монархией. Это произошло в XV веке. В 1448 году закончилась последняя усобица (шемякинская) и Василий II стал единоличным властителем Руси, и в том же году наша Церковь обрела автокефалию. Заметим, что это случилось ровно за пять лет до падения Константинополя. Так тем, кто имеет глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, открылась та цель, к которой Бог направлял движение России. Эту цель коротко сформулировал старец Спасо-Елеазаровой пустыни Филофей в письме Василию III: «Два Рима падоша, а третий [Москва] стоит, а четвертому не быти». Слова «Москва – третий Рим» надо понимать не так, что она стала в тот момент Третьим Римом, а что в этом было ее предназначение. Рим в этом контексте означает православную империю, а в то время Русь была монархией не имперского типа. При последних Рюриковичах она была феодальным государством, хотя феодал был только один – вся Русь. Иван Грозный в письме Курбскому ясно говорит об этом: он владелец земли, а множество управленцев и землепашцев представляют собой лишь арендаторов. В империи все не так – там землей владеет народ, а император есть отец народа. Эта форма единовластия более совершенна, поскольку, чувствуя себя хозяином земли, народ проникается патриотизмом и готовностью защищать эту землю до последней капли крови.

Чтобы стать подлинным Третьим Римом, Русь должна была стать империей, и для этого Богу пришлось перестроить маршрут. Он пресек династию Рюриковичей, и началась смута, соблазнившая поляков и литовцев напасть на Русь. В этот критический момент на защиту Отечества встал весь народ, вдохновленный посланиями патриарха Гермогена, и смута была преодолена. После этой победы народ не мог не почувствовать себя хозяином своей земли, которую он только что отстоял, и новая династия Романовых сама собой приобрела уже имперский статус. Хотя монарх по привычке назывался царем, но это был уже не хозяин земли, а царь-батюшка, а люди были не арендаторами, а подданными.

Под водительством династии Романовых Российская империя развивалась в течение 300 лет. Но не все было здесь гладко. В середине XVII

века осуществлению Божьего замысла стало угрожать самоволие человека, а именно патриарха Никона. Опьяненный непомерным честолюбием, он решил стать главой всего православного мира, и чтобы грекам было легче войти в подчинение Русской Церкви, стал адаптировать наше богослужение к греческому. Возникла угроза восточного папизма. Но реформы Никона вызвали раскол, с которым царю нельзя было не считаться, и Никон был низвержен.

На рубеже XX столетия возник кризис, вызванный повсеместным распространением материализма. Народ перестал чтить царя как Божия помазанника и захотел от него освободиться. Государственность рухнула и началась гражданская война. Спасение могло быть только в восстановлении веры. Но верить в Христа не разрешала наука, а против науки не попрешь. И тут Творцу снова пришлось перестроить маршрут. Он попустил большевиков соблазнить народ учением об освобождении пролетариата от капиталистической эксплуатации, очень похожим на вызволение избранного народа из египетского плена (роль Моисея тут играл Маркс) и об обретении Божьего Царства, только не на небе, которого нет, а на земле (научный коммунизм). В эту псевдохристианскую ересь поверили очень многие, и она сохранила религиозное чувство русского народа до того времени, когда наука отозвала свое утверждение, что Бога нет. Коммунистическая псевдорелигия позволила также восстановить сильное государство имперского типа. Эта работа выпала на долю Сталина. Правда, эта империя распалась в 1991 году, но после очередной перестройки маршрута Путин начал ее восстанавливать, что делает и поныне.

Подведем итоги нашему обзору. Методология, которой мы воспользовались, очень хорошо объяснила нашу тысячелетнюю историю; ясно, что этот подход надо развивать и практиковать. Согласно этой точке зрения в истории нет сослагательного наклонения не потому, что прошедшего не вернешь, а потому, что все в ней происходило так, как надо. Творец истории не допускал ни одной ошибки, то и дело опуская землю, чтобы поднять неподъемный камень и привести-таки Россию к выполнению ее миссии: стать полноценным Третьим Римом, спасителем мира от антихриста. Все события прошлого, представляющиеся историкам нелепыми и вредными, были на самом деле необходимыми и полезными. Если бы не было монгольского ига, не было бы русского государства; если бы не было смуты, не было бы империи; если бы не было раскола, не было бы сегодняшней Русской Православной Церкви; если бы не было бы советской власти, не было бы веры. Критиковать, а тем более осуждать что-либо в истории, значит критиковать и осуждать Бога.

ЖИВЫЕ РЫБЫ ПЛЫВУТ ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

Мы предлагаем вашему вниманию беседу о компьютерных играх с насельником Оптиной пустыни, **игуменом Ипатием (Хвостенко)**¹. Сюда, в эту известнейшую обитель, стекаются сейчас, как и до революции, толпы людей со всей России. И отец Ипатий, почти ежедневно на протяжении многих лет принимая исповедь, конечно, не раз и не два сталкивался с духовными последствиями этих модных забав. Поэтому стоит прислушаться к его словам, ведь расхлебывать последствия всегда труднее, нежели предотвратить. А порой дело заходит так далеко, что и вовсе невозможно расхлебать...

В последнее время специалисты многих стран, неравнодушные к своему народу, с тревогой говорят о разрушительном влиянии компьютерных игр на детский организм и детскую психику. Врачи, самые разные: окулисты, кардиологи, невропатологи, психиатры, – приводят свои доводы. Психологи – свои. Социологи, педагоги – свои. Но важнее всего, на наш взгляд, серьезный разбор этого явления с духовных позиций. Телесное здоровье – это, в конце концов, нечто преходящее. Сегодня есть, завтра нет. А душа бессмертна. Вот только участь ее может ждать разная. И главный долг каждого родителя безусловно состоит в том, чтобы печься прежде всего о спасении души своего ребенка. «Как никто не может рассчитывать на оправдание и снисхождение в собственных грехах, так нет оправдания родителям в грехах детей», – поучал святитель Иоанн Златоуст.

– **Что, на Ваш взгляд, важно знать о компьютерных играх?**

– Мне кажется, компьютерные игры представляют собой одну из самых серьезных опасностей, которые сейчас угрожают миру. Они стремительно захватывают личность и ведут к духовному перерождению человечества, причем к перерождению часто необратимому. Находясь в этом потоке, мы не можем в полной мере оценить масштаб катастрофических последствий, к которым неизбежно приведет приобщение все большего числа людей к компьютерным играм. Душа ребенка, пристрастившегося к ним, уродуется с малолетства. Если таких душ будет большинство, это грозит человечеству, так сказать, духовной мутацией. Таким обра-

¹ Игумен Ипатий (Хвостенко) москвич, окончил Строгановский институт, по образованию художник. С первых месяцев возрождения Свято-Введенской Оптиной пустыни является ее насельником. Опытный духовник, в Оптиной он несет послушание иконописца.

зом сознательно, целенаправленно готовится будущее стадо для системы нового мирового порядка. В этом нет никакого сомнения, потому что на всех уровнях виден глубоко продуманный план разрушения личности человека и, соответственно, общества. Разрушая личность и нормальные человеческие общественные связи, людей хотят превратить в киборгов, которыми можно управлять и которые сами будут стремиться к тому, чтобы ими управляли. У такого киборга будет только одно стремление – получить наслаждение. Святой Максим Исповедник определяет ветхого человека кратко, но очень емко, проникая в самую суть: это, говорит он, когда человек ищет наслаждений и стремится избежать страданий. Такое существо сейчас усиленно взращивается глобалистами. В том числе и при помощи компьютерных игр. Если сейчас этот процесс не остановить, если не будет осознана реальная опасность происходящего, грядет катастрофа. Причем опасность многократно усугубляется тем, что большинство взрослых относятся к ней легкомысленно и начинают бить тревогу только тогда, когда в их семье, с их ребенком начинает твориться неладное. А пока этого не случилось, все попускается.

– Во многих популярных компьютерных играх действуют мистические персонажи, эксплуатируются демонические образы. Психологи, изучавшие данный вопрос, утверждают, что создатели игр специально актуализируют в подсознании игроков архетипы ада. Почему душа так легко захватывается ими? Ведь это же очень страшно.

– Страшно, но душа, не огражденная благодатью Божией, оказывается беззащитной перед темными силами. Даже если дети и получили благодать при крещении, они часто не живут в полноте благодатной жизни Церкви. Они не защищены ни молитвой родителей, ни их чистой жизнью. В семье нет нормальной атмосферы, которая формирует и воспитывает личность. Они не получают благословения священника, не освящаются Таинствами. Сам брак подчас бывает не освящен. Поэтому такие дети оказываются без защиты и легко попадают под воздействие демонических сил.

– Но я знаю случаи, когда дети из вполне воцерковленных семей, дети, которые с малолетства вели церковную жизнь, все равно «подсаживались» на такие игры, тянулись к демонизму.

– Да, бывает и такое. Тайна человеческой личности непостижима. Бог даровал каждому человеку свободу, и обязательно настает момент, когда человек сам делает выбор. Нельзя его заставить жить по совести, как нельзя заставить и жить против совести. Однако можно соблазнять, искушать, подталкивать, создавать условия, делать рекламу. Что, соб-

ственно, сейчас и происходит. Поэтому даже православные дети далеко не всегда могут устоять. А раз так, то должна быть налажена мощная защита против этой чудовищной, необъявленной информационной войны. Хотя, впрочем, она уже объявлена, цели сформулированы, сказано, что враг номер один – это Православие... Прекратить войну можно только всей мощью государственной власти. В данном случае – безоговорочным запрещением губить детские души. Без цензуры, которая обеспечивала бы информационную безопасность детей и подростков, одержать победу не удастся.

– То есть запрещение большинства компьютерных игр необходимо?

Совершенно необходимо! Точно так же, как запрещение всех форм порнографии, пропаганды насилия, оправдания извращений. Если это не будет сделано, дух тления, растление, конечно, будет распространяться. Против него невозможно действовать только силой человеческой. Должна быть сила благодати. А как она осенит власть, которая не противится растлению общества? Все имеет духовное измерение. Может быть власть богоборческая. Она попущена Богом за наши грехи. Не все, что творится вокруг, от Бога. Мир спасен крестной жертвой Агнца Христа, но воля синедриона, добившегося от Пилата распятия Господа, не перестает от этого быть величайшим злом, совершенным на Земле. Поэтому всегда актуален вопрос: кем движимы люди, которые стоят у кормила власти, чью волю они исполняют. Нейтрального положения тут быть не может. Христос сказал: *Кто не со Мною, тот против Меня*¹. И если отвергается камень², на котором все должно строиться в жизни каждого человека, страны, человечества, то строительство идет вовсе не по пути, заповеданному Богом. В таком случае начинается строительство Вавилона, с вполне предсказуемыми последствиями. Но как мы видим, многих эта перспектива не останавливает.

– Можно услышать мнение, что компьютерные игры ничем принципиально не отличаются от сказок. Так же, как в сказках, там добро борется со злом, есть сказочные персонажи. Только тут играющий непосредственно принимает участие в действии, вот и вся разница...

– Это ложь, потому что сказки придерживаются традиционной системы нравственных координат, определение добра и зла в них очень

¹ Мф. 12, 30.

² См. Лк. 20, 17: *Камень, его же небрегома зиждующи, сей бысть во главу угла.*

четкое. Нормальный ребенок, погружающийся в мир традиционной сказки, не отождествляет себя с носителем зла. А в компьютерных играх человек может, при желании, войти в роль отрицательного персонажа. И, соответственно, персонаж как бы войдет в него. Причем отождествление происходит гораздо более полное, а значит, для души это страшнее, чем когда актер играет злодея в театре или кино. Ведь азартная игра – а компьютерные игры, безусловно, азартны – сильнейшим образом разогревает страсти. Она захватывает людей целиком и вызывает более глубокое душевное повреждение.

– **Почему повреждение больше?**

– Играя в компьютерную игру, человек глубже проникает в образ своего персонажа и вообще в игровую реальность. И эта иная реальность подменяет собой реальность жизни.

– **Потому что игры натуралистичны?**

– Да. Человек, увлекшийся ими, начинает жить псевдожизнью и этим наполняет свое существование. Все остальные занятия меркнут по сравнению с игрой. Там, в псевдореальности, он царь и бог. Это страшный соблазн, которому когда-то поддался первый человек, вкусив плод от древа познания, – самому определять и решать все. Дело в том, что, как указывают некоторые богословы, библейское понятие «знание» адекватно на русский язык не переводимо. «Знать» включает в себя еще и значение «судить». То есть сам человек вместо Бога будет судить, что есть добро и зло. И здесь, в виртуальной реальности компьютерных игр, именно это и происходит: человек становится человекобогом. Он – творец новой вселенной с ее новыми законами. По существу, это такой маленький «антибог», который творит мир по своему произволу. Это дает ему ложную, сатанинскую свободу, которая может увлечь человека в страшные, чудовищные бездны. Актер не погружается в роль так глубоко, как игрок в компьютерную псевдожизнь. Она может стать основным содержанием жизни ребенка. Да и не только ребенка. Мы знаем взрослых, которые утопали в этом виртуальном море, и вывести их из этого состояния было невозможно.

– **Значит, главный соблазн тут – гордыня?**

– Гордыня и самоутверждение. Возможность исполнить все свои желания. Отсутствие границ. Главное – «я хочу». Это ж какой соблазн вседозволенности! «Запрещено запрещать». Творится мир, в котором все позволено. В нем для ребенка нет никакой высшей инстанции, с которой он должен считаться. Тут полный простор для ветхого человека и греха.

– Поэтому в детях, увлекшихся компьютерными играми, начинают бурно развиваться все ветхие качества: грубость, агрессивность и т. п.?

– Да. Ветхий человек вообще более груб по сравнению с новым, и ему нужно более жестко и определенно ставить границы дозволенного. А в виртуальной реальности этого как раз нет!

– Часто возражают, что не все же игры плохие. Есть и хорошие. Например, про Великую Отечественную войну, где подросток играет «за наших»? Дескать, что в этом плохого? Но почему-то даже когда дети регулярно играют в «хорошие», вовсе не демонические игры, у них все равно развиваются раздражительность, черствость, эгоизм, истеричность; они все равно грубо реагируют на попытки отвлечь их от компьютера, у них все равно сужаются интересы. Почему вроде бы хорошее занятие приводит ко злу? Ведь когда дети играют в салочки, дочки-матери, моряков, пожарных, в них не развивается жестокость. Да даже игра в казаки-разбойники, насколько я знаю и по своему детству и по детству других поколений, не приводила к развитию жестокости, хитрости, корыстолюбия и прочих пороков, которые развиваются под воздействием компьютерных игр. Почему так происходит?

– Раньше, когда дети играли в дочки-матери или казаки-разбойники, им не требовалось долго объяснять, что можно, а что нельзя, что добро, а что зло. Мир был другим, он был еще с какими-то естественными, общечеловеческими нравственными устоями. Все-таки в быту люди еще, в основном, придерживались принципа «не делай другому того, чего не хочешь себе». Сейчас мир вокруг изменился. Нравственные ценности размыты, а то и перевернуты. Дети дезориентированы. Даже в традиционной ролевой игре могут появляться сомнительные или откровенно безнравственные сюжеты.

– Да, некоторые девочки, насмотревшись сериалов, играют в то, что у их Барби есть муж и любовник.

– Вот-вот... В обществе фактически создан режим наибольшего благоприятствования для развития пороков как у детей, так и у взрослых. А на это накладываются еще и особенности компьютерных игр. В них царит совсем иной дух. Нигде, ни в какой традиционной игре ребенок не является царем и богом, нигде так не подпитываются властолюбие и гордыня, как в компьютерных играх. «Делай, что хочешь» – сатанинский принцип. Он может быть прикрыт благими намерениями, образами героев, которые вроде бы борются со злом (как в играх про Великую Отечественную войну), но это подмена. В этом, собствен-

но, и состоит коварство диавола. Мы же знаем: он может принять любую форму, чтобы скрыть свою сущность. И именно такая подмена как раз наиболее опасна, потому что она сразу не опознается. Но сказано же: *По плодам их узнаете их*¹. А плоды налицо, вы их перечислили: развитие раздражительности, гневливости, эгоизма и т. п. Кроме того, подобные «хорошие» игры часто служат лишь ступенькой по направлению к «плохим». И потом, святые отцы не зря запрещали человеку в духовной жизни погружаться в стихию воображения. Воображение – низшая способность души, которая полностью открыта действию демонических сил. А в компьютерных играх как раз все делается для того, чтобы именно в эту стихию была ввергнута беззащитная детская душа. Несформировавшаяся, еще, не знающая четких ориентиров добра и зла. Она пока в становлении, хрупкая, нежная. И именно в этот момент ее начинают развращать.

– Раньше дети нигде не могли увидеть образы ада. Только на иконах, но и там они показаны весьма сдержанно. В компьютерных же играх ребенок видит бесов в больших количествах. Либо непосредственно, если игры имеют ярко выраженный демонический характер, либо слегка прикровенно, под видом каких-нибудь орков, монстров. И воображение населяется этими «героями». Раньше, когда ребенок думал о сказочных персонажах, он опирался на свои детские представления об обыденных вещах или на рисунки в книжках, которые всегда старались сделать не страшными. И уж конечно там не было адских персонажей. А в компьютерных играх происходит и знакомство, и контакт с ними. То есть это уже не просто плод воображения ребенка, а плод воображения многих людей. В том числе и таких, которые делятся с ним не своими фантазиями, а оккультными знаниями, приобщая его к тому, о чем никому, не только детям, знать не следует. Может быть, в этом самая главная опасность компьютерных игр! Причем в одну и ту же компьютерную игру дети играют гораздо чаще, чем смотрят один и тот же фильм, поэтому душа от них повреждается серьезнее и быстрее...

– Да, тут совершается настоящее духовное преступление. Ведь Господь одел падшего человека в кожаные ризы. Имеется в виду такая дебелисть плоти, которая защищает людей от непосредственного воздействия, от насилия со стороны диавола и сатанинских сил. Это великая милость Божия, что для нас, людей, не достигших определенной меры духовности, мир падших духов скрыт. Он настолько страшен, чудовищен, что от одного вида бесов человек может сойти с ума

¹ Мф. 7, 16.

или умереть. А тут служителями дьявола демонические образы сознательно выводятся из бездны ада, выводятся через воображение, вдохновение, полученное от темных сил. А образ всегда связан с первообразом. Просто так человек не будет изображать вампиров, людоедов, человека-паука. Совершенно ясно, из какого источника черпаются такие «творческие замыслы».

– **Причем авторы стараются придать этим сущностям привлекательный вид.**

– Да, чтобы на первых порах усыпить бдительность. А когда игроки втянутся, можно уже и не маскироваться. Парадоксально, но многих людей страшное привлекает. Это одно из проявлений в нас падшего человека. Не будь у нас такого парадоксального влечения, зло вызывало бы безоговорочное отторжение. А этого не происходит. Человек и отталкивается, и одновременно влечется к страшному, ужасному. Когда бывает перейдена определенная грань, человек входит в реальность зла, и она перестает быть для него противоестественной. Зло уже не воспринимается негативно, а становится некой иной, тоже возможной реальностью, которая вполне имеет право на существование и дает человеку новые ощущения. Очень острые, очень сильные. Они расширяют спектр переживаний, пресыщенная душа начинает искать их, происходит все большая демонизация, сатанизация человека. Сейчас мир вокруг нас, в том числе и мир детства, все откровенней демонизируется. Это страшно. Взять хотя бы детские книжки, детские журналы. Мы прекрасно помним, какими они были в 60 – 70-е годы. «Веселые картинки», «Мурзилка»... Помним, какие в них были простые, добрые, хорошие рисунки. А что сейчас? Многие детские книжки насквозь пропитаны демонизмом. На рисунках изображены какие-то убудки, уроды, маленькие, но уже растленные, развращенные, жестокие существа. Это унижение человека, глумление над образом Божиим. В чем дело? А в том, что таковы творцы рисунков. Они несут в себе эту демоническую энергию и передают ее детям.

– **В нашем представлении сатанисты – это те, кто участвует в каких-то жутких ритуалах, черных мессах. Но ведь и через такие игры происходит приобщение к темным силам. Ребенок тянется к ним, может даже по сюжету действовать с ними заодно. А это ведь уже аналог участия в каком-то демоническом действе, да?**

– Это контакт. Непосредственный контакт через образ. Причем это не просто рассматривание картинки, а контакт в виртуальной реальности с неким живым существом. Ведь для игрока персонаж, с кото-

рым он взаимодействует во время игры – живое существо. И дух, которым движимо это существо, конечно, влияет на игрока.

– Так, может, в этом-то все и дело? Может, именно поэтому так меняется личность игроков? Играя, взаимодействуя с адскими персонажами, они вольно или невольно принимают их дух, заражаются им?

– Да, происходит заражение. Недооценивать опасность тут весьма легкомысленно. Конечно, компьютер сам по себе может существовать, он – очень удобный инструмент. Но надо понимать, что с духовной точки зрения – это слишком мощное средство воздействия, которое может нанести душе страшное, необратимое повреждение, привести к полному распаду личности. Человек, захваченный демонизмом, перестанет быть человеком, опустится ниже зверя, станет бесподобным.

– Когда заводишь разговор о вреде компьютерных игр, некоторые люди реагируют очень агрессивно. Они не просто выражают свое несогласие, а начинают раздражаться, яриться, кричать. Напоминает реакцию одержимого человека.

– Такое поведение говорит само за себя. По законам духовным одно это уже их обличает. Ведь раздражение, гнев – яркие свидетельства того, что люди действуют по страсти. Так что подметили Вы совершенно правильно, такая реакция свидетельствует об одержимости. И это лишний раз доказывает, что компьютер – не простой инструмент. Не молоток, с которым его любят сравнивать: дескать, и молотком можно убить, а можно забивать гвозди и делать прочие полезные дела. Из-за молотка такие страсти не разгораются.

– Когда рассказываешь о вреде компьютера – а он вреден по всем статьям: и глаза страдают, и сердце, и мозг – даже малой толики сказанного достаточно, чтобы родители забеспокоились и в дальнейшем постарались оградить ребенка от вреда. Причем говоришь ведь не только от себя, а ссылаешься на самых разных специалистов, докторов медицинских наук. Но у людей – конечно, не у всех, но у многих – это вызывает странную досаду. И в ответ слышатся какие-то нелепые, неадекватные возражения. Им говоришь, что это страшный яд, отравка, а они: «А как же он будет жить в этом мире?». Представьте, Вы сказали бы людям, что их детям приправляют еду мышьяком. А они бы возразили: «Но все же едят, пусть и мой ест! Он не должен чувствовать себя белой вороной». Что-то, наверное, произошло с родителями? Какая-то духовная порча?

– Это произошло в глобальных размерах. Уже открыто объявлено, что мы живем в постхристианскую эпоху. Дескать, христиан-

ские ценности себя изжили, память о них должна умереть. Мы идем к полной свободе, свободе от совести, от того естественного духовно-нравственного закона, который вложен Богом в сознание человека. И если человек не понимает, что мир лежит во зле и идет борьба за душу каждого, если он плывет по течению, то понятно, куда его это течение приведет. Мы же знаем, чем закончится история человечества, это нам Богом открыто, тут двух мнений быть не может. Нас не ждет никакой период расцвета и универсальной духовности, когда все человечество объединится в бесконечно счастливый, лучезарный, свободный мир. Это ложь и соблазн отца лжи. Но понятно это, увы, не всем. Сказано же: имеющий уши да слышит, имеющий очи да видит¹. Для одного очевидно, а для другого – нет. Если человек не просвещен Духом Святым, Духом Истины, то он в большей или меньшей степени помрачен или оболещен. И каждый по-своему, под воздействием своих страстей, тем или иным духом прельщается. Если плыть по течению, занимать конформистскую позицию, конечно, духовное зрение будет закрыто. И на первый план выступит именно тот аргумент, который и приводят такие родители: «Надо принимать то, что принимает большинство. Главное не чувствовать себя белой вороной». В конечном счете, все в жизни определяется одним вопросом. Можно ли, положим, перед лицом Христа играть в эти игры? Как воспримет эти игры Ангел-Хранитель, который есть у каждого человека? Не будем ходить вокруг да около, скажем прямо. Демонические игры – агрессивные игры, игры, внедряющие в сознание искаженную, смещенную, перевернутую систему ценностей, игры, распалаяющие низменные страсти – суть игры ада.

– А что Вы скажете о попытках создать православные компьютерные игры? Например, такую: человек приходит в храм, его встречает священник, водит по храму, показывает, рассказывает?

– Это подмена. Для того, чтобы познакомиться с храмом, не нужно быть в псевдореальности. Нужно идти в благодатный, освященный храм, общаться с живым священником, с живой мамой, с живым папой, жить нормальной жизнью. Ведь и во время антихриста будет существовать так называемая «церковь» и так называемое «православие». Оно может существовать. По крайней мере, до тех пор, как антихрист не потребует поклонения себе как богу. К тому времени человечество фактически уже потеряет разум, обезумеет. И сейчас уже происходит постепенная потеря ума в высшем смысле этого слова, как ду-

¹ Ср. Откр. 2, 7.

ховного начала в человеке, потому что ум в святоотеческом понимании – дух. Это орган восприятия духовного, орган богообщения. И именно он сейчас извращается, в том числе новыми, весьма изощренными способами. А форма останется, только она будет наполнена совсем иным содержанием, иным духом. Мы же, те, кто хочет остаться со Христом, должны обязательно помнить, что живые рыбы – образ христианства – плывут против течения. Господь не зря дает нам эти символы, эти образы. Дает, чтобы мы видели их и – умудрялись. К сожалению, на сегодняшний день мы можем говорить только об охране ребенка внутри семьи. Тем большая ответственность ложится на родителей в этом противостоянии сил.

Беседа вела Т. Л. Шишова

Прежде чем усаживать ребенка за компьютер или телевизор, подумайте, не вытеснят ли они живую игру и не породят ли зависимость. Ведь положив перед ребенком карандаш, альбом, пластилин или конструктор, вы создаете условия для творчества, которое разовьет волю, изобретательность, умение ставить цель и планировать, – вы даете ребенку шанс самому стать творцом. И, как учил прп. Порфирий Кавсокаливит, «надо больше Богу говорить о ваших детях, чем детям о Боге. Потому что молитва, она как стены, которые семья возводит вокруг своего маленького мира... Надо молиться и заботиться о профилактике зависимости, потому что Господь спросит, куда мы ввели своих детей, чему их учили... Дети – это не наша собственность, это Божий дар нам. Господь спросит, в каком состоянии мы передали этот дар Ему».

Шишова Татьяна Львовна родилась в 1955 г. в Москве. Окончила Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы по специальности преподаватель русского языка и переводчик.

Детский педагог, психолог, общ. деятель, эксперт и вице-президент «Фонда социальной помощи семье и ребенку», член Союза писателей России, публицист. Основная тема работ – проблемы подрастающего поколения. Активный противник политики ограничения рождаемости, пропаганду которого ведет Ассоциация планирования семьи. В соавторстве с И. Я. Медведевой Т. Л. Шишовой выпущены книги «Гроянский конь ювенальной юстиции», «Безобразия в образовании», «Потомки Царя Ирода. Планирование семьи – планирование небытия», «Христианские ценности или “гуманизм” Содомы» и многие другие.

МОЛИТВА НА СВЯТОЙ ГОРЕ

Нас восемь. Двое из нас в прошлом боевые офицеры, священник, депутат губернской думы, менеджер строительной компании, бизнесмен, писатель и автор этих заметок. Кому за тридцать, иным за шестьдесят, – все мы сошлись в желании побывать на Святой Земле. У одного из нас деревянный посох оттуда, с Афона. Днем позже лакированные посохи со стальными остриями купят все. Из пассажиров авиарейса «Самара – Салоники» посохи обратят нас в паломников. А пока под гул турбин лайнера вижу в «иллюминаторе памяти» бредущих в столетней дали туда же, куда летит «Боинг», наших пра-пра...дедов.

Тоже с посошками, за спиной котомка: сухари, запасные пары лаптей, узелок с родной землицы... Идут недели, месяцы. Секут ливни, палят солнце, ночуют, где застанет темень, едят, что подадут. Измахряются лапти, стирается березовый посошок. Дочерна загорелая кисть троепрстием вскидывается ко лбу: «Господи, помилуй!..»

А мы с нашими лакированными посошками за восемь евро? Вчера глядели на Волгу, наутро купаемся в Эгейском море. Кто мы?.. Что нами движет? Устремление к древним православным святыням для укрепления веры? Поиск ответа на терзающие душу вопросы бытия? Желание хоть на время убежать от безумного мира? Соприкоснуться с жертвенной жизнью людей, посвятивших себя Богу? Освободиться от тяжких грехов, мучающих и после исповеди?..

«ПРОСТИ, БРАТ...»

Утро. Солнце. Ветер. Не греческая весельная галера – громадный корабль-паром подминает серебряную рябь Эгейского моря. Все три палубы полны паломниками. Двенадцать языков. Едят, пьют, хохочут, фотографируют горный зеленый склон, острия торчащих из воды скал, друг дружку. Выделяются русские священники в черных дорожных подрясниках. Один из них у борта кормит с ладони кружащихся чаек. Кроткие ясные глаза, добрая белозубая улыбка. Может ли такое лицо исказиться гримасой безумной злобы?

Сергей Александрович Жигалов родился в 1947 году в с. Кандауровка Курманаевского района Оренбургской области. В 1974 году окончил филологический факультет Куйбышевского госуниверситета. Работал заместителем редактора в областных газетах «Волжский комсомолец» и «Волжская коммуна», собственным корреспондентом «Известий» по Куйбышевской области. Автор книги «Дар над бездной отчаяния». Член Союза писателей России. Живет в Самаре.

Двор Свято-Пантелеимонова монастыря

Ни в поведении, ни в лицах не углядываю благодатных токов святой земли. Разве что не слышно ни одного грязного слова. И то слава Богу. И еще во всем этом многолюдии нет ни одного женского лица. «Почему?» И в ответ за серебряной рябью времен «золотого руна» проступает царственная девичья фигура на берегу Афона. Направляется к воротам древнейшего монастыря Ватопед. Это год 422-й. «Остановись!» – Вскидывает гордую главу: кто осмелился возвысить голос на нее, Феодосию, дочь великого императора Плакиды? Оглядывается и видит вокруг склоненные головы монахов. Почудилось? Делает шаг, потом другой. И вновь слышит: «Остановись. Да не ступит нога женщины на монастырский порог!» Голос исходит от находящейся при входе иконы Божией Матери. Феодосия послушно отступает.

С того времени по нынешний день афонские монахи свято соблюдают запрет: нога ни одной из дочерей прародительницы Евы не ступала на Святую Гору. От греха подальше не держат на Афоне и рабочего скота женского пола: кто бы еще ввел запрет здесь на мысли о женщинах...

Вот являются на горном склоне золотые кресты над зелеными куполами храмов русского Свято-Пантелеимонова монастыря. Стальной язык носовой части парома плашмя ложится на бетонную ладонь причала.

Сходим на берег. Поднимаемся к монастырским воротам. Стучат о камни посохи. Пригодились – и еще как пригодятся дальше. Пока идем, вспоминаю рассказ одного из наших. Сюда, в Пантелеимонов, приехали как-то два самарских банкира, идут по территории монастыря, навстречу монах. «Брат, как пройти в церковную лавку?» – спросил один из банкиров. «Пес смердящий тебе брат», – сурово свел брови монах. Оскорбившийся ответом потом всю ночь ворочался. Утром чуть свет разбудил приятеля: «Поехали отсюда...».

«Случай совсем недавний, значит и нас так могут встретить, – под стук стали о каменные ступени высеклась усмешливая мыслишка. – А действительно, почему они, аскеты, молитвенники должны брататься с нами, пришельцами из мира жестокости, лжи, преступлений, обремененными множеством страстей и пороков?..»

«Вспомяни, окаянный человеце, како лжам, клеветам, разбою, немощем, лютым зверем грехов ради порабощен еси...», – и про нас эти слова из покаянного канона ко Иисусу Христу. «Так на кого обижаться: на монаха? На правду?»

С такими помышлениями прохожу на монастырский двор, готовый к неласке. Но нет. Встречают – как братьев. Предлагают чай, фрукты, сладости... Ведут на ночлег. Белые наглаженные простыни, пушистые одеяла.

Один из послушников просит помочь развесить только что выстиранные простыни и полотенца. Приносит в больших чанах. Не чинясь, наши два полковника и бизнесмен, и директор, и писатель с усердием принимаются за дело. Отец Георгий ловко управляется с гладильной машиной. Стопкой складываю сухое. Маленький урок смирения. Исполнив послушание, возвращаемся в свою комнату. Один из наших как лежал после трапезы, так и лежит кверху брюхом. «Что же ты, пес смердящий, не пошел со всеми?» – сказал полушутя, но прозвучало грубо. Совесть вернет меня к этому, когда буду стоять в храме в ожидании исповеди.

В три ночи колокол зовет всех на молитву. Темень. Небо сверкает крупными комьями звезд. Плеск волн, шорохи подошв о камни. Монахи, паломники стекаются в храм. В неверном пламени свечей иконы на стенах и колоннах как бы оживают, трепещут, дышат.

С непривычки под монотонное течение службы скоро наваливается дрема. Неподалеку в уголке темнеет будто ком одежды – придремавший молодой монашек. Но летят из алтаря извечные великие слова: «Слава отцу и Сыну, и Святому Духу...». Монашек вскидывается, осеняет себя крестным знамением.

По себе сужу. Не дремлет он, молится, весь ушел в молитву, а ты приехал на Афон спать?.. Замечаю, как при пении Херувимской огромный,

Самарские паломники с Владыкой Сергием в Свято-Пантелеимоновом монастыре

как каланча, с бородой в пояс монах рушится на колени, утыкается лбом в пол. Широоченное коромысло плеч под мантией сотрясается от рыданий.

Он, умерший для мира, посвятивший жизнь служению Богу, так сокрушается о своих грехах. Омывает слезами. А мы?.. Сколь искренни наши раскаяния? Выжать бы из своего окаменелого, заполированного мирскими страстями сердца хотя бы одну слезинку...

Под ночными сводами монастырского храма приходит осознание, что не в войнах в Ираке и Сирии, не на полях сражений Украины, а здесь, в «тишине и уповании», решаются судьбы мира. Тут, в Афонских монастырях, долгими столетиями денно и ночью длится невидимая миру битва истины с ложью, добра со злом, любви против ненависти. В рядах православных воинов сонмы святых, а вместе с ними и этот юный монашек, и рыдающий седобородый аскет возносят светозарные мечи молитвы к небесам, рассекая сгустки вселенского зла...

И кто в этой битве мы, притекающие под защиту стен древних святых обителей? Дружинники, помощники воинам Духа в их борении с легионами князя тьмы или же балласт, обуза, искушение?..

ПОСЛЕ ПРИЧАСТИЯ

Исповедовались. Причастились из рук Владыки, Митрополита Сергея Самарского и Сызранского, оказавшегося в то же время на Афоне. Порадовались. Вглядываюсь в своих сотоварищей, удостоившихся Святого Причастия, в себя, грешного. Частица Тела и Крови Христовой ста-

ла нашей частью, но стала ли основной, сутью? Все также празднословим, рассказываем анекдоты, толчемся в церковной лавке: «Это настоящая иконопись красками, а это шелкография... Смотри, брелок оригинальный, внутри иконка... Всего полтора евро стоит». Где она, чистота помыслов? И как непросто укрыться от мира даже за монастырскими стенами.

На другой день горной тропой направляемся в сторону Святой Горы. Скалы, лес, море внизу. Нагретые солнцем цветы источают чудные, как при каждом в храме, запахи. Да и сам Афон представляется нерукотворным храмом с голубым небесным куполом. Горная речка, сосны, кусты ежевики, лазоревые цветы по бокам от тропы, мохнатые, зеленые шары каштанов под ногами, – живая икона кисти всемирного Творца. И ты Промыслом Божиим помещен внутрь этой чудной живой ипостаси. Чем ответишь Создателю на сей великий дар?

Вьется меж деревьев тропа. Справа кусты, обрыв, далеко внизу море. Гляди, наслаждайся, радуйся, благодари Творца.

...Крутой склон. Сзади слышу топот, сторонюсь. Обгоняет караван навьюченных поклажей мулов. Над мокрыми от пота животными облачко мелких мушек. Двигаюсь следом. Мысли все вьются вокруг Шелдона. И вдруг чувствую во рту муху. Выплюываю и явственно понимаю, что после причастия, трапезы под чтение житий святых, после прикладывания к святым мощам вот такие воспоминания и есть «муха» в просветленном благодатью сознании.

КУСОЧЕК САХАРА

Тропа крута, извилиста и бесконечна. Кончается в баклажках уже теплая вода. Сохнут губы, ноют с непривычки ноги. На закате подходим к келье Панагия. По преданию сюда, на полторы тысячи метров над уровнем моря, восходила некогда сама Божия Матерь.

Утром встречные русские паломники, спустившиеся с Панагии, уверяли, что тут много народу и негде будет ночевать. Келья действительно невелика. Прихожая с камином, колодцем и длинным столом и впрямь полна паломниками. В комнате для сна, уставленной в два яруса кроватями, находится место старшим из нашей группы, молодежь устраивается на свежем воздухе в спальнях мешках. Но сперва молитва, потом трапеза: консервы, остатки «былой роскоши» на импровизированном из ящичков столе перед кельей.

Наша площадка круто обрывается вниз. Под нами скалы, море, чайки. Близится вечер. На наших глазах свершается космическое чудо. Незримый Вселенский Живописец окунает багряную кисть солнца за ска-

Афон с вершины

лы в море. Сквозь ультрамарин морской глади и синеву неба проступает румянец зари, как обещание нового дня. Сумеречный блеск моря, густеющая дымка у горизонта. Нет, слова бессильны, лучше фотокамера. Ловлю в «окошечко» море, дымку, горб протянувшегося утеса, человеческие фигурки у обрыва. Оттуда долетают голоса. Вдвоем с товарищем идем по «плавнику» утеса на голоса. Молодые ребята с таким же молодым священником вычитывают вечерние молитвы: «Достойно есть, яко воистину, блажити Тя Богородицу...»

По преданию, именно здесь, на Афоне, родилось начало этой чудной молитвы. В одном из монастырей расскажут, как некогда послушнику, вопрошавшему, как молиться Небесной Игуменье Афона, явился в облики незнакомого монаха архангел Гавриил и пальцем на камне написал слова: «Достойно есть...»

В сумерках на площадке перед кельей при свете фонарика паломники читают последование ко Святому Причащению. Ночью их группа во главе с пожилым епископом уходит на Святую Гору, чтобы на рассвете отслужить на вершине Литургию и причаститься. Молимся и мы с ними. Зажмуриваешься, и кажется, будто не ветер с гор, а эта общая молитва вздымает тебя на своих крыльях к вершинам Истины, Любви, Милосердия...

...Жарко пылает камин. Вдобавок к вечерней трапезе пьем чай. Тесно от все подходящих снизу паломников. Улей. Но, как и на пароме, ни одного грубого или скабрёзного слова. Каждый готов помочь, услужить, поде-

На вершине

литься. Рослые чернородые грузины угощают вином и консервами. Украинцы из Киева, отец с сыном священником, теснятся, уступая место у камина. Улыбчивый парень из Сергиева Посада греет для всех чайник. Ведь можно, можно жить вот так славно: с верой, милосердием и смирением!.. А не как те, что поистине с сатанинской злобой бомбят Славянск и Донецк.

Сквозь сон слышу, как поднимается и уходит на Гору ночная группа. Мы же начинаем подъем на рассвете. Вселенский Художник опять извлекает из моря солнечную кисть. Золотит утесы, осеняет голубым небо и море, оживляет палевые облака, серебрит морскую

зыбь. Господи, хорошо-то как! Как чудны Твои дары! И в лазури неба, и в кусочке сахара. – Два года назад по этой же тропе поднимался один из нашей нынешней группы. Вдруг у него начался приступ гликемии: резко упал сахар в крови. Чтобы снять, требуется съесть что-то сладкое. Ни у самого А., ни у товарищей по восхождению ничего такого не оказалось. Из последних сил добрал до вершины Святой Горы, переступил порог крохотного Храма Преображения Господня и глазам своим не поверил: на подоконнике белел кусочек сахара. Положил под язык и ожил...

Вот и мы, восьмером, на вершине. Двое из нас в прошлый приезд на Афон смогли дойти лишь до Панагии, а теперь вот и сюда взошли. Ветер. Под нами облака и птицы. Счастливые лица, души в радостном парении: сподобил Господь, не отринул. Собираемся у изножья огромного креста, венчающего вершину – фото на память. Заходим в церковь. Вглядываюсь в иконостас, и сердце окатывает радостью. Тихо сияет скромная русская икона с изображением святого мученика Государя Николая II и Его Семьи. Божиим Промыслом кусочек духовного «сахара» нам, русским, здесь на вершине.

В угашение гордыни приходит смиренная мысль: «Да, хорошо взошли, потрудились, преодолели сомненья, лень... Но душой-то? Поднялся ли ты душой ко Святой вершине? Отринул суетность, самолюбие, чувственность, гордыню, гнев?.. Вглядываюсь внутренним зрением в тщет-

Молебен на Горе

ной надежде углядеть у подножия Горы среди камней отброшенные иссыхающие восемь главных страстей человеческих: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость. Но, видно, рюкзак с вещами остался там, на Панагии, а страсти со мною – колющими репьями торчат в душе... Отсюда, с Афонской Горы, особенно явно видится, сколько трудов надо положить, какие искушения претерпеть на пути исполнения заповедей, преодолевая эти страсти.

Спускаемся с горы к золотящимся под нами облакам, к морю, к монастырям. Теряя высоту над уровнем моря, подольше сохранить бы там, в миру, высоту духа, обретенную у Афонского Креста.

ЧУДОТВОРЕНИЯ

Бегут из-под пера строки. «Сестра таланта» отчаянно борется с желанием пространно рассказать об укладе, преданиях афонских монастырей и, в отсутствие «родного брата», проигрывает.

Но как не сказать об известной всему христианскому миру истине, что Святая Афонская Гора пребывает под покровительством Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии. Сие место назначено Ей уделом для проповеди евангельского слова. Игуменья Святой Горы.

Денно и ночью долгими столетиями возносят афонские монахи моления ко Господу Богу и Пречистой Его Матери об «оплетшемся во зле» нашем безумном мире. Следы зла видим и здесь, в голубом афонском небе. Белые стрелы с черными наконечниками военных истребителей пронза-

Хиландар

ют пространство над полуостровом. Но и реактивный гул утишает святая молитва. Может статься, греческие военные легчики тоже прикладываются к иконам Игуменьи Святой Горы в афонских монастырях. К таким, как чудотворная икона Божьей Матери «Троеручица» в Хиландарском монастыре, где после Святой Горы мы нашли на одну из ночей приют.

Почти тысячу лет существует этот сербский монастырь. История образа «Троеручицы» связана с жизнью преподобного Иоанна Дамаскина, некогда служившего при дворе дамасского эмира. Византийский император-еретик Исав оклеветал богослова и ревностного борца с иконоборческой ересью, обвинив в заговоре против эмира. Тот приказал отсечь святому руку. После свершения казни Иоанн, стоя ночью на коленях перед иконой Богородицы, слезно просил исцеления, приставив отсеченную кисть к обручку. Свершилось чудо: кисть приросла.

В благодарность за исцеление святой заказал отлить серебряную кисть руки и приложить к иконе. После этого Иоанн принял монашеский постриг и удалился с этим образом в Лавру преподобного Саввы Освященного. Там «Троеручица» пребывала пятьсот лет. Потом образ был передан в Сербию. Во время смуты икону возложили на осла и пустили странство-

вать по воле Царицы Небесной. Осел пришел к воротам святогорского Хиландара... А теперь вот и мы, грешные, сподобились молиться у этой святыни.

Посмею рассказать еще об одной – Иверской иконе Божией Матери – уже потому, что милый сердцу самарский монастырь носит Ее имя. Иверский монастырь на Святой Горе был основан в конце X века выходцами из Иверии. Ныне эта обитель греческая. Невдалеке от монастыря на берегу моря у Климентовой пристани с того момента, как Богородица ступила на Святую Землю, более тысячи лет бьет чудотворный источник.

В давние времена иконоборчества ворвавшийся в христианский дом воин ударил в образ Богородицы копьем и в ужасе отпрянул: по лику заструилась кровь. Владелица иконы, благочестивая вдова, спасая образ от поругания, отнесла его к морю и с молитвой опустила в волны. Минули века. И однажды монахи Иверона увидели исходящий из моря столп света до небес. Это была стоймя приплывшая к берегам Афона икона Божьей Матери с отметиной копья... Чудотворную икону поместили над воротами обители и стали называть «Вратарница».

Не удержусь процитировать слова русского паломника-пешеходца XVIII века Василия Григоровича-Барского: «В сем прекрасном, при внутренних воротах монастырских созданном, храме в иконостасе вместо местной обычной Богородицы стоит некая святая и чудотворная икона, проименованная от древних иноков Портаитисса, то есть Вратарница, зело ужасно-зрачна, с великими очесами, держащая на левой руке Христа Спасителя... и, кроме того, испещрена многоценными камнями и монетами золотыми от различных царей, князей и благородных бояр, дарованными за многия Ее чудотворения, идеже и Российских царей, цариц и царевен, императоров же и императриц, князей и княгинь монеты же золотые и иные дары повешены видел своими очами».

По преданию перед концом света и Афон погрузится в пучину страстей. И тогда икона покинет Святую Гору. Это явится одним из предзнаменований скорого второго пришествия Спасителя и знаком для монахов уходить с Афона...

Стоишь перед такими образами в смешении чувств страха, восторга, умиления, душевного трепета. Помню, в музее Хиландара огромные темные полуисточенные древесным червем доски икон. Пятьсот восемьдесят лет. Из глубины веков глядят на тебя святые лики. Упасть бы перед ними на колени вослед за тысячами монахов и паломников. И молиться, молиться до полудня, до захода солнца. За детей, за внуков, за всех родных, за друзей, за ненавидящих и обидящих нас, за «тихое и безмолвное житие во всяком благочестии и чистоте...»

Андреевский скит

Но живая очередь паломников, разговоры, вспышки фотокамер... Привлекает внимание небольшая икона русского письма внизу витрины. В подписи под ней разбираю всего одно слово «Москва». Экскурсовод, молодой улыбчивый монах, тоже в очках, поясняет на русском: «Икону сию подарил монастырю русский царь Иоанн Грозный, и еще у нас есть две его грамоты». Говорит так радостно, будто русский царь вручил грамоты только вчера и лично ему.

Глядим, спрашиваем, фотографируем, крестим лоб и бежим дальше: не выбиться бы из графика запланированных посещений. Буквально на час заходим в Андреевский скит. До недавних пор он был русским. Со смертью последнего нашего монаха перешел к грекам. Огромный, невиданной красоты собор. Красочные старинные росписи стен. Чудные, обрамленные в серебро и золото иконы. С одной из колонн глядят на меня глаза северного по духу иконного лика – моего святого преподобного Сергия Радонежского. Высок, не достать. Привстав на цыпочки, прикладываюсь к уголку иконы.

Здесь русский дух, здесь Русью пахнет. Остаться бы здесь. Заночевать, помолиться. Но скоро автобус на Ватопед, один из самых древних и знаме-

нитых монастырей Афона. Оглядываюсь и раз, и другой, и третий. Отсветами былой славы Великой Русской империи сияют золотые кресты куполов: «Куда, братья-россияне, спешите, побудьте под моим кровом, помолитесь...». Закипает слеза, щемит сердце. Огромный, комфортабельный автобус везет нас по горной дороге и утыкается в шлагбаум. Страж с сухим непроницаемым лицом проверяет документы, уходит созваниваться с Ватопедом и... высаживает нашу группу. Мы не известили заранее монастырь о своем прибытии. И там для нас нет мест для ночлега. Кто-то огорчен, возмущается, но недолго. Не иначе как Господним Промыслом приостановлен наш суетный бег. Возвращаемся в Андреевский скит! Аллилуйя, аллилуйя, слава Тебе, Боже!

Прямо как блудные сыновья под сенью отчего крова. Удобные новые кровати, белоснежные простыни, пушистые одеяла. Вечерняя служба в храме. Обильная трапеза, разве что без «упитанного тельца» (монахи на Афоне не вкушают мяса). И со всем этим приходит ощущение сопричастности былому величию поверженной в 1917-м русской православной империи. К святой царственной мощи, удерживавшей мировое зло. Память листает страницы событий, предшествовавших созданию Андреевского храма на Афоне.

Год 1867-ой. Восторженные толпы парижан приветствуют русского царя. Золоченая коляска, запряженная блестящими рысаками, катит по усеянной цветами мостовой. Александр II и французский президент Наполеон III приветствуют встречающих. Но что это! Человек в черном запрыгивает на подножку коляски и в упор стреляет в русского царя. Офицер охраны успевает ударить убийцу по руке. Пуля вместо царского сердца вонзается в круп рысака.

И такое зло Господь обратил в добро. В благодарность о счастливом исходе этого покушения на Александра II и был построен величественный храм на Афоне.

...Утренняя служба здесь тоже начинается в три ночи. Полупустой храм. Мерцание свечей. Напротив Царских врат близко к алтарю стоит инвалидная коляска. Наверху над ней огромное, чудного литья паникадило с серебряной фигурой воскресшего Христа.

Мне сбоку видна седая лопата бороды инвалида в коляске, темное худое лицо аскета. Под мелодичное греческое пение он тянет похожую на изгрызенную орлиную лапу руку к серебряному Христу.

«Живое, сросшееся с коляской человеческое корневище славит Бога, а мы? С руками-ногами, здоровые, преуспевающие, ставим наперед свое житейское, греховное...». – Отхожу в правый притвор Александра Невского. Полутемно, ни души. На стене роспись: распятый на кресте Христос: «По-

В скиту Крумница с отцом Николаем Генераловым

милуй нас, Господи! Не сораспинаем с Тобой, а своими страстями и похотями вослед за римскими легионерами распинаем Тебя и поныне... Ты же, милостивый, даруешь нам оставление грехов, исцеляешь Любовью...»

«МЫ БЫЛИ, КАК ВЫ...»

Расстаемся. Паром отбывает с Афона. Горы, знакомые очертания монастырей. Ночуем в Уранополисе. Купаемся в море. Но Афон не отпускает. Звонок руководителя нашей группы знакомому русскому монаху приводит нас к таможне. Отец Николай, рослый, широкобородый, быстрый в движениях, вернулся с утренней рыбалки. Рабочий подрядчик в рыбьей чешуе. Договаривается с таможенниками, чтобы пропустили нас к нему в скит Крумница. Усаживает нас всех восьмерых в свой джип, и мы опять на Афоне. Серпантин, лес, море, облака. Ближе к скиту виноградники, бахчи. Здоровенные, будто накатанные, арбузы. Отец Николай, передав ведро с уловом послушнику, знакомит нас со скитом. Кельи, медпункт, трапезная, храм. Молимся. Из храма ведет нас в костницу. Здесь, на Афоне, существует такой обычай. Через три года после захоронения монаха могилу раскапывают и, если тело усопшего обратилось в прах, а кости побелели, череп и кости омывают в воде с вином, помещают в особое помещение – костницу. Помню, в Хиландаре костница – это темное полуподземное помещение. Длинные полки с сотнями черепов. Здесь же прекрасное светлое помещение вроде библиотеки. На дверях надпись-обращение, если хотите, утверждение с перспективой: «Мы были, как вы, а вы будете,

как мы». И тоже полки с рядами черепов. На лбах черной краской имена и даты смерти.

Ни тогда в Хиландаре, ни здесь никакого угнетающего чувства от созерцания этих останков. Приходит на память высказывание святых отцов: думай о смерти и вовеки не согрешишь.

По выходе из костницы замечаю следы пожара. Отец Николай рассказывает, как гонимая ветром стена огня шла на старую деревянную костницу. Еще чуть-чуть, и сухое дерево вспыхнет как порох. Пламя испепелит черепа и кости усопших. Но тут огненная стена вдруг скручивается в огромный шар и перекатывается через костницу, не причинив вреда ни ей, ни храму.

Возвращаемся из скита пешком. Отец Николай благословил сорвать на бахче арбузы. На полянке обочь дороги устраиваем завтрак. Неимоверно сладкий огромный арбуз съедаем за минуты, разрезаем другой... Благодарить!

ДВА ЕВРО

И вот уже Салоники. Рядом с отелом огромный собор святого великомученика Димитрия Солунского. В Оренбуржье на малой моей родине сельский храм носит имя этого святого. И оттого величественный греческий собор делается роднее и ближе. Молимся, прикладываемся к святым мощам. У выхода молодая еще гречанка просит милостыню. На ладони у нее ингалятор. Что-то лопочет по-гречески. Надо понимать, просит на лекарство. Даю мелочь. На другой день грузимся в такси – в аэропорт домой. Опять эта гречанка с ингалятором. Мешает таскать рюкзаки, чемоданы. В раздражении опять сую в ладонь мелочь. «Два евро», – просит женщина. «Ага, а почему не десять...»

Уже в Самаре догоняет волна раскаяния: что стоило дать два евро? И пошло раскручиваться: для тебя два евро совсем не то, что две лепты для библейской вдовы. Пожалел! Не сам ли Господь устроил тебе экзамен после всех исповедей, молитв и прикладываний к святым мощам? Дважды давал тебе шанс помочь страждущей сестре во Христе. Ингалятор на ладони – это вовсе не ингалятор, а ключ к твоему окаменелому сердцу. Забыл, что похожим ингалятором пользовалась матушка родная при приступах астмы... Но и «ключ» тебе не помог.

Так навалилось, хоть опять лети в Салоники, ищи эту гречанку.

Наутро раздался звонок сотоварища по Афону:

– «Здравствуй, брат! Ты в порядке?» – «Да вот...», – рассказываю про эти два евро. – Утешься, брат. В Самаре страждущих еще больше, чем в Греции... Помогите, Господи».

«Духовный Собеседник» в 2016 году

О Первой мировой войне и ее последствиях в истории России.

Поучения святых отцов о стяжании Духа Святого.

Жизнеописания отечественных подвижников благочестия, праведников, боголюбцев, исповедников российских из архива митрополита Мануила (Лемешевского).

Проповеди митрополита Иоанна (Снычева), записанные его духовной дочерью М. С. Ивановой.

Материалы, посвященные 1000-летию русского присутствия на Афоне.

Из автобиографической повести Светланы Хмелевой читатели узнают о Православии в Конго и о жизненном укладе туземцев.

Повесть Александра Громова об Афоне.

Труд Алексея Солоницына о духовном пути создателя фильма-шедевра «Андрей Рублев».

Повести протоиерея Евгения Зеленцова.

1-я стр. обложки: Святые страстотерпцы Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович с Наследником Цесаревичем Алексием. Фотография. 1915 г.

2-я стр. обложки: Икона Божией Матери «Игуменья Святой Горы Афонской». Середина XX в. Монастырь Хиландар.

3-я стр. обложки: Высокопреосвященнейший митрополит Самарский и Сызранский Сергей (Полеткин) в Ватопедском монастыре на Святой Горе Афон.

Издание зарегистрировано Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-7592 от 19.03.2001 г.

Учредитель Самарская Епархия Русской Православной Церкви.

№5(85). Отпечатано в типографии компании «Элайт», адрес: 443022 г. Самара, ул. Полевой проезд, дом 12. Подписано в печать 23.08.2016 г.

Тираж 1500 экз. Выходит один раз в два месяца. Возрастное ограничение: 12+.

**ПРИГЛАШАЕМ
ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ**
на журнал «Духовный Собеседник»
(144 стр.; 1 раз в 2 месяца)
на 2-ое полугодие 2016 года.

**Духовный
Собеседник**

- В любом почтовом отделении России – наши подписные индексы:
99955 – в каталоге «Почта России»
39582 – в объединенном каталоге «Пресса России» (зеленом)
- Для жителей Самарской области в почтовых отделениях существует возможность льготной подписки - по специальному абонементу:

Ф.СП-1	АБОНЕМЕНТ												
	на журнал										73718		
(индекс издания)													
Духовный Собеседник													
на 2016 год по месяцам										кол-во		1	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
										X			
Куда													
Кому													
ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА													
ПВ место литер			на журнал									73718	
(индекс издания)													
Духовный Собеседник													
Стои- мость		по каталогу			255 руб. 18 коп.					кол-во комп.		1	
		за доставку			руб. коп.								
на 2016 год по месяцам													
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
										X			
Куда													
Кому													

- Через Сбербанк (см. на обороте)

3. **Напрямую** (через банк или иным способом) перечислив денежные средства (из расчёта **270 рублей** за один экземпляр журнала с учетом доставки до адресата - только на территории России) **в редакцию по следующим реквизитам:**

Получатель: ООО «ИТЦ «Софит»

ИНН 6316126890 / КПП 631601001

р/с 40702810003000022347 в Приволжском филиале ПАО «Промсвязьбанк» г. Самара

БИК 042202803 к/с 30101810700000000803

Назначение платежа: Подписка на журнал «Духовный Собеседник» на 2016 г. на ___ номеров.

В этом случае необходимо прислать в редакцию заполненный заказ:

БЛАНК ЗАКАЗА					
Я подписался на следующие выпуски журнала «Духовный Собеседник» в 2016 г.:					
№1(81) Январь - Февраль	№2(82) Март - Апрель	№3(83) Май - Июнь	№4(84) Июль - Август	№5(85) Сентябрь - Октябрь	№6(86) Ноябрь - Декабрь

* отметить четко номера крестиком или галочкой

Плательщик (подписчик): _____

Почтовый адрес подписчика (с указанием индекса): _____

желательно указать телефон для связи

Сумма: _____ руб. ___ коп.

Подпись: _____ **Дата:** " ___ " _____ 2016 г.

КОНТАКТЫ РЕДАКЦИИ:

эл.почта: albina063@mail.ru

почтовый адрес: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

телефоны: +7(846)334-12-72, 336-84-41.

4. **Наложенным платежом**, обсудив и оформив заказ по телефонам, указанным в п. 3.

Духовный Собеседник